

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 6 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

1966

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Балза.</i> Вклад польского народа в культуру человечества (К тысячелетию Польского государства)	3
<i>И. С. Достян.</i> К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в.	17
<i>С. В. Никольский.</i> О жанровой структуре романа К. Чапека «Война с саламандрами»	31
<i>Д. В. Кацнельсон.</i> Польские песни о героях восстания 1863 года	41
<i>Л. Э. Калынь.</i> К характеристике нижнедлужницких звуковых диалектных различий	48

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. П. Поп.</i> Ремилитаризация Рейнской зоны и чехословацко-венгерские отношения	56
<i>И. С. Миллер.</i> Русский военный комитет в Варшаве и ЦК «Земли и Воли»	61
<i>А. И. Кузьмин, С. А. Миронов.</i> Письма Ф. Миклошича к М. П. Погодину	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р е ц е н з и и

<i>И. П. Костюшко.</i> А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России	74
<i>Б. С. Попков.</i> L. Przemski. <i>Niespokojne życie</i>	75
<i>А. А. Илюшин.</i> «Критический реализм в литературах западных и южных славян»	77
<i>Г. Я. Ильина.</i> «Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća»	79
<i>Г. П. Клепикова.</i> W. Budziszewska. <i>Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej</i>	81
<i>А. С. Львов.</i> «Изборник 1076 года»	84

З а м е т к и о к н и г а х

Р. В. Булатова. Новое издание Новосадского университета 89
Н. А. Богомолова. О книге Я. Тинаделя «Творчество Б. Лесьмяна» 90
А. С. Мыльников. «Příspevky k dějinám česko-ruských kulturních styků» 92

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1966 г. (продолжение) 92
Содержание иностранных журналов 94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Рогова, Л. Шаферова. О преподавании славянских языков и истории в Красноярском педагогическом институте 97
Е. А. Захаревич. На филологическом факультете Ленинградского университета 97

В И н с т и т у т е с л а в я н о в е д е н и я А Н С С С Р

Н. П. Митина, Т. И. Комкова. Защита диссертаций 98

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

Юлиус Полацкий (ЧССР). Славянская филология в Чехословакии после 1945 г. и перспективы ее развития 99
В. Е. Гусев. Славистическая конференция фольклористов 107
М. И. Ермакова. Международная конференция сорабистов 108
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1966 г. 111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ,
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕННИ

ВКЛАД ПОЛЬСКОГО НАРОДА В КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (К тысячелетию Польского государства)

1

Одним из показателей мирового значения той или иной культуры является ее самобытность, которой в высокой степени отличаются культуры славянских народов. С этой точки зрения хронологические рубежи тысячелетия представляются весьма условными. Нельзя не отметить единодушия польских (начиная с хронистов) и русских историков в двух основных вопросах: во-первых, польская государственность существовала до принятия страной христианства; во-вторых, с незапамятных времен отмечалась и подчеркивалась самобытность Польши как страны славянской. О некоторых формах польской государственности в дохристианский период дает, как известно, представление так называемый «Географ Баварский». Обзор наиболее ранних документов, относящихся уже к XI—XII вв., дает Э. Козловская-Будкова¹.

Что же касается древнейших памятников польской культуры, то судить о них мы можем лишь на основании археологических открытий, в последнее время довольно многочисленных, а также на основании реликтов в поэтическом и музыкальном народном творчестве. Очень существенно, что обе группы источников характеризуют польскую культуру как исконно славянскую. Традиции древнепольской архитектуры восходят не к немецким «бургам», как нередко приходится читать, а к искусству польских зодчих, развивавшемуся еще в далеком прошлом («a tempore cuius non existit memoria», если воспользоваться выражением, примененным папой Александром IV в булле, посланной епископу любушскому Вильгельму)².

Некоторые археологические находки, в частности, сделанные экспедицией проф. Конрада Яжджевского в районе Гданьска в 1949 г., полностью подтверждают те отрывочные сведения о культуре быта западных славян, которые содержатся в византийских и арабских источниках VII—X столетий, а также в Хронике Галла Анонима. Сведения эти постоянно используются польскими археологами, причем результаты проводимых ими раскопок свидетельствуют о своеобразии древних памятников польской материальной культуры, восходящей, по-видимому, к гораздо более далекому прошлому, чем годы правления «короля Севера», как называл Ибрагим ибн Якуб Мешко I.

Реликты в польском народнопесенном и поэтическом творчестве, относящиеся к дохристианскому периоду развития польской культуры,

¹ Z. Kozłowska-Budkowa. Repertorium polskich dokumentów doby piastowskiej, cz. I. Kraków, 1937.

² Ср.: L. Niederle. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, s. 27 (комментарии к тому месту Лаврентьевской летописи, где говорится о расселении славянских племен).

достаточно многочисленны. К числу древнейших польских песен принадлежат, например, песня «Oj chmielu, chmielu, ty bujne ziele»³, связанная, видимо, с культом славянского бога солнца и плодородия Ярилы (Яр — хмель, отсюда и эпитет «bujne»). С языческой мифологией прямо связаны песня «Dydesie nasz, bożku nasz» и многочисленные обращения к Диду и ладе⁴, подчас переплетающиеся с позже включенным именем Иисуса⁵. В тексте той же песни «Dydesie nasz» содержатся непонятные, казалось бы, слова «czuta ruta, czutela ruteła», сохранившиеся, вероятнее всего, от обряда-заклинания, в котором какую-то роль играла рута — растение, наделявшееся в польских, украинских и литовских поверьях магическими свойствами.

Нет сомнения, что Кольберг понимал значение записей текстов народных песен для ориентации в накапливавшихся в них лексических пластах, позволяющих «прозревать шаги отошедших времен». С этой точки зрения в высшей степени характерна полемика Кольберга с Ленартовичем, полагавшим, что нет никакой надобности приводить в собрании «Lud» тексты песен полностью, так как «такое обильное стихоплетство никому ни на что не нужно»⁶. На это замечание Кольберг ответил, что, собирая песни, он вовсе не стремился ограничиваться критериями чисто поэтической ценности. Народное творчество «есть и будет сокровищницей, привлекающей грамматиков, лингвистов, историков...»⁷.

Принятие христианства в Польше ознаменовалось началом латинизации страны: развитию польского литературного языка, презрительно именовавшегося «lingua vulgaris», решительно, казалось бы, должно было воспрепятствовать провозглашение латыни официальным языком. Им пользовались правящие круги, духовенство. Вместе с латинским языком пришли и григорианские напевы, получившие к тому времени распространение во всей латино-христианской Европе. Но латинизация и христианизация Польши протекала отнюдь не идиллически, а встречала ушорное сопротивление народа. Приобщение к памятникам античной культуры было, бесспорно, фактором прогрессивным. В то же время стойкая защита языческих верований, обрядности (включая теургические действия, заклинания, пляски и напевы) способствовала сохранению древних славянских традиций, отразившихся в самых различных областях художественной культуры. Это оказалось чрезвычайно важным, ибо, например, вклад в мировую музыкальную культуру польский народ сделал не путем усвоения норм «плавного пения» григорианского хора, а как будет показано дальше, — путем нарушения и разрушения этих норм.

Правящие светские и церковные круги восприняли латынь не как великое и прекрасное наследие Вергилия, а как элитарный язык. Первые известные нам памятники польской письменности появились на рубеже XIII—XIV столетий. Но и они позволяют составить представление о развитии самобытного польского языка. Как кодекс, известный под названием «Свентокшишских проповедей», так и несколько более поздние «Гнезенские проповеди» свидетельствуют, что общение духовенства с народом могло происходить в основном на отечественном языке. Стремясь преодолеть «языковой барьер», архиепископ гнезенский Якуб Свинка уже в конце XIII в. приказывает ксендзам разъяснять прихожанам по-польски латинские тексты молитв, а папский легат Джакопо (будущий папа Ур-

³ O. K o l b e r g. Dzieła wszystkie. Lubelskie, cz. I. Kraków, 1962, s. 224—225.

⁴ Ibid., s. 148, 155, 156.

⁵ Ibid., s. 188.

⁶ «Korespondencja Oskara Kolberga», cz. I (1837—1876). Warszawa, 1965, s. 68 (письмо от 25 марта 1857 г.).

⁷ Там же, стр. 70 (ответное письмо Ленартовичу от 5 мая 1857 г.).

бан IV) даже рекомендует священникам читать в костелах по праздникам «Отче наш» и «Верую» на польском языке.

Хранителем отечественного языка оставался народ, который выступал также и создателем художественных ценностей. Польские мастера создавали скульптуры, облачения, ковры, изделия из золота, серебра, слоновой кости и янтаря⁸. Многие из этих предметов сохранились в польских музеях и храмах, свидетельствуя не только о высоком профессиональном уровне, но и о самобытности искусства польских мастеров. Польские скульпторы, резчики, ювелиры развивали в своем творчестве характерные особенности народной орнаментики, а образы святых и апостолов, облаченных в изукрашенные ризы, наделялись чертами польских крестьян и горожан (достаточно вспомнить величайшее творение польского средневековья — многофигурный алтарь Вита Ствоша в Кракове).

Стремлению светских и в особенности духовных феодалов к «универсализации» языка и художественного быта польский народ противопоставлял своеобразие творчества. Это относится в полной мере не только к песенно-поэтическому и сказочному фольклору, но и к изобразительному искусству. Что же касается языка, то польская интеллигенция, роль которой в жизни страны постепенно возрастала, далеко не всегда высказывалась за всеобщую лагинизацию. Уже в 1440 г. профессор Краковской академии Якуб Паркош создал первый трактат о польской орфографии «*De ortographia polonica*». На польском языке разрешалось слагать песни религиозного содержания. Во второй половине XV в. такие песни сочинял, например, провинциал ордена бернардинцев Ладислав из Гельнёва. Однако, если вслушаться в его «Пятнадцать размышлений о страстях господних», то окажется, что неизвестный автор, сочинивший мелодии на этот текст, придал им отчетливо выраженный народно-танцевальный характер. И на протяжении многих столетий стихия польского народного песенно-танцевального творчества оттесняла на второй план культовое содержание текста — даже в Реквиеме Звезховского (1760) с его полонезной ритмикой!

2

Основание Академии в Кракове (1364) было значительным этапом в истории развития польской культуры. Однако международные культурные связи развивались задолго до указанной даты. Автор одной из ранних польских хроник Винценты Кадлубек получил, например, образование за рубежом, — как полагают, во Франции. Во время пребывания в чужеземных странах польские ученые зачастую делали важные открытия. Так, в 70-х годах XIII в. силезец Эразм Цьолек (Вителло) написал в Италии трактат о важнейших проблемах оптики (*Perspectiva*). Трактат этот, в котором уже использовались тригонометрические методы, привлек внимание многих ученых Европы и оказал заметное влияние на развитие науки. Другой поляк — Франциск (Францишек, Франсуа) стал известен во Франции своими астрономическими исследованиями.

В XIII в. зарождается польская географическая наука, первые страницы которой связаны с именем Бенедикта Поляка. В 1245—1246 гг. он вместе с легатом Иннокентия IV францисканцем Джьованни Пиан дель Карпине совершил путешествие в Золотую Орду, после чего составил первое в Европе описание стран Средней Азии. Польские хронисты — от Длугоша до Стрыйковского — сыграли выдающуюся роль в утверждении

⁸ См., например, описание так называемого «дара Саломей» (жены Болеслава Кривоустого): «*Historia Polski*, t. I, cz. I. Warszawa, 1957, s. 304.

идеи братской общности славянских народов. Эта идея получила плодотворное развитие и в литературе эпохи Возрождения. Так, в «Польском придворном» Лукаша Гурницкого мы находим рассуждения о словарном фонде польского языка и о том, что фонд этот в случае надобности следует пополнять словами либо чешскими, «либо русскими, либо хорватскими, либо сербскими, как более понятными поляку»⁹. Аналогичные суждения высказывал по этому поводу и Станислав Ожеховский, старший современник Гурницкого. Совместно с Яном Кохановским и просвещенным краковским издателем Яном Янушовским они трудились над реформой польского алфавита.

Величайший памятник музыкальной культуры польского Возрождения — «*Psalterz Polski*» Миколая Гомулки, изданный через год после опубликования польских переводов псалмов давидовых («*Psalterz Dawidow*») Яна Кохановского, т. е. в 1580 г., содержит 150 песнопений, резко отличающихся от многочисленных произведений, созданных на те же (правда, латинские) тексты Псалмопевца. Такого высокого своеобразия Гомулка достиг благодаря глубокому постижению народных истоков польского песнетворчества и стремлению создавать произведения «для поляков, для наших простых соотечественников».

Произведения Рея, Кохановского, Вацлава из Шамотул, Миколая Гомулки привлекают к себе внимание и в других странах. «Польский придворный» Гурницкого вызывает споры среди итальянских гуманистов. Псалмы Гомулки получают распространение в Чехии в добелогорский период. Рей, Гурницкий, Кохановский показали силу, богатство и выразительность отечественного языка. В эпоху Возрождения необычайно возрастает в Польше интерес к проблемам этногенеза, к самобытности славянских народов, развитию и защите их государственности. Подобно чешским хронистам, польские авторы пишут о доблести славянских воинов, о братской общности славянских народов (Длугош, ректор Краковской академии Мацей Меховита). «Трактат об обеих Сарматиях» выдержал в XVI в. множество изданий и был переведен с латинского языка не только на польский, но и на итальянский, немецкий и фламандский языки. Последующие годы принесли множество географических и картографических изданий, в том числе завоевавший международную известность труд «*Polonia*» Марцина Кромера (1577).

Количество ссылок на эти издания в зарубежной литературе, а также распространение трудов краковской астрономической школы и сведений об истории Польши позволяют судить о вкладе страны в мировую культуру. Светские и духовные власти следили за трудами польских ученых. XVI век ознаменовался в Польше ожесточенной идеологической борьбой между силами реакции и прогресса. Так, в 1519 г. был конфискован почти весь тираж труда Меховиты «*Chronica Polonorum*», ибо автор, изложив содержание труда Длугоша, дал весьма критическую оценку политической деятельности Ягеллонов и крупнейших możновладцев страны в 1480—1506 гг. Через два года, правда, издание было возобновлено, но в нем были изъяты все «крамольные» места, которые, однако, уже в XVI в. оказали воздействие, как полагает Фрэнсис Притчард, на формирование критических взглядов английских, французских и немецких авторов «на отдельные фазы исторического процесса и его официальных вершителей»¹⁰.

Драгоценным вкладом польского народа в интеллектуальную жизнь человечества явилась критика феодального строя, борьба с косным миро-

⁹ Z. G ó r n i c k i. Pisma. Oprac. R. Pollak. T. I. Warszawa, 1961, s. 110.

¹⁰ F. A. P r i t c h a r d. The origin of modern historiography. London, s. a. p. 371.

воззрением, навязанным церковниками. Здесь хочется назвать знаменитый трактат Миколая Коперника «De revolutionibus orbium coelestium», изданный в Нюрнберге в 1543 г. и ставший основой гелиоцентрического понимания основ космографии. Теория Коперника, созревавшая на протяжении полувека, нанесла решительный удар по авторитету теологии, претендовавшей на право диктатора во всех областях науки.

Благодаря трудам Коперника человеческая мысль вступила в новую фазу своего развития. Идеи Коперника бесстрашно развивал Джордано Бруно, воспринявший их еще в юные годы и создавший на их основе новые существующую концепцию полигалактической Вселенной. Как Бруно, так и Галилей придавали громадное значение гелиоцентрической концепции Коперника. На протяжении многих лет Галилей тщетно добивался отмены папского запрещения трудов Коперника. «Церковь воинствующая и торжествующая» пыталась запретить Земле двигаться. Но курия была бессильна остановить движение человеческой мысли. Значение коперниковского учения выходит далеко за пределы астрономической науки, ибо оно сыграло громадную роль в истории философии, подорвало веру в незыблемость теологических норм и суждений.

3

Начало книгопечатания (1473) в Польше имело, разумеется, серьезное значение для распространения достижений отечественной культуры. Труды польских ученых нередко печатались и в зарубежных странах. Выезжавшие за границу польские ученые нередко привлекали внимание своими выступлениями на университетских диспутах. В 1671 г. в Венеции было опубликовано обширное собрание многоголосных произведений Миколая Зеленьского — одного из крупнейших польских композиторов XVII в.

К этому времени в Европе получают распространение произведения и других мастеров польской музыкальной культуры, оказывавшие, благодаря своей самобытности, заметное влияние на развитие мирового музыкального искусства. Имена некоторых из этих мастеров и образцы их творчества мы находим в несколько раз издававшейся в 70-х годах XVII в. «Музыкальной грамматике» Н. П. Дилецкого, киевлянина по происхождению, жившего в Вильне, а затем в Москве. Многие польские музыканты жили в России, где прославились, в частности, польские органные мастера и органисты, в Пруссии (нам известна там целая «династия» Подбельских), в Италии, в Австрии и других странах. Мировую известность завоевали в XVII в. польские струнные инструменты работы таких выдающихся мастеров, как Марцин Гроблич, Бальтазар и Ян Данкварты. Заметим попутно, что искусство изготовления струнных инструментов нередко сочеталось в Польше с искусством резьбы по дереву, благодаря чему инструменты эти отличались редким изяществом отделки¹¹.

Польский хронист Иоахим Бельский упоминает о песнях, которые «пели хлопцы»; интонации и мелодии этих песен врывались даже в культовую музыку. Ее «обмирщение» началось в Польше задолго до того, как Бах создал свою прославленную «Высокую мессу». Так, например, через всю «Прекраснейшую»¹² мессу Бартомея Пенкеля (ум. в 1670 г.) проходит далекий от норм григорианского обихода напев, позволяющий считать его народной эпической песней. Развертывание напева завершается в одной из частей «Прекраснейшей мессы» тематическим образованием, в точности повторяющимся в финале последней фортепианной сонаты

¹¹ См.: Z. Szulc. Słownik lutników polskich. Poznań, 1953.

¹² Такой эпитет был дан этому произведению еще при жизни композитора.

Шопена¹³. Едва ли Шопен знал «Прекраснейшую мессу», но вряд ли совпадение можно считать простой случайностью. Правильнее всего говорить здесь о стойкости народной героической традиции. Именно эти традиции в различных областях культуры обуславливали ее особое положение и вместе с тем воздействие на мировую культуру, определяющееся не отдельными фактами проникновения произведений польской литературы и искусства на Запад и Восток, а всей суммой типичных черт, характеризующих польскую культуру, при всем многообразии связей с Западом, как культуру славянского народа, что игнорируется многими современными зарубежными историками и историками культуры, тенденциозно утверждающими, что чуть ли не до наших дней в Польше существовала «традиционная» западная ориентация. Нет никаких оснований отрицать эту ориентацию вообще, но нельзя забывать и о резких обличениях «западничества», содержащихся и у Гурницкого, и в «Миколае Досвядчиньском» Игнация Красицкого, и в «комедия-операх» Юзефа Эльснера, и у многих других деятелей польской культуры.

Вместе с тем, говоря о связях с Западом, нельзя забывать о сильнейшем воздействии прогрессивных польских мыслителей на развитие мировой науки, включая философию, а также на развитие передовых общественных взглядов, нередко приобретавших характер социального протеста. Нельзя, разумеется, пройти мимо тонкого замечания Виктора Кизветтера о воздействии дантовской «системы устройства мира» на взгляды, получившие распространение в кругах польских ариан XVI—XVII вв., называвшихся также «Польскими Братьями». Это подтверждается только что опубликованными работами крупнейшего итальянского дантолога Наталино Саленцо, который называет «Чистилище» прежде всего выражением общественно-социальных и этических воззрений автора «Божественной комедии». Проследивая пути раскрепощения человеческой мысли от пут схоластики и феодального рабства, нельзя не признать, что знаменательными вехами на этом пути были труды польских ариан, завоевавшие признание светлых умов Запада.

Напомним, что в 1656 г. в Амстердаме вышла «Bibliotheca Fratrum Polonorum» («Библиотека Польских Братьев»), в которую вошли избранные труды польских ариан. Общеизвестно, что труды эти оказали влияние, в частности, на развитие рационалистических концепций Спинозы. Справедливо подчеркивается воздействие социально-общественных воззрений «енджеевских ережиков»¹⁴ на формирование политических концепций французской революции.

В международных связях польской культуры значительное место занимали русско-польские связи. В истории их многое еще представляется нам недостаточно ясным. Очень мало разработана, в частности, проблема восточнославянских связей «Польских Братьев». Чрезвычайно важными представляются нам те выводы о прочности связей между русской и польской историографией, к которым пришел А. И. Рогов, изучая Хронику Мацея Стрыйковского и смежную группу источников.

Пришла, видимо, пора более углубленного изучения русских «отверженных книг» и сопоставления их с обширным философско-литературным наследием польских ариан. Здесь невольно напрашиваются параллели, основанные прежде всего на общности борьбы за свободу совести, мысли и веры, за человеческое достоинство.

Классическому расцвету польской литературы и искусства предше-

¹³ И. Б э л з а. Фридерик Францишек Шопен. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 446—447.

¹⁴ Енджейув был, как известно, одним из центров арианского движения.

ствовал период подъема и усиления борьбы за самобытность отечественной культуры. Такая борьба не исключала восприятия научных и художественных ценностей, создававшихся другими народами, но вместе с тем способствовала правильному пониманию роли польского народа в накоплении этих ценностей. Все более и более серьезную роль играло при этом утверждение полноправности литературного польского языка. Характерно, например, что, переводя (и перерабатывая подобно тому, как Гурницкий переработал книгу Кастильоне) «Поэтическое искусство» Буало, Франциск Ксаверий Дмоховский дополнил поэму-трактат песнями, в которых говорилось о славянских истоках польского языка.

4

Век Просвещения ознаменовался в Польше выдвижением деятелей отечественной культуры, которые способствовали ее мировому признанию. В первую очередь это относится, разумеется, к Игнацию Красицкому, который не только отстаивал «наш польский язык, некогда богатый, в настоящее же время находящийся в пренебрежении и крайнем притеснении»¹⁵, но и обогатил польскую литературу (а вместе с тем и язык) блистательными произведениями, завоевавшими европейскую известность и оказавшими мощное влияние на развитие общественной мысли во многих странах. Красицкий смело решал проблемы устройства общества, обличал как аристократию, с презрением относившуюся к «хлопам» и к «простонародному» языку, так и духовенство. Недаром такой выдающийся французский литературовед, как Эмиль Фагэ, поражался, что один из великолепнейших шедевров антиклерикальной литературы — новеллу «Декан из Бадахоса» — создал будущий архиепископ гнезненский.

Восстание 1794 г. было в значительной степени подготовлено идеями века Просвещения, развитие которых шло параллельно с антикрепостническими стремлениями польского крестьянства. И как бы трагически ни складывалась судьба Польши в последующие десятилетия, как бы противоречивы ни были мятежные творческие искания гениальных создателей ее культуры, все же именно революционная направленность польской культуры определила ее особое место в мировом историко-культурном процессе. Образ Мицкевича, запечатленный в бронзе в Польше и России, во Франции и в Италии, стал во всем мире символом поэта-борца.

Мицкевич, Словацкий, Красицкий и Норвид вошли в мировую литературу, примкнув к ее дантовской традиции, позволившей этим мастерам, подобно Данте и Пушкину, понять философско-социальное значение художественного творчества и роль поэта как бесстрашного обличителя, наделенного «всеведением пророка», и вместе с тем некоего демиурга — строителя общества, постигающего его движущие силы, и глашатая его этнических идеалов. Лист постиг облик Мицкевича как «северного Данте»¹⁶.

При всем различии творческих индивидуальностей Мицкевича и Словацкого, не говоря уже о Красицком, авторе «Небожественной комедии», и Норвиде, великих творцов польской романтической литературы середины XIX в., несомненно, объединяет высокий патриотизм, сочетающийся с мучительными морально-этическими поисками, которыми в значительной степени объясняются «мессианистские» заблуждения названных польских мастеров. Обращение к Данте в польской литературе было вполне закономерным после поражения 1830—1831 гг., хотя еще до этого фрагменты «Божественной комедии» переводил, как известно, Мицкевич. Не

¹⁵ См. С. Советов. К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. I, М., 1949, стр. 296.

¹⁶ Ф. Лист. Ф. Шопен. Перевод С. А. Семеновского. М., 1956, стр. 221.

только он, но и Словацкий и Норвид могли сказать о себе словами Красиньского, что они, «как Дант, чрез ад прошли еще при жизни».

Величайшей заслугой польских романтиков было то, что, оплакивая свою растерзанную родину, они поднялись до уровня общечеловеческих идей, проблем и образов, сделав тем самым громадный художественный и философско-этический вклад в мировую культуру. Не будет преувеличением сказать, что именно дантовское понимание роли поэта в обществе сближало Мицкевича с Пушкиным — первым русским мастером, достигшим поистине апокалиптической мощи образного и звукового строя стиха.

Несомненно также и то, что именно в середине XIX в. у польских романтиков, как, впрочем, и у Пушкина и Гоголя, а еще ранее у Моцарта, возникали мысли об объединении прогрессивных сил человечества с целью осуществления социального переустройства общества.

Пафос национально-освободительных стремлений родного народа с потрясающей силой запечатлел в своем творчестве Шопен. Право человека на мятеж, которое в «Небожественной комедии» Красиньский делает центральной проблемой, по-разному решаемой Панкрацием и графом Генриком, Шопен, так же как Пушкин, считал правом народа. «Галицийские крестьяне подали пример волынским и подольским; не обойдется это без страшных дел, но в конце концов будет — Польша, прекрасная, могучая, словом: Польша», — писал Шопен во время «Весны народов», откликаясь на народно-освободительное движение, образы которого запечатлелись и в его творчестве.

5

Уже в тридцатые годы прошлого столетия Шопен стал центральной фигурой романтического направления в музыке и, по существу говоря, именно его следует считать тем представителем польского искусства, который оказал наиболее мощное, благотворное и длительное воздействие на весь процесс развития мировой художественной культуры. Приехав в Париж еще юношей, Шопен не изменил своего творческого облика, сформировавшегося еще на родине, а наоборот, сам оказал громадное влияние на западноевропейскую музыку. В утверждении ярких черт национальной самобытности Шопена решающую роль сыграло не только глубокое изучение композитором народного творчества, но и восприятие опыта его предшественников и старших современников¹⁷. Речь идет не только о М. К. Огиньском, но и о Юзефе Эльснере (учителе Шопена), Кароле Курпийском, Францишке Лесселе, Марии Шимановской, Феликсе Островском, Кароле Липийском и других. Говоря о вкладе польских музыкантов в мировую культуру, нужно помнить и об этих забытых и полузабытых мастерах, значение которых засвидетельствовано, например, Глинкой (сохранились его отзывы о Шимановской и Курпийском) и Шуманом, подчеркивавшим через несколько лет после смерти Шимановской, что ее этюды «были написаны уже давно и что поэтому многое из того, что делалось постепенно обычным и распространенным, должно быть в них оценено как новое и выдающееся»¹⁸.

Оба концерта, первые полонезы, мазурки, этюды и другие сочинения Шопена были созданы еще на родине. Интонационное своеобразие сочеталось в них с жанровым, причем наряду с танцевальной основой нужно

¹⁷ См. И. Вэлза. Фридерик Францишек Шопен; Кегеле. Проблемы изучения стиля Шопена. — «Annales Chopin», 6. Warszawa, 1965.

¹⁸ R. Schumann. Gesammelte Schriften über Musik und Musiker. Bd. I. Leipzig, 1883, S. 203.

говорить и о побудках, т. е. о фанфарной призывности, рожденной еще освободительными порывами восстания 1794 г., участником которого, как известно, был отец композитора. Такая призывность еще более ярко проявилась в произведениях, написанных Шопеном во время восстания 1830—1831 гг. и после его подавления, в особенности в балладах, Фантазии, полонезах, некоторых ноктюрнах, этюдах, виолончельной и фортепианных сонатах. Несмотря на лиризм многих страниц шопеновской музыки, в ней все же преобладают героико-драматические образы, а Соната с похоронным маршем воспринимается как музыкальное воплощение национальной трагедии Польши.

Обобщив громадный опыт, накопленный в польском народном и профессиональном песенно-инструментальном творчестве, сочетав лирические, элегические-скорбные, траурные, яростно-призывные и драматически-взволнованные образы, Шопен достиг поразительного идейно-эмоционального богатства содержания музыки, для выражения которого он безмерно расширил диапазон средств выразительности, никогда не теряя национального своеобразия. Близость к Шопену великих русских композиторов-классиков, начиная от Глинки и кончая Скрябиным, была естественным проявлением общности славянских музыкальных культур. Шопен оказал сильнейшее влияние на Листа, Вагнера, Дебюсси и многих других западноевропейских мастеров.

Становление польской национальной оперы и вокальной лирики, связанное с именем Монюшко, нельзя представить себе без творческого восприятия шопеновских традиций автором «Гальки» — первой польской оперы, завоевавшей мировое признание.

Имена польских композиторов и поэтов XIX в. неразрывно связаны друг с другом. Шопен писал музыку на слова Мицкевича и многих других своих соотечественников. Сюжетами Мицкевича, как говорил композитор Шуману, навеяны баллады Шопена, причем первая из них многими исследователями называется «валленродовской». Во всяком случае, нет сомнения, что в мировом музыкальном искусстве Шопен утвердил жанр баллады, восходящий к славянской думе¹⁹, т. е. лирико-эпическому повествованию о героическом подвиге, начинающемуся скорбным «запевом», который предшествует драматическим образам думы-баллады²⁰. Монюшко развивал в своем вокальном творчестве и этот жанр и многие другие, также обращаясь к поэзии Мицкевича («Дядя», кантата «Крымские сонеты», хоры, ансамбли, песни).

С именем Мицкевича, несомненно, связано и повышение интереса к народному творчеству, значение которого он неустанно подчеркивал. В 40-е годы начинал свою титаническую работу, об истинных масштабах которой мы можем судить только в наше время, Оскар Кольберг. В 1846—1849 гг. он публикует 355 обрядовых, в том числе свадебных, польских народных песен (тексты и мелодии с приписанным аккомпанементом) и ряд статей об отечественном фольклоре²¹, затем посвящает несколько лет сборанию материала и начиная с 1857 г. до последних лет своей жизни выпускает тома знаменитого собрания «Lud» («Народ»), содержащего не только тексты и мелодии песен и танцев, но и пословицы, поговорки, описание обрядов, — словом все то, что составляет национальное своеобра-

¹⁹ Первая известная нам польская инструментальная дума относится к концу XVI в., но восточнославянские вокально-инструментальные думы датируются польским хронистом Сарницким началом того же столетия.

²⁰ Напомним попутно, что Немцевич называл свои первые «Исторические песни» именно думами.

²¹ «Dzwon-Literacki», Warszawa, 1846; «Biblioteka Warszawska», 1847, 1848; «Album Literackie», Warszawa, 1848; «Prospekt na Pieśni ludu polskiego, zebrane i rozwinięte przez Oskara Kolberga».— «Tygodnik Literacki», Poznań, 1842, № 21.

ние жизненного уклада польского народа. В сохранении и развитии этого своеобразия, в утверждении самобытности национального самосознания польский народ сыграл решающую роль благодаря богатству своего творчества. Вместе с тем изучение этого обширнейшего собрания показало, насколько глубоко связаны высшие достижения польской литературы и музыкального искусства с народными истоками²².

Говоря о мировом признании, которое польская культура завоевала в XIX в., следует отметить укрепление русско-польских связей в различных областях общественной мысли, литературы и искусства. С русской стороны наиболее важный вклад сделали Пушкин и Глинка. Деятельность Пушкина в этом направлении получила высокую и справедливую оценку в трудах польских исследователей. Сохранившиеся тетради дневника Халены Шимановской и дневник историка Миколая Малиновского свидетельствуют, что Пушкин был дружен не только с Мицкевичем и его окружением²³, но и с Ваньковичем, Каневским, Олешкевичем, Орловским (упоминаемым как в «Руслане и Людмиле», так и в «Пане Тадеуше»), Смоковским; он бывал в мастерских почти всех (а, может быть, и всех) этих польских художников, встречался с ними у Марии Шимановской, в салоне которой часто слушал и ее музыку и произведения других польских композиторов — предшественников и старших современников Шопена. Пушкин был дружен с М. Ю. Вельгорским, живо интересовался польским народным творчеством и высоко оценил первые шаги польской фольклористики (его отзыв о трудах Зориана Доленги-Ходаковского)²⁴.

В сближении Глинки, Даргомыжского, Серова и других русских композиторов с Моңиюшко принципиально важной была общность взглядов на народно-национальные истоки музыкального творчества. Эту общность подчеркивают и польские исследователи²⁵. Нелишне напомнить имена и других выдающихся польских музыкантов, подобно Шимановской и Вельгорскому, подолгу живших и плодотворно работавших в России — Юзефа Козловского, Михала Клеофаса Огиньского, Феликса Островского, Кароля Липиньского, Генрика Венявского, Юльюша Зарембского, Станислава Барцевича. Если вспомнить еще огромное количество переводов произведений польской литературы, непрерывно, даже в годы жесточайшего цензурного гнета, публиковавшихся в нашей стране, то не будет преувеличением сказать, что борьба за международное признание польской художественной культуры велась не только ее создателями, но и их русскими собратьями.

6

Прошлое столетие ознаменовалось стремительным развитием всех жанров польской литературы, достижения которой стали привлекать внимание все более и более широких кругов мировой общественности. Здесь нельзя не упомянуть о примечательнейшем романе Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе». Отметим, что единственным человеком, который дал прозорливую оценку многочисленным трудам Потоцкого и его роману, был Пушкин, назвавший в своем «Путешествии в

²² О взглядах Кольберга и его современников на эту проблему см.: O. K o l b e r g. Dzieła wszystkie, t. 64. Korespondencja, cz. I. Warszawa, 1965.

²³ См. Д. Д. Б л а г о й. Мицкевич и Пушкин. Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. М., 1956, вып. 4.

²⁴ См. И. Ф. Б э л з а. Пушкин в кругу польских друзей. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

²⁵ См., в частности: W. R u d z i ń s k i. Stanisław Moniuszko, cz. 1, Kraków, 1955; cz. 2, Kraków, 1961.

Арзрум» имя этого польского историка и романиста, «коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы»²⁶. В том же году, когда «Путешествие в Арзрум» было впервые опубликовано, т. е. совсем незадолго до гибели поэта, он написал как бы парафразы на «Рукопись», создав стихотворение «Альфонс садится на коня», представляющее по своему образному строю такое же законченное целое, каким, собственно говоря, можно считать и начало пушкинского перевода «Конрада Валленрода» («Сто лет минуло, как тевтон...»).

Но если русский поэт через двадцать лет после самоубийства Потоцкого пытался привлечь внимание к научному и литературному наследию автора «Рукописи», то на Западе этот роман стал источником плагиатов и заимствований. Отрывки из «Рукописи» выдавали за собственные произведения и Шарль Нодье, и Морис Кузен, и Уошингтон Ирвинг. Судебный процесс, закончившийся официальным признанием факта сознательного плагиата, совершенного Кузеном, не остановил Александра Дюма, включившего в своего «Графа Монте Кристо» пересказ большого эпизода из «Рукописи» (бегство Дантеса из замка Иф).

Международные связи польской художественной культуры в романтический период ее развития непрерывно расширялись. Понятие «влияния» здесь представляется упрощенным и неправомерным. Вне всякого сомнения, Шопен усвоил весь опыт мировой музыкальной культуры в области как творчества, так и исполнительного искусства. Но ни о каком «влиянии» на Шопена, разумеется, нельзя говорить, — наоборот, на протяжении многих десятилетий ни один европейский мастер не прошел мимо творческого опыта Шопена. Художественные обобщения в этом процессе восхождения к вершинам мировой классики были настолько широкими, что нельзя, например, сказать, что Лист или Дебюсси, многим обязанные Шопену, восприняли специфически польские элементы его музыки. Точно также, говоря о пресловутом байронизме польских романтиков, нельзя пользоваться термином «влияние». Речь идет прежде всего об их приобщении к мировому музыкальному процессу.

Патриотической направленностью отличается и польское изобразительное искусство XIX в. Александр Орловский создал знаменитые батальные композиции, посвященные победам Яна Собеского под Веной и Тадеуша Костюшко под Рацлавицами, а наряду с этим — громадный цикл социально-заостренных жанровых зарисовок. Орловский продолжал оставаться в Петербурге поляком; нельзя недооценивать его роль в истории отечественной живописи и графики: ведь именно от его патриотических полотен тянутся нити к живописи Яна Матейко. Коперник, Кохановский, Вит Ствош, Ян Собеский, Костюшко — все эти образы воскресают на картинах Матейко как образы былой славы Польши. Художник многократно обращается к теме народа как творца истории и культуры.

Вряд ли целесообразно разграничивать черты романтизма и реализма в творчестве Матейко. Корни его художественного мироощущения восходят к эстетике польского романтизма со всеми его противоречиями, выход из которых искался в этических концепциях, порою также ошибочных. Представления о «мессианизме», «жертвенности», отразившиеся и в западноевропейской историографии (вспомним хотя бы книгу «Польша-мученица» Жюля Мишле), проникли, например, в творчество Артура Гротгера, с которым перекликается «Полония» Матейко. Но собирательный образ народа, физическая мощь и духовная одаренность которого

²⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Изд. АН СССР, М. — Л., 1949, том VI, стр. 652. Пушкин применил здесь множественное число, так как читал отдельно заданные фрагменты романа, на титульных листах которых стояли разные названия («Авадоро» и «Десять дней жизни Альфонса ван Вордена»).

являются залогом светлого будущего Польши, доминирует в творчестве Матейко, заставляя вспомнить и слова Шопена о крестьянских восстаниях, и политическую программу левого крыла «Великой эмиграции» во главе с Иоахимом Лелевелем.

«Братья русские!» — так начиналось «Воззвание к русским» Лелевеля, написанное в Париже в 1832 г., т. е. уже после подавления ноябрьского восстания. Достаточно вспомнить имена Герцена и Огарева, чтобы полностью ощутить, какой отклик в сердцах русских людей нашли эти слова. Содружество русских и польских деятелей освободительного движения продолжало укрепляться и во второй половине XIX в. (ярко проявившись, в частности, в 1863—1864 гг.), и в нашем столетии.

В этот период польская наука, литература и искусство обогатились ценностями, которые по праву можно считать значительным вкладом в культуру человечества. К числу их следует отнести произведения творцов польской художественной прозы — Юзефа Игнация Крашевского, Болеслава Пруса (Александра Гловацкого), Генрика Сенкевича, Стефана Жеромского и Владислава Реймонта. Внимание общественности всего мира было привлечено к польской литературной школе, в частности, благодаря присуждению Нобелевской премии Сенкевичу (1905) и Реймонту (1925). Творчество Пруса завоевывало международное признание с гораздо большим трудом, хотя постепенно он выдвигается и польскими и зарубежными исследователями на первое место как по художественным достоинствам, так и по силе философских обобщений.

Огромное наследие Крашевского состоит из исторических трудов и многочисленных романов, также отразивших его исторические концепции. Занимательность фабулы, мастерское развитие сюжета — все это привлекало не только польского, но и зарубежного читателя, попутно знакомившегося с историей родины писателя, не раз идеализировавшего прошлое в своем творчестве. «Для нас оно интересно прежде всего тем, что ясно обнаруживает зависимость историзма его произведений, посвященных прошлому, от достигнутого польской литературой уровня обобщения явлений современной жизни», — отмечает И. К. Горский²⁷.

Это замечание вполне может быть отнесено к творчеству и других названных выше польских прозаиков. Проблемы современности всегда ощущались в их исторических повестях и романах; не вдаваясь в оценку этих произведений, можно отметить, что постепенно они вошли в «круг чтения» мировой общественности, обратив на себя внимание не только увлекательностью содержания, но и той картинностью изображения прошлого, которая если и не всегда сочеталась с исторической достоверностью, то неизменно напоминала о былом величии Польши.

На рубеже XIX и XX столетий польский роман проходит через стадию демократизации. В знаменитых «Мужиках» Реймонта, переведенных после 1924 г. на многие языки, фигурируют простые люди, словно сошедшие с названных уже полотен Матейко, но наделенные еще более реалистическими чертами, позволяющими говорить о тех сложных социальных проблемах, которые волновали передовую польскую общественную мысль.

Наиболее сложные социально-философские проблемы решает Прус, всесторонне анализируя структуру польского общества своего времени. Именно Прусу принадлежит определение роли народа как истинного создателя культуры.

На рубеже XIX и XX столетий вслед за польскими писателями выдвинулись и композиторы, достойно продолжившие шопеновские традиции и достигшие вершин творчества еще в одном жанре — симфоническом.

²⁷ И. К. Горский. Польский исторический роман. М., 1963, стр. 63.

В этом жанре создал поразительные по красоте и своеобразию симфонические поэмы Мечислав Карлович, написавший также симфонию «Возрождение», вслед за которой появились четыре симфонии Кароля Шимановского, музыка которого, преимущественно инструментальная, звучит сейчас во всем мире.

Историю мировой науки на рубеже столетий украсило имя Марии Склодовской, открывшей радиоактивный химический элемент, названный ею в честь своей родины полонием, а также совместно со своим мужем Пьером Кюри — радий. Двукратное присуждение Нобелевской премии Марии Склодовской-Кюри было воспринято польской общественностью как признание заслуг польской науки, давшей миру Кюперника.

7

Тысячелетие польской государственности польский народ празднует, подводя итоги громадной созидательной работы строителей Народной Польши, но подчеркивая вместе с тем значение труда всех предыдущих поколений. «Мы чувствуем себя наследниками всего богатого и сложного исторического наследия нации», — сказал Владислав Гомулка в своей речи на торжественном заседании Сейма ПНР 21 июля 1966 г., посвященном тысячелетию Польши. Результатом культурной революции, совершившейся в ПНР, явилось прежде всего превращение культуры во все-народное достояние, ее постепенная демократизация, подготовленная прогрессивной общественностью и утвержденная теми принципами государственного культурного строительства, которые положила в его основу ПОРП. В программу этого строительства вошло поэтому изучение и широчайшее распространение творческого наследия польских писателей, художников, ученых, зодчих, музыкантов и скульпторов. Публикации полных собраний сочинений (включая эпистолярное наследие) Мицкевича, Словацкого, Норвида, Пруса, Сенкевича, Жеромского, Реймонта и других писателей, полных собраний сочинений Шопена, Монюшко, Карловича, Шимановского и Венявского, издание двух академических серий «Библиотеки польских писателей» (серия А открылась томом «Wojni Godzica» со сводом кодексов и обширнейшим аппаратом, серия В — сочинениями Рея, которого, заметим попутно, вульгарные социологи именovali «мифом буржуазной историографии»), появление многочисленных монографий о творцах польской художественной культуры — все это следует считать мощным стимулом для ее развития. Здесь нужно упомянуть такие великолепные альбомные издания, как «Вит Ствош», «Десять веков Познани», «Гнезненские врата», «Адам Мицкевич», «Шопен на родине», «Шопен на чужбине», «Ян Матейко», «Польское народное искусство», «Иллюминированные рукописи и первопечатные издания Ягеллонской библиотеки».

Все эти издания содействуют тому, что в зарубежных странах складывается несравненно более отчетливое, чем раньше, представление о вкладе польского народа в мировую культуру. Это представление обогащается также изданием памятников польского музыкального искусства (Польское музыкальное издательство предприняло публикацию серии «Monumenta Musicae in Polonia», но наряду с этим необходимо отметить и труды великопольских исследователей, издаваемые Быдгощским научным обществом). Итак, постепенно обосновывается тезис о непрерывности самобытного развития польского музыкального искусства, которое, как и польская литература и изобразительное искусство, становится достоянием мировой общественности. Особо следует сказать о восстановлении в Народной Польше памятников зодчества и архитектуры.

Основанная в 1951 г. Польская академия наук неизменно придавала и придает серьезнейшее значение изучению художественной культуры как Польши, так и зарубежных стран. Список польских академиков неизменно украшают имена историков культуры — начиная с вошедшего в первый состав Академии Адольфа Хибиньского и кончая избранным в 1966 г. Юльешем Стажиньским, крупнейшим знатоком романтического искусства. Многие польские литературоведы и языковеды также входят в состав ПАН. Предпринимаемые также монументальные труды, как уже названные «*Monumenta Musicae*» или многотомный «Словарь польского языка» под редакцией академика Витольда Дорошевского, польские издательства и научно-исследовательские организации, вместе с тем, стремятся сделать достоянием общественности и мировой интеллигенции крупнейшие историко-культурные, искусствоведческие, фольклористические и лингвистические труды. Назовем в качестве примера хотя бы восьмитомный «Словарь польского языка» Яна Карловича, Крыньского и Недзведзкого, четырехтомную «Историю польской культуры» Брюкнера и семидесяти томное издание упоминавшегося собрания Кольберга «*Lud*».

На протяжении двадцати двух лет существования Народной Польши вклад польского народа в культуру человечества неизмеримо возрос благодаря победе социалистического строя, создавшего совершенно новые, невиданные дотоле условия, открывшие поистине неисчерпаемые возможности перед строителями отечественной культуры. Труды польских ученых завоевали международное признание, получив, в частности, высокую оценку в нашей стране²⁸.

В последнее время произошли важные и значительные сдвиги в польской художественной культуре, еще больше увеличившие ее удельный вес в мировом культурно-историческом развитии. На многие языки переведены произведения поэтов-патриотов Владислава Броневского и Юльяна Тувима, драматурга Леона Кручковского, прозаиков Ярослава Ивашкевича, Марии Домбровской, Тадеуша Брезы и других. Творческие облики этих мастеров неповторимо индивидуальны, но произведения их объединяет высокое чувство гуманизма и национальной гордости. Мировую известность завоевали также произведения Казимежа Сикорского, Витольда Лютославского, Гражины Бацевич, Витольда Рудзиньского, Кшиштофа Пендерецкого, Тадеуша Бэрда и других польских композиторов, напряженно ищущих новых средств выразительности для воплощения нового содержания музыки, рожденного современностью. О выдающихся достижениях польского изобразительного искусства свидетельствуют получившие известность и в нашей стране работы Тадеуша Кулисевича, Генрика Грунвальда, Марии Гипшаньской-Нейман и других мастеров. Нет надобности замалчивать и заблуждения, а порой и серьезные ошибки польских писателей, художников, музыкантов, связанные с увлечением некритически воспринятыми абстракционистскими и экзистенциалистскими веяниями.

В центре столицы Народной Польши возвышается недавно сооруженная «Варшавская Нике». И эта прекрасная, непередаваемо выразительная в своем неудержимом порыве статуя работы Марьяна Конечного воспринимается не только как памятник героям недавно закончившейся великой битвы с фашизмом, но и как призыв к высоким социалистическим идеалам мирного созидательного труда и братства народов.

²⁸ О развитии науки в Народной Польше см. раздел «Очерков истории Народной Польши» под ред. И. А. Хренова и А. Я. Манусевича, М., 1965, написанный акад. Генриком Яблоньским.

И. С. ДОСТЯН

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛО-РУССКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ В СЕРБСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В 30-е ГОДЫ XIX в.

После крушения наполеоновской Франции резко обострилось англо-русское соперничество за политическое преобладание в Европе, а вскоре сфера борьбы между двумя великими державами расширилась, охватив Ближний и Средний Восток.

В сложном комплексе международных противоречий на Ближнем Востоке и на Балканах основной являлась проблема проливов Босфора и Дарданелл. Царизм добивался свободного выхода русского флота из Черного моря и закрытия входа в него для военных судов других европейских государств. Овладение Константинополем и проливами явилось бы для русского правительства наиболее выгодным решением Восточного вопроса. Но к этой цели оно не могло идти прямым путем. С одной стороны, необходимо было считаться с недостаточностью собственных сил, чтобы противостоять европейским государствам, которые неизбежно объединились бы для отпора русским притязаниям на Востоке. С другой стороны, реакционные принципы внешней политики царизма и определившаяся после Венского конгресса ее основная цель — борьба за сохранение старых режимов и порядков против новых революционных тенденций — находились в явном противоречии с задачей уничтожения турецкого владычества в Европе. Но независимо от желания царизма русско-турецкие войны вели к разрушению Османской империи и выделению из ее состава самостоятельных балканских государств.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. привела к образованию независимого Греческого королевства и закреплению внутренней автономии Молдавии, Валахии и Сербии. Адрианопольский договор значительно укрепил позиции России в районе Черного моря, усилил ее политическое влияние на Ближнем Востоке и на Балканах.

Победоносное окончание войны побудило Николая I определить дальнейший курс политики в отношении Турции. Царское правительство пришло к заключению, что сохранение Турецкого государства в Европе более соответствует интересам России, чем его уничтожение¹. Царизм стал вести политику, направленную на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи.

Революционные события 1830—1831 гг. заставили Николая I подчинить свою внешнюю политику консервативным и реставраторским целям, что отразилось и на позиции царизма в Восточном вопросе. Стремясь объединить силы монархических государств для борьбы с распростране-

¹ Таков был одобренный Николаем I вывод специального комитета, обсуждавшего в начале сентября 1829 г. вопрос о дальнейшем направлении русской политики в отношении Порты. См. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV, ч. I. СПб., 1878, стр. 438—439.

нием революции в Европе, Николай I пошел на соглашение с Австрией по Восточному вопросу. В сентябре 1833 г. между двумя государствами была подписана Мюнхенгретская конвенция о Турции и Египте, по которой оба правительства обязались поддерживать существование Османской империи и принять самые действенные меры в случае угрозы ее неприкосновенности.

В своих политических действиях в отношении Турции царизм в 30-е годы исходил из принципов, зафиксированных в Мюнхенгретце. Петербургский кабинет пошел на ряд уступок Порте, стабилизировавших ее внутреннее положение, и принимал все меры к тому, чтобы воспрепятствовать возникновению и расширению освободительных или сепаратистских движений, могущих подрывать власть турецкого правительства над подвластными ему народами.

По расчетам императорского двора такая политика должна была полностью подчинить Порту влиянию России и обеспечить интересы последней в Восточном вопросе. Однако действительные результаты данного политического курса не оправдали ожиданий царя. Причиной этого явилось противодействие, которое встречала политика России в отношении Турции со стороны великих держав и прежде всего Англии.

К этому времени Великобритания обладала уже достаточно прочными позициями на Ближнем и Среднем Востоке. Поражение наполеоновской Франции привело к вытеснению ее из восточного Средиземноморья, где прочно укрепилась Великобритания. Дальнейшей целью английского правительства было подчинение Порты своему экономическому и политическому влиянию, превращение Турции в полуколонию. Как и царское правительство, лондонский кабинет, исходя из своих корыстных интересов, стремился к сохранению Османской империи, а поэтому и к поддержанию власти Порты над подвластными ей народами. Но в противоположность русскому самодержавию, рассчитывавшему обеспечить свои интересы, добившись политического преобладания в Турции и в ее балканских владениях, Великобритания делала ставку на проникновение английского капитала в страны Ближнего и Среднего Востока, на Балканы. Успешное экономическое освоение Турции могло превратить Порту в послушное орудие Англии.

Для осуществления этих планов было необходимо не допустить роста политического влияния России в Константинополе и на Балканах, запереть ее в Черном море. Успехи русской политики в отношении Турции — Адрианопольский мир и особенно Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., закрывавший Дарданеллы для военного флота европейских государств, — вызвали решительный отпор со стороны Великобритании и привели к резкому обострению англо-русских противоречий в Восточном вопросе. Это, как известно, проявилось в требовании ревизии Адрианопольского мира, попытках сколотить антирусскую коалицию держав в 1833 г., в активном проникновении Англии в Центральную и Внутреннюю Азию, в попытках противодействовать укреплению влияния России на Кавказе, где Великобритания выступила «поборником» независимости «Черкесии», и т. д. Тесно связано с этим и стремление английского правительства подорвать русские позиции на Балканах, и в частности, в Сербском княжестве.

Именно в свете борьбы России и Англии в Восточном вопросе мы хотели бы рассмотреть политику правительств этих держав в отношении Сербии, оказавшую сильное влияние на внутреннее развитие этого молодого балканского государства.

Полузависимое положение Сербии обусловило возможность вмешательства в ее внутренние дела Османской империи как державы-суверена и России как державы-покровительницы, гарантировавшей права и

привилегии сербов. Но очень скоро эти «законные права» царя на защиту интересов сербов и на одностороннее вмешательство в сербский вопрос оказались под угрозой. Эта угроза возникла со стороны правительства английских либералов, которое сразу оценило важнейшую роль Сербии в балканской политике царского правительства.

Период, когда англо-русское соперничество в Сербии особенно обострилось и приняло открытый характер, сравнительно краток: это 1837 и 1838 годы. Но в это время очень ярко проявились характерные особенности политики великих держав на Балканах и влияние, которое она оказывала на развитие балканских стран.

Тема англо-русского соперничества в Сербии не раз привлекала внимание исследователей. Это связано как с важностью изучения данного вопроса для понимания общественно-политического развития Сербского княжества в этот период, так и с тем, что английская дипломатическая переписка открывала большие возможности для исследования указанных проблем.

Первым очень подробно, но без всякого анализа использованного материала изложил историю англо-русского соперничества в Сербии русский историк Н. А. Попов². В последнем десятилетии XIX в. сербский историк и политический деятель Чедомиль Миятович издал выписки из донесений английского консула в Сербии Ходжеса³, что значительно расширило круг источников данной темы. Наиболее серьезным исследованием политики Англии в Сербии в 1837—1838 гг. в югославской историографии является обширная статья Михаила Гавриловича «Начало дипломатических отношений Великобритании и Сербии»⁴, в которой, наряду с другими источниками, использован документальный материал из английских и австрийских архивов. Однако Гаврилович в своей статье не касается ряда важных вопросов, не дает оценки результатов английской политики для самой Сербии.

В 1961 г. в Париже вышла книга Стевана Павловича «Англо-русское соперничество в Сербии в 1837—1839 гг. Миссия полковника Ходжеса»⁵ — наиболее солидно документированное исследование на данную тему. Исчерпывающе использовав английскую дипломатическую переписку, привлекая также материалы из австрийских и югославских архивов, автор детально проанализировал основные этапы и особенности английской политики в Сербии, дал верное представление о позиции венского кабинета в сербском вопросе, показал роль Сербии в Восточном вопросе в 30-е годы XIX в. Но в ряде случаев Павлович не смог объективно оценить результаты английской политики для самой Сербии, а деятельность английского консула Ходжеса явно идеализировал.

Все эти исследования посвящены преимущественно анализу английской политики в Сербии, в то время как позиция России в сербском вопросе в связи с вмешательством Великобритании до сих пор остается мало изученной. Русские архивные материалы, исключая Н. Попова⁶, пока никто не исследовал.

² Н. Попов. Россия и Сербия, ч. I. М., 1869.

³ Ч. М и я т о в и ч. Кнез Милош и пуковник Хоџес. «Сьоменик Српске Краљевске Академије», књ. XVII, Београд, 1892.

⁴ М. Г а в р и л о в и ч. Почети дипломатских односа Велике Британије и Србије. В полном виде статья опубликована в сборнике статей М. Гавриловича «Из нове српске историје». Београд, 1926.

⁵ S. K. P a v l o w i t c h. Anglo-Russian Rivalry in Serbia 1837—1838. The Mission of Colonel Hodges. Paris, 1961.

⁶ Н. Попов не получил разрешения работать в архиве императорского министерства иностранных дел, но будучи секретарем русского консульства в Сербии, он имел доступ к его архиву и, как можно установить, привел в своей книге без сносок ряд донесений консула Г. В. Ващенко.

Не претендуя на подробное освещение англо-русской борьбы за политическое преобладание в Сербии, уже изложенной в литературе, мы хотели бы остановиться на некоторых ее сторонах, до сих пор специально не затрагивавшихся или получивших, на наш взгляд, неверное освещение.

Одним из таких вопросов является выяснение целей политики царского правительства и лондонского кабинета в Сербии и ее объективных результатов для внутреннего развития молодого Сербского государства и, в частности, для решения конституционного вопроса, являвшегося в 30-е годы центральной проблемой общественно-политической жизни Сербии.

После провозглашения султанских хаттишерифов 1830 и 1833 гг. одной из главных общественно-политических задач, вставших перед сербским народом, была организация нового самостоятельного государства. Необходимо было определить систему правления и прерогативы власти князя, компетенцию высших чиновников и местных властей, создать судебные органы и выработать письменные законы, до этого вовсе отсутствовавшие. Однако очень скоро обнаружилось, сколь трудной проблемой является незамедлительное создание нового, в своем существе буржуазного, государства в экономически отсталой стране с крайне слабо развитыми капиталистическими отношениями.

Сербское государство формировалось в острой социальной борьбе: еще не осознанные, но уже созревшие стремления крестьянства и формирующейся буржуазии к новым буржуазным порядкам и формам жизни вступили в противоречие с отжившими свой век феодальными тенденциями.

Уже с начала 30-х годов в Сербии стала усиливаться оппозиция авторитарному режиму Милоша Обреновича, стремившегося избежать каких-либо государственных преобразований. Во главе оппозиции стояли так называемые «народные старейшины» — высшие чиновники, зажиточные торговцы и землевладельцы. Борясь против князя Милоша, «старейшины»-оппозиционеры преследовали свои личные эгоистические интересы, добиваясь ограничения власти князя путем предоставления широких прав в управлении страной Совету, который бы состоял из наиболее влиятельных чиновников, богатых кушцов и крупных землевладельцев, что фактически привело бы к установлению в стране олигархической системы правления. В то же время «старейшины» выступали за проведение некоторых буржуазных преобразований, что отчасти отвечало их собственным интересам, а главное, привлекало на сторону оппозиции народные массы.

Требования «старейшин», крестьян, торгово-ремесленного населения определились к середине 30-х годов; они-то и составили основу достаточно широкого движения за введение в стране устава (конституции). Устав, по примеру конституций западноевропейских государств, должен был гарантировать народу такие основные гражданские права, как неприкосновенность личности и имущества, закрепить за крестьянами право собственности на обрабатываемую землю, урегулировать систему налогообложения и ликвидировать остатки феодальных порядков, например, кулук (барщина в пользу князя и чиновников) и пр.

В результате выступления против системы правления Милоша Обреновича, организованного в январе 1835 г. «старейшинами» (Милетин бунт), на народной скупщине в Крагуеваце был провозглашен так называемый Сретенский устав. Он в основном удовлетворял интересы народных масс и «старейшин». Но по требованию царского правительства, поддержанному Портой и австрийским кабинетом, Сретенский устав был вскоре с готовностью отменен сербским князем⁷.

⁷ Подробнее об этом см.: И. С. Д о с т я н. К вопросу о восстании Милеты Радоичевича 1835 г. в Сербии. В сб.: «История национально-освободительного движения южных славян». — УЗИС, т. ХХХ, М., 1966, стр. 34—53.

С тех пор в течение ряда лет вопрос о составлении и провозглашении устава и государственных законов с целью ограничения власти князя не сходил с повестки дня общественной жизни Сербии. Недовольство народных масс режимом Милоша Обреновича, мало чем отличавшимся от деспотической системы правления турецких пашей, постепенно ширилось, а число сторонников «старейшин»-оппозиционеров, получивших в дальнейшем прозвище «уставобранителей», увеличивалось. В 1837 и 1838 гг. стала реальной угрозой нового восстания против князя, что вызывало постоянные опасения царского правительства и австрийских властей, чрезвычайно боявшихся возникновения у балканских народов каких-либо общественных движений.

Политика царского самодержавия в отношении Сербии в 30-е годы XIX в. определялась его позицией в Восточном вопросе после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Стремясь к поддержанию целостности и неприкосновенности Османской империи, к установлению своего политического влияния на слабое турецкое правительство, Николай I не мог идти навстречу желаниям князя Милоша Обреновича, направленным на расширение государственной самостоятельности Сербии, что неизменно ускорило бы дальнейший распад Турции. Провозглашая для подвластных Турции стран принципы легитимизма и консерватизма, вполне отвечавшие и интересам царской внешней политики, Николай I настаивал, чтобы права Сербии на внутреннюю автономию «не преувеличивались и не пренебрежались», а все вопросы, касавшиеся этой страны, решались совместно Портой и императорским кабинетом без вмешательства других держав. После печального опыта с Грецией царское правительство особенно настойчиво старалось устранить враждебное России вмешательство Англии и Франции в балканские дела.

Но самой важной задачей внешней политики царизма в 30-е годы XIX в. оставалась борьба с революцией в Европе и, в частности, с распространением на Балканах новых либеральных и демократических идей, с общественными движениями, могущими принять революционное направление. Верной союзницей России в борьбе с проникновением «революционной заразы» на Балканах выступала Австрия, для которой зарождение в соседних с ней областях Турции национально-освободительного и революционного движения представляло непосредственную опасность.

В касающихся Сербии инструкциях и депешах, исходящих от императорского министерства иностранных дел и одобренных лично царем, мы найдем постоянные напоминания о том, что неизменной целью политики императора является охрана Сербии от «пагубных революционных идей и опасных реформ», от всякого рода «нововведений». Но опасаясь возможности возникновения в Сербском княжестве общественного движения революционного или даже просто либерального направления, которое могло бы нанести ущерб интересам Порты, царское правительство стремилось устранить причины его появления. Именно поэтому его политика была направлена на улучшение системы управления в Сербии, на прекращение злоупотреблений властью со стороны князя, вызывавших все большее недовольство в стране.

Начиная с 1835 г. (после Милетина бунта) императорский кабинет постоянно настаивал на том, чтобы в Сербии был проведен ряд преобразований: жителям гарантированы неприкосновенность личности и имущества, за крестьянами закреплено право на обрабатываемую землю, урегулирована система налогообложения и отменены отработочные повинности. Для этого необходимо было создать гражданский и уголовный кодексы, правильно организовать суд и управление финансами, а законодательную и исполнительную власть князя ограничить Советом. Имен-

но такие меры могли, по мнению царского правительства, обеспечить «процветание и спокойствие сербского народа»⁸.

Политическая линия царского правительства в отношении Сербии, хотя и преследовала консервативные цели, объективно способствовала утверждению буржуазных порядков в стране, представлявших шаг вперед по сравнению с самодержавно-авторитарным режимом князя Милоша. Она оказала сильное влияние на формирование государственного устройства Сербии и особенно на решение конституционного вопроса, хотя косность и реакционность русского самодержавия затрудняли проведение в жизнь полезных преобразований в Сербии.

До 1837 г. во внутреннюю жизнь Сербии, в частности, в решение вопроса об уставе, вмешивалось преимущественно русское правительство. Австрия предпочитала не поддерживать открытых политических связей с сербами и во всех вопросах действовала, пользуясь посредничеством России. Даровав сербам хаттишериф, Порты как бы устранилась от подготовки сербского устава, предоставив в этом отношении, как и при составлении Органических регламентов для Молдавии и Валахии, свободу действий русскому правительству⁹.

После того как императорская миссия в Константинополе добилась отмены Сретенского устава, который, по определению российского министерства иностранных дел, был «неуклюжей имитацией представительных хартий, порожденных победой революционных идей в некоторых странах Европы», в Сербию был командирован русский генеральный консул в Молдавии и Валахии П. И. Рикман. В июле 1835 г. при его участии был составлен новый проект устава, приведенный, казалось бы, в полное соответствие со смыслом специальной статьи о Сербии Аккерманской конвенции и статьи VI Адрианопольского мирного договора, а также с султанскими хаттишерифами. Однако и он не удовлетворил императора.

Из содержания русской дипломатической переписки о сербском «регламенте» (русские чиновники никогда не употребляли термина «конституция» или «устав») можно заключить, что этот проект подвергся в Петербурге детальному изучению, но был отвергнут уже в последней инстанции. Проект регламента был, по мнению царя, «слишком несовершенным произведением», чтобы получить санкцию России, которая придала бы этому законодательному акту особый авторитет, а русское правительство сделала бы ответственным за все последствия, вытекавшие из его одобрения¹⁰.

Проект сербского регламента, по форме и содержанию очень сходный со Сретенским уставом и гораздо более демократичный, чем Органические регламенты Дунайских княжеств, не мог понравиться царю. По заявлению министра иностранных дел К. В. Нессельроде его утверждение было бы «одобрением развития так называемых либеральных идей в Сербии, заимствованных у государств, управляемых представительными учреждениями». В регламенте содержались статьи «политической значимости», которые «могли породить подозрение, что эта провинция может намереваться постепенно ослабить связи, которые ее соединяют с Оттоманской империей». К тому же царь не хотел, чтобы в одобренном Россией законодательном акте торжественно провозглашались наследственные права Обреновичей на княжеский престол¹¹.

⁸ Дешета Нессельроде Бутеневу от 12 мая 1836 г. Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. Канцелярия, 1836 г., д. 43, л. 125.

⁹ Дешета Бутенева Родофинкину от 4 (16) октября 1835 г. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1830 г., д. 11/1, л. 107—108.

¹⁰ Дешета Нессельроде Бутеневу от 12 мая 1836 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1836 г., д. 43, л. 120.

¹¹ Там же, л. 122—123.

Все эти соображения и явились причиной того, что императорский кабинет в мае 1836 г.¹² отверг новый проект сербского регламента, а в дальнейшем решил устраниваться от непосредственного участия в его переработке и апробации, потребовав, чтобы в будущем из этого законодательного акта были удалены все статьи политического характера, т. е. статьи, определявшие положение и привилегии Сербского княжества в Османской империи, прерогативы власти князя, его наследственные права на престол и т. д. Сербский устав должен был свестись к Положению о внутреннем управлении.

Таким образом русское правительство из-за своей косности, боязни всего нового, прогрессивного оказалось не в состоянии решить вопрос о сербском уставе. Но очень скоро оно должно было поплатиться за свою трусость и реакционные принципы, проявленные в отношении сербской конституции, ибо в 1837 г. права России как державы-покровительницы, пользующейся единоличным правом участвовать в решении сербских дел, были поставлены под угрозу открытым вмешательством английской дипломатии; и поводом к этому отчасти послужил вопрос о сербском уставе.

В 1836 г. Австрия после упорных настояний добилась согласия Порты на открытие в Белграде австрийского консульства. Этим прецедентом не преминуло воспользоваться английское правительство, которое весной 1837 г. послало в Сербию своего консула полковника Джорджа Ллойда Ходжеса, аккредитованного лично при князе Милоше.

С этого времени и до того момента, как Милош Обренович отрекся от престола, а Ходжес должен был покинуть Белград, лондонский кабинет через своего консула постоянно вмешивался во внутренние дела Сербии, а английские дипломаты в Константинополе развивали активную деятельность, стараясь повлиять на решение Портой вопроса о сербском уставе.

Планы Великобритании в отношении Сербии были отчетливо выражены руководителем английской политики лордом Пальмерстоном в письме к английскому послу в Вене Лембу. Он писал, что Великобритания имеет две цели в этой стране: «во-первых, Сербия должна образовать барьер против будущих посягательств России; во-вторых, Сербия должна положить начало расширению торговли Великобритании»¹³. При этом Пальмерстон несомненно имел в виду борьбу России за укрепление своего влияния на Балканском полуострове и расширение британской торговли в той же области. Первая цель, по мнению Пальмерстона, могла быть достигнута при содействии Австрии путем установления политического влияния последней в Сербии, которая должна «сохранить то же положение, в каком она находится в настоящее время в отношении политической независимости». «Но чтобы поддерживать интерес сербов к сохранению их теперешнего политического положения, надо создать им перспективу такого внутреннего процветания, которое сделало бы невозможным их объединение с Русской империей», — продолжает Пальмерстон. К тому же для достижения второй задачи английской политики — экономического проникновения, также необходимо провести в Сербии «значительные улучшения». «Пока в Сербии не будут осуществлены такие прогрессивные улучшения, как обеспечение неприкосновенности личности и имущества, не утвердятся законность, внутреннее спокойствие этой провинции не сможет быть поддержано, не будет развиваться промышленность этого народа, а природные ресурсы страны не смогут быть поставлены на службу прогрессу»¹⁴.

¹² Об этом решении П. И. Рикман сообщил Милошу Обреновичу только в сентябре 1836 г.

¹³ Цит. по: S. P a v l o w i t c h. Ibid., p. 195.

¹⁴ Ibid., p. 194—195.

Мы видим, что Пальмерстон, преследуя цели, враждебные интересам России, по существу наметил программу английской политики в Сербии, которая была очень сходной с позицией царского правительства в сербском вопросе. Обе державы, каждая исходя из собственных интересов, стремились к тому, чтобы Сербия оставалась в зависимости от Порты; чтобы в этой автономной турецкой провинции поддерживалось спокойствие и не возникли какие-либо общественные движения; чтобы в стране были осуществлены необходимые преобразования и созданы условия для экономического прогресса.

Но практические действия английской дипломатии в сербском вопросе в 1837—1838 гг. значительно отличались от программы, намеченной Пальмерстоном. Английское вмешательство не только не принесло пользы сербскому народу и не способствовало его экономическому прогрессу, но, как мы попытаемся доказать ниже, оказало еще более неблагоприятное влияние на внутреннее положение Сербского княжества и на решение конституционного вопроса, чем вмешательство России.

Задачи, осуществлению которых должен был способствовать полковник Ходжес, к тому же новичок в дипломатии, не разбиравшийся в существе английской политики в Восточном вопросе, совершенно не знакомый со страной, где ему предстояло работать, с языком, обычаями и культурой сербов, были не из легких.

Со времени Петра Великого сербы привыкли видеть в русском государстве своего защитника и покровителя, верную опору в борьбе за освобождение от иноземного гнета. Поэтому, хотя после 1830 г. князь Милош начал проявлять некоторое недовольство политикой царского правительства и особенно его стремлением умалить права сербского князя, русское политическое и моральное влияние в Сербии в это время прочно преобладало. Однако английскому правительству, в целом слабо осведомленному о внутреннем положении страны, по-видимому, уже было известно о трениях, возникших между императорским министерством иностранных дел и сербским князем¹⁵. Лондонский кабинет знал и о том, что Милош Обренович пользовался серьезным влиянием среди народов Балканского полуострова. Союз с сербским князем мог помочь англичанам укрепить свои позиции в других славянских провинциях Порты. Именно поэтому английская дипломатия рассчитывала превратить последнего в орудие осуществления своих замыслов. Милош Обренович, положение которого в это время было чрезвычайно тяжелым в связи с ростом оппозиции и недовольства населения, а также из-за охлаждения отношений с петербургским кабинетом, с готовностью принял предложение о помощи со стороны Великобритании. Он заявил английскому консулу о своем согласии отказаться от тесных политических контактов с царским правительством и в будущем потребовать гарантии сербской автономии в Турции со стороны всех великих держав вместо одностороннего покровительства России. Это было именно то, к чему стремился Пальмерстон в своей балканской политике.

Идя на столь рискованный и решительный шаг, князь Милош рассчитывал на поддержку английской дипломатией перед Портой интересов сербов и своих лично в противовес России. Первоначально он надеялся с помощью Англии добиться вывода из Сербии турецких гарнизонов, в чем ему в 1833 г. не оказала содействия русская дипломатия; позднее (в 1838 г.) англичане взяли на себя обязательство поддерживать в Константинополе стремления Милоша провозгласить такой устав, который не изменил бы существующей системы правления и предоставил князю права неограниченного наследственного монарха.

¹⁵ Такие сведения, вероятно, были получены от Д. Уркарта — английского дипломата и политического деятеля, побывавшего в Сербии в 1832 и 1834 гг.

Именно таким представляется существо союза английского правительства с сербским князем, возникшего в результате усилий консула Ходжеса при активном содействии княжеского лекаря, ярого русофоба, пьемонтца Бартелеми Куниберта¹⁶.

Характерно при этом, что английский консул, следуя указаниям своего шефа, постоянно убеждал Милоша не нарушать вассальных отношений с Портой, не стремиться к полной независимости Сербского княжества. Обязательство в этом смысле фактически было главным условием, при котором британская дипломатия соглашалась покровительствовать сербскому князю¹⁷. Таковы обстоятельства, приведшие к тому, что либеральное правительство Англии — страны с представительной системой правления и конституционными законами — стало поддерживать претензии сербского князя на неограниченную монархическую власть, и сохранение в стране деспотической системы правления, в то время как самодержавная Россия выступила сторонницей ограничения власти князя. Этот политический парадокс, замеченный уже современными политиками — Меттернихом, Нессельроде, турецким реис-эфенди Репидом-пашой, свидетельствует, что Форейн оффис в сербском вопросе в 1837—1838 г. меньше всего руководствовался либеральными и демократическими принципами. Стремясь добиться ликвидации русского преобладания на Балканах, британские дипломаты пользовались любыми средствами, насколько не думая об интересах той страны, которая становилась объектом их политических комбинаций.

Это особенно важно подчеркнуть в связи с необъективным освещением некоторых сторон английской политики в Сербии в книге Павловича «Англо-русское соперничество в Сербии в 1837—1839 гг.», в которой на большом фактическом материале показаны все особенности и перипетии английской политики в сербском вопросе в это время. При этом, однако, сам автор не пытается выразить свое отношение к излагаемым фактам, показать, что же принесло самой Сербии английское вмешательство в ее внутренние дела. Павлович рассматривает события как бы через призму интересов Великобритании в борьбе против русского влияния на Балканах, стремлений и побуждений в этом отношении самих английских политиков — Пальмерстона, английского посла в Константинополе лорда Понсонби, консула Ходжеса. При этом деятельность Ходжеса как непосредственного исполнителя задач британской дипломатии в Сербии заметно идеализирована и ей искусственно приданы «либеральные тенденции».

Ходжес был военным, он много лет служил в английской армии, а в 1832 г. в составе иностранного легиона сражался в Португалии на стороне возглавляемых Доном Педро конституционалистов, опиравшихся на поддержку Англии. Этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы Ходжес прослыл либералом, причем у Меттерниха даже появились опасения, что подобный человек может распространить в Сербии «революционные» взгляды. Все это, по-видимому, и побудило Павловича к поискам в деятельности Ходжеса в Сербии либеральных тенденций. Данному вопросу в книге уделено специальное внимание в разделе «Политика реформ» и в заключительной главе¹⁸.

¹⁶ См.: Barthélemy-Sylvestre Cunibert. Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'à 1850. Leipzig, 1855, p. 323—464; Ч. М и ј а т о в и ћ. Там же, стр. 76, 77, 79; S. Pavlowitch. *Ibid.*, p. 70—123.

¹⁷ См. Ч. М и ј а т о в и ћ. Там же, стр. 43, 52, 53, 59, 50

¹⁸ S. Pavlowitch. *Ibid.*, p. 45—56, 172.

Павлович утверждает, что Ходжес, увидев все пороки системы правления князя Милоша, узнав о сильном недовольстве населения его властью, сперва пессимистически оценивал сложившееся положение, но затем нашел выход в «политике реформ», которая должна была вернуть князю любовь народа, а вместе с тем привести к ослаблению русского влияния за счет роста английского. Не получив даже соответствующей инструкции начальства, он начал действовать в этом направлении, представив князю Милошу «конституционный проект». Именно Ходжес, по мнению Павловича, был автором и инициатором провозглашения известного указа из четырех пунктов от 16 (28) октября 1837 г., гарантировавшего всем жителям Сербии неприкосновенность личности и частной собственности, провозгласившего свободу торговли, отменявшего кулук и передававшего управление государственной казной Совету.

Такая версия об активной деятельности Ходжеса в подготовке сербских конституционных законов, как признает сам Павлович, основывается на единственном источнике — мемуарах Куниберта, переводчика и платного агента Ходжеса, чрезвычайно тенденциозно описавшего события, а в ряде случаев искадившего их¹⁹. Характерно, что другие мемуаристы ничего не сообщают о непосредственном участии Ходжеса в подготовке закона из четырех пунктов, а сам английский консул не докладывал об этом своему начальству, что, по мнению Павловича, он делал умышленно.

Сам факт обсуждения Ходжесом с князем Милошем конституционных вопросов, бывших в это время столь важными в общественно-политической жизни Сербии, не вызывает сомнений. Он подтверждается рядом донесений Ходжеса Пальмерстону, его письмом к Милошу и ответом на него последнего²⁰. Все это не может, однако, послужить доказательством того, что именно Ходжес определил меры, необходимые для прекращения недовольства правлением Милоша Обреновича, и оказал существенное влияние на их проведение в жизнь. Конституционные гарантии, успешно провозглашенные князем 16 (28) октября 1837 г. после приезда в Сербию со специальной миссией адъютанта Николая I князя В. А. Долгорукого, не могли быть придуманы ни Ходжесом, ни директором княжеской канцелярии Й. Живановичем, утверждающим это в своих мемуарах²¹, ни князем Долгоруким, заявлявшим в своих донесениях, что именно он добился провозглашения закона из четырех пунктов.

Содержание этого закона отражало давно назревшие требования оппозиции, выдвинутые уже в ходе Милетина бунта 1835 г. Они должны были быть удовлетворены в Сретенском уставе, в главе 11 которого под названием «Общеправные права сербов» провозглашалась неприкосновенность личности и имущества, закреплялось неограниченное право собственности крестьян на землю, отменялся кулук, а в главе 6, о Государственном совете, предусматривалась передача казны в ведение Совета. В проекте, составленном при участии П. И. Рикмана, эти постановления были дополнены параграфом о свободе торговли, предусматривавшим ликвидацию торговых монополий князя²². Включение всех этих законов в сербский регламент не встречало возражений царского правительства.

По утверждению Павловича «политика реформ» была «молча отложена» Ходжесом уже в октябре 1837 г., когда после приезда Долгорукого ему стало ясно, что именно русское правительство выступает поборником ре-

¹⁹ V. C u n i b e r t. Ibid., t. II, p. 365—378.

²⁰ См. Ч. М и j а т о в и h. Там же, стр. 48—60.

²¹ I. Ж и в а н о в и h. Неколько примечания на книгу «Славени у Турској» од Кширијана Роберта. «Споменик СКА», књ. VI. Београд, 1890, стр. 70.

²² АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 38, л. 118.

форм и ограничения власти князя Милоша²³. Действительно, приезд Долгорукого разбивал планы провозглашения реформ, минуя русское правительство и в противовес ему, и поэтому изменение позиции Ходжеса в вопросе о реформах подтверждает нашу мысль, что если он и развивал ранее деятельность в этом отношении, то руководствовался при этом не своими либеральными взглядами, а инструкциями, предписывавшими ему всеми средствами препятствовать русскому влиянию на сербские дела.

Таким образом, версия о том, что Ходжес как конституционалист и либерал по убеждениям проводил в Сербии «политику реформ», действуя в этом вопросе самостоятельно и даже скрывая свою деятельность от начальства, не может быть признана обоснованной. Если же мы отбросим «политику реформ», будто бы проводившуюся в первые месяцы пребывания Ходжеса в Сербии по его собственным убеждениям, то английский консул предстанет перед нами хотя и не слишком опытным дипломатом, но верным исполнителем приказов Пальмерстона и Понсонби. В этом отношении Ходжес, по-видимому, мало чем отличался от чиновников императорского министерства иностранных дел, точно выполнявших инструкции Нессельроде.

Если личная деятельность Ходжеса в первые месяцы его пребывания в Сербии не оказала заметного влияния на разрешение конституционного вопроса, то английское вмешательство в 1838 г. в подготовку сербского устава, который не без участия британской дипломатии был провозглашен самим турецким правительством, имело самые неблагоприятные последствия.

Упорная борьба между князем и оппозицией оттягивала составление окончательного проекта устава в самой Сербии. Этим обстоятельством и решила воспользоваться Порты, ждавшая удобного случая для вмешательства в сербские дела. Активность, проявляемая английской дипломатией в отношении сербского устава, создавала возможность для турецкого правительства выступить в роли арбитра в этом вопросе. Фактически по подсказке лорда Понсонби реис-эфенди в конце 1837 г. выдвинул идею о вызове сербских делегатов в Константинополь для окончательного решения вопроса об уставе. Такая мера могла быть выгодной и английской дипломатии и самому князю Милошу. Понсонби несомненно рассчитывал, что он сможет оказать давление на Порты и заставить ее удовлетворить интересы сербского князя. Поэтому английский посол развил активную деятельность для осуществления этой меры: через Ходжеса он добился согласия Милоша на предложение Порты, а через посла в Вене Лемба получил одобрение данного плана Меттернихом.

Таким образом, решение вопроса о сербском уставе усилиями английского посла было перенесено в Константинополь и на время превратилось в предмет ожесточенной борьбы между британской и русской дипломатией.

В данной статье нет возможности излагать во всех подробностях длительные переговоры по этому вопросу в турецкой столице. Мы хотели бы остановиться только на некоторых моментах, характеризующих позиции английской и русской сторон и формы их вмешательства в решение вопроса о сербской конституции.

Так, русское министерство иностранных дел, получив сведения, что именно английская миссия добилась вызова сербских представителей в Константинополь, не стало возражать против этого²⁴, по-видимому, рассчиты-

²³ S. P a v l o w i t c h. Ibid., p. 172.

²⁴ Дешеш Нессельроде Рикману от 29 марта 1838 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1838 г., д. 49, л. 130.

вая воспользоваться случаем и доказать своим партнерам, что русское влияние на турецкое правительство еще не уступило место английскому и что Россия может заставить Порту уважать «законные права» державы-покровительницы Сербии, зафиксированные договорами. Большие надежды в этом отношении возлагались на опытного дипломата А. П. Бутенева, после возвращения которого в турецкую столицу в сентябре 1838 г. русская миссия стала упорно настаивать на том, чтобы Порта безотлагательно решила вопрос о сербском регламенте. К этому побуждало русского посла то соображение, что дальнейшее промедление может оказаться к выгоде Англии, и особенно тревожные вести из Сербии об угрозе восстания против власти Милоша, чего русское правительство всегда чрезвычайно опасалось²⁵.

Основываясь на инструкции Нессельроде от 29 марта (10 апреля), Бутенев устранился от непосредственного участия в подготовке сербского регламента на базе проекта, представленного сербскими депутатами, но заявил о своем праве «одобрить распоряжение Порты» или представить свои замечания. При этом он твердо настаивал на том, чтобы английская миссия не участвовала в решении этих вопросов²⁶.

20 октября (1 ноября) Бутенев получил от реис-эфенди подготовленный турецким министерством проект сербского устава, на который русский посол вскоре представил свои замечания в виде меморандума.

Между тем настойчивые заявления Бутенева о недопустимости английского вмешательства в сербские дела оставались без последствий. Британская миссия поддерживала тесные связи с делегатами князя Милоша, разными путями оказывала давление на турецких министров — сначала Решида-пашу, а затем Нури-эфенди, делала официальные дипломатические представления относительно сербского устава, стараясь всеми способами склонить Порту удовлетворить требования английской стороны. Характерно, что турецкое министерство иностранных дел по существу не отклоняло участия английских дипломатов в решении вопроса об уставе. Так, например, получив меморандум Бутенева, Нури-эфенди тотчас сообщил об этом Понсонби, прося его высказать соображения, которые могли бы быть противопоставлены русским требованиям. Тогда последний представил турецкому министру проект ответа на русский меморандум²⁷, основными положениями которого турецкая сторона руководствовалась при окончательном решении вопроса об уставе на конференции с Бутеневым 26 ноября (8 декабря) 1838 г.

Острые разногласия вызвал пункт сербского устава, формулировавший право князя смещать неугодных ему советников. Предоставление князю этого права как бы символизировало неограниченную власть правителя и, наоборот, лишение его такой прерогативы означало передачу всей полноты власти Совету. В этом основном вопросе английская дипломатия, как уже говорилось, поддерживала интересы князя Милоша в противовес России, требовавшей ограничения власти князя. Однако позиция английской стороны по всем остальным вопросам фактически сводилась к поддержке интересов самой Порты в отношении расширения турецкой власти в этой балканской провинции и была невыгодна сербам.

Так, лорд Понсонби вместе с Портой упорно противостоял желанию сербов, поддержанному на этот раз русским послом, внести в устав параграф о праве сербов созывать народные скупщины. Хотя еще недавно

²⁵ Донесение Бутенева от 22 ноября (4 декабря) 1838 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1838 г., д. 50, л. 172.

²⁶ Донесение Бутенева от 20 октября (1 ноября) 1838 г. Там же, л. 95—97.

²⁷ М. Г а в р и л о в и ч. Там же, стр. 169—170.

Ходжес обещал князю Милошу поддержку со стороны британской дипломатии его требования о выводе турецких гарнизонов из крепостей, английский посол одобрил и претензии Порты на предоставление в распоряжение турецких войск «пояса земли» вокруг этих крепостей.

Согласно описанию Бутенева, этот последний вопрос вызвал наиболее длительное обсуждение на конференции, но русский посол категорически отказался удовлетворить желание турецкого правительства. Характерно, что требование русской стороны включить в устав параграф о несменяемости членов Совета не вызвало возражений со стороны реис-эфенди²⁸. Можно предположить, что уступая в этом отношении настояниям России, Порта не только проявила решимость оставаться верной своим обязательствам, закрепленным договорами, но и исходила из своих собственных интересов, ибо ограничение власти сербского князя могло в будущем создать выгодные условия и для усиления вмешательства самого турецкого правительства во внутренние дела Сербского княжества.

В литературе утвердилось мнение, что русская дипломатия в 1838 г. одержала полную победу в решении вопроса о сербской конституции. В таком духе сообщал об окончании этого дела своему правительству и Бутенев²⁹. Однако в действительности, сумев добиться основного — ограничения власти князя Советом, что как мы говорили, соответствовало и интересам Порты, русский посол должен был пойти на уступки в других вопросах, а некоторые, как например, об исключении пункта о наследственных правах Обреновичей на престол, даже не стал поднимать. Но, главное: русским дипломатам так и не удалось устранить вмешательства в решение сербского вопроса третьей стороны — Англии.

Все это несомненно отражало реальное соотношение сил, сложившееся в ходе англо-русской борьбы за политическое преобладание в Турции, и свидетельствовало о том, что русское влияние в Константинополе к концу 1838 г. уже не было столь прочным, как несколько лет назад после заключения Ункяр-Искелесийского договора.

Результатом такой политической комбинации и явился султанский хаттишериф, изданный Портой в декабре 1838 г. и прозванный сербами «турецким уставом». Провозглашение устава в форме дарованного султаном хаттишерифа, символизирующего власть суверена над своими подданными, было оскорбительным для сербов. По единодушному мнению историков устав суживал автономные права сербов, закрепленные за ними ранее, и создавал условия для вмешательства Порты во внутренние дела княжества³⁰.

В книге Павловича выделен в заключении специальный раздел «Сербия в контексте Восточного вопроса. Что означала миссия Ходжеса для Великобритании и для Сербии». Отмечая, что действия дипломатии Пальмерстона в отношении Сербии не встретили поддержки английского парламента и общественности, не принесли пользы интересам британской политики на Балканах и не привели к расширению торговых связей с самой Сербией, Павлович лишь вскользь затрагивает вопрос о том влиянии на внутреннее и внешнеполитическое положение Сербии, которое оказала попытка Форейн оффис поколебать русские позиции в этой стране. Он признает, что Милош лишился престола отчасти из-за союза с Англией, и утверждает, что в результате миссии Ходжеса Сербия «была выведена из треугольника внешнеполитических отношений с Портой,

²⁸ Донесение Бутенева Нессельроде от 13 (25) декабря 1838 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1838 г., д. 50, л. 245—246.

²⁹ Там же, л. 239.

³⁰ G. J. A. K. S. H., Д. С т р а њ а к о в и ћ. Србија од 1813 до 1858 године. Београд, б. г., стр. 79.

Россией и Австрией на простор политики великих держав». «Англия не изгнала из Сербии Россию, но Сербия была открыта для действий европейской дипломатии», — пишет Павлович³¹. Хотя данный вывод, сформулированный еще В. Поповичем³², представляется несколько преувеличенным, можно согласиться с тем, что попытка Англии подорвать русское влияние в Сербии была первым успехом в борьбе за лишение России права на протекторат над Сербией. Но этим, на наш взгляд, не исчерпываются результаты английского вмешательства в сербские дела.

Как уже говорилось выше, позиция британской дипломатии в сербском вопросе облегчила вмешательство турецкого правительства во внутренние дела княжества, заметно ослабевшее во время правления Милоша. С другой стороны, попытка Англии подорвать русское влияние в Сербии привела к тому, что царское правительство, которое до 1838 г. избегало открытого вмешательства в сербские дела или делало это очень осторожно, стараясь не раздражать Порту и не вызывать «ревность» венского кабинета, теперь, испугавшись, что Сербия, подобно Греции, уплывет из рук, резко переменяло свою тактику в этом отношении. Установление Ходжесом тесных связей с сербским князем побудило русское правительство открыто взять под свою защиту его врагов. Прибывший в феврале 1838 г. в Белград русский консул Г. В. Ващенко, действуя в соответствии с полученными инструкциями, начал грубо вмешиваться во внутренние дела княжества, пытаясь контролировать действия князя. Таким образом в результате англо-русского соперничества (помимо других, чисто внутренних, причин) социальная борьба в Сербии обострилась. Политические группировки, возникшие в ходе борьбы по конституционному вопросу, размежевались также и по своей внешнеполитической ориентации: Милош и его сторонники искали защиты у Англии, будущие уставохранители получили поддержку России. При этом и та и другая сторона не упускала случая использовать в своих интересах авторитет Порты.

Таким образом, царское правительство, приложив в свое время немало усилий для освобождения сербского народа от власти Турции, в 30-е годы XIX в. всеми своими политическими акциями в Восточном вопросе не способствовало упрочению независимости Сербского княжества, а ввиду общей реакционности своей политики было не в состоянии содействовать его прогрессивному внутреннему развитию. Все это и явилось главной причиной того, что, начиная с 1837 г. и особенно в 40-х годах, после прихода к власти уставохранителей, одержавших победу над Обреновичами не без содействия русского правительства, царизм неуклонно терял свое влияние в Сербии.

Английское вмешательство в сербский вопрос в 1837—1839 гг., несмотря на внешний провал политики Пальмерстона, явилось одним из дополнительных факторов, ускоривших перелом в русско-сербских отношениях и способствовавших ослаблению позиций царского правительства в Сербии.

³¹ S. P a v l o w i t c h. Ibid., p. 182.

³² В. П о п о в и ч. Европа и српско питање у периоду ослобођења. 1804—1918. Београд, [1940], стр. 79.

О ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА К. ЧАПЕКА «ВОЙНА С САЛАМАНДРАМИ»

Известно, что Карел Чапек был создателем слова «робот», которое вошло не только во все языки мира, но и в международный технический лексикон (случай, едва ли не уникальный в истории художественной литературы). Это слово, известное теперь каждому школьнику, казалось, должно было бы родиться в голове ученого или изобретателя, но было создано драматургом (роботами Чапек назвал фантастических персонажей одной из своих драм) и впервые прозвучало со сцены во время премьеры пьесы Чапека «Р. У. Р.», в 1921 г. Затем оно привилось как название особого типа механического устройства, имитирующего действия человека, а также стало употребляться в переносном символическом смысле. Что касается художественной литературы, то несметные потомки чапековских роботов населяют страницы современных фантастических и сатирических произведений. Счет им давно потерян. Он, безусловно, превысил численность роботов, толпа которых осаждала когда-то в пьесе чешского писателя директорскую виллу Домина.

Достаточно вдуматься в эти факты, чтобы осознать оригинальность и новизну художественного мира Чапека. Он возник, этот мир, в зоне соприкосновения собственно художественного и естественно-научного мышления. Но сказать этого мало. Чапек был еще и философом, размышлявшим над специальной философской проблематикой; его сознанию свойственны специфические структурные особенности философского мышления. Он был, кроме того, сатириком, обладал эмоциональностью поэта и наблюдательностью живописца и психолога... Все это вместе взятое отражает своеобразие личности художника, его восприятия мира и вместе с тем особенности тех явлений действительности, которые оказывались в поле его зрения. Этим в значительной мере обусловлена и жанровая специфика произведений Чапека. В его творчестве мы встретимся и с научной фантастикой, и с социальной утопией, и с детективным жанром, и с комедией, обнаружим произведения философского, бытового, психологического и лирического плана. Советский исследователь М. Бахтин пронизательно заметил, что «каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бытия»¹. Эти различные сферы часто взаимопроникают в произведениях Чапека.

Конечно, творчество Чапека — это прежде всего живая реакция писателя на современную действительность. Но в этой реакции с особой интенсивностью проявился процесс обогащения искусства за счет иных областей человеческого познания, а также процесс взаимодействия различных сфер самого искусства. Не случайно порой так трудно говорить о жанре произведений Чапека. Он сплошь и рядом создает непривычные жанровые формы, которые вбирают в себя возможности и принципы раз-

¹ М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 360.

личных жанровых типов. При этом взаимодействуют не частные их элементы. Перед нами одновременная реализация именно ключевых возможностей различных жанров и жанровых тенденций как традиционных, так и формирующихся в собственном творчестве писателя. Так в драме «Средство Макропулоса» фантастическая гипотеза (в данном случае о возможности продления человеческой жизни на целые столетия), характерная для научно-фантастического жанра, позволяет автору обострить вопрос о смысле человеческого существования, проблему личного, эгоистического и общественного в человеке. С детективным жанром пьесе сближает построение действия как реконструкции событий, разгадки тайны (в том числе разгадки противоречий в характере главной героини, отражающих в свою очередь глубинную проблематику произведения). «Экспериментальный» сюжет пьесы имеет в себе что-то от философского построения, от постановки «мысленного опыта», а парадоксальный итог «эксперимента» (бессмертие не столь уж заманчиво) граничит с сатирой.

Драма содержит в полуреализованном потенциале и элемент социальной утопии — перспектива возможных вариантов изменения социальной структуры человеческого общества. В зародыше здесь даже целых три варианта социальной утопии, отражающих определенные тенденции современной общественной жизни. Напомним, что в пьесе представлен и ницшеанский проект создания бессмертной касты господ, порабащающих смертное человечество, и симпатичная Чапеку альтруистическая мечта о царстве труда и равенства, в котором нет борьбы за существование, и типично буржуазные планы основания патентованного концерна по торговле эликсиром жизни. (Одновременная фиксация целого «пучка» общественных тенденций, взятых в обобщенном виде, — емкий и очень характерный для Чапека прием, чем-то напоминающий общность научного мышления и приближающий пьесу к «диспуту идей».)

В пьесе обнаруживается и использование некоторых мотивов и сюжетных ситуаций тривиальной мелодрамы, приобретающих в новом контексте особые качества. И все это — в нерасторжимом единстве цельного организма произведения, несущего на себе печать неповторимой личности автора и его восприятия жизни.

Правда, жанры вообще существуют главным образом в текучих и постоянно обновляющихся формах, каждый раз в чем-то удаляющихся от предшествующих воплощений и часто дающих начало новым жанровым тенденциям. Однако в данном случае заслуживает внимания другое: одновременная реализация в драме Чапека принципиальных возможностей нескольких различных жанров, зачастую при этом весьма далеких друг от друга — и генетически и функционально. Сходная картина наблюдается и во многих других его произведениях. Особенно ярким примером в этом отношении может служить роман «Война с саламандрами».

Субъективную направленность творчества Чапека, с которой в значительной степени совпадает и его объективное содержание, в самой общей форме можно определить как протест против обезчеловечивания человеческих отношений, против атрофии гуманистического начала в человеке. И его робот, собственно говоря, двойник человека, лишенный, однако, человеческой сущности. Пороки, недостойные имени человека, Чапек нередко обличал и в метафорических образах животных, насекомых — более низших по отношению к людям существ. (На международном симпозиуме в Марианских Лазнях, посвященном Чапеку, об этом интересно говорил румынский исследователь Раду Энеску.)

Если Чапек создавал трогательные этюды и сказки о животных, в которых его бессловесные персонажи выглядят одухотворенными и человеческими существами (вспомним «Собачью сказку», «Дашеньку» или поэти-

ческую миниатюру «Из воззрений кошки»), то с меньшей силой он умел заклеить в гротескных метафорических образах животных духовное падение человека ниже человеческого уровня. Достаточно назвать драму братьев Чапек «Из жизни насекомых». Образы, созданные по принципу метафорической аналогии «человек — животные», лежат в основе микросатиры Чапека, совмещающих в себе черты басни, притчи и афоризма.

Принципиально обогащенное художественное решение мы встретим в романе «Война с саламандрами». Чапек синтезировал на этот раз принцип сатирической метафоры, развернутой до гигантских масштабов целого произведения, со стихией научной фантастики и социальной утопии. Метафора «люди — саламандры» реализуется в научно-фантастическом сюжете, развернутом в виде сатирической картины «действительной» эволюции реликтовых саламандр по стопам человека. Автор одновременно использует здесь возможности и сатирико-метафорических аналогий и научно-фантастического жанра, синтезируя их.

В пьесе «Из жизни насекомых» братья Чапеки прибегают к метафоре более узкого диапазона, напоминающей аллегорию. Особенность образов состояла в том, что в основе аналогий лежал, так сказать, один главный признак: муравьи-воины олицетворяли милитаризм, бабочки-эфемерки — бездумный флирт, жуки — собственнические инстинкты и т. п. В самом принципе был заложен ограниченный известными пределами номатематический характер сопоставлений.

В романе «Война с саламандрами», повторяя в новом варианте прием, уже найденный в драме «Р. У. Р.», Чапек максимально приблизил саламандр к помощи научно-фантастической гипотезы к человеку, а их цивилизацию — к человеческой цивилизации. Благодаря этому простор для аналогий и ассоциаций неизмеримо расширился. При фантастическом допущении «реального» превращения саламандр в человекоподобные существа и возникновения цивилизации саламандр, родственной человеческой, область возможных точек сближения этого процесса с общественной жизнью человечества раздвигается практически до беспредельности. По сравнению с пьесой «Из жизни насекомых» до минимума сократился «просвет» между образной моделью и нашим представлением о человеке. В то же время сохранился исходный принцип сатирической метафоры: аналогия между людьми и более низшими существами. Художественный эффект основан на двойственном характере «образа» саламандр. У саламандр есть общее и с людьми и с животными. Они и выступают в романе то как люди, то как животные. Автор постоянно держит представления читателя в этой «пограничной» зоне. Ассоциации читателя все время колеблются между представлением о людях и о животных, об одухотворенных и неодухотворенных существах. Акцентируя попеременно то те, то другие ассоциации, писатель получает богатейшие возможности для создания сатирического эффекта, идет ли речь о людях, в поведении которых обнаруживается сходство с саламандрами, или о саламандрах, копирующих человека, или же об отношении людей к саламандрам, в котором отражается практика взаимоотношений, существующих в человеческом обществе. Создается богатейшая гамма сатирических взаимоотражений, динамика которых и определяет структуру романа.

Аналогия «люди — саламандры» не выступает у Чапека в виде сопоставления, при котором саламандры олицетворяли бы все время какой-либо один тип людей, общественных групп, тип социального поведения, как это было в пьесе «Из жизни насекомых». Функция «образа» саламандр богаче. Она переменчива. Оставаясь конкретными персонажами научно-фантастического произведения, носителями сюжетного развития, по ходу действия фантастические животные служат писателю средством демон-

стрировать самые различные модели взаимоотношений между людьми. Это и было необходимым условием, позволявшим развернуть панорамную и многоплановую критику общественной и международной политической жизни, морали, нравов, общественного сознания, — критику, потребность в которой Чапек особенно остро ощутил к середине 30-х годов, когда обезчеловечивание человеческих отношений, представшее перед писателем прежде всего в облики фашизма, приобрело массовые масштабы, программную направленность и небывало интенсивные формы.

Процесс далеко зашедшей дегуманизации, последствия которой угрожали затронуть весь мир, вновь вернул Чапека к размышлениям о судьбах человеческого рода и противоречиях его развития. Писатель вновь после длительного перерыва обращается к форме социальной утопии, утопии-предостережения, утопии, разветвляющейся в планетарном масштабе. Его роман относится к типу романа о судьбах человечества, действующим лицом которого становится все население земного шара.

Но писатель не ограничился сатирическим отражением человеческой действительности в вымышленной истории саламандр. Он дополнительно усилил, словно бы «удвоил», возможности и емкость избранной им формы. Действие его романа происходит не в замкнутом мире саламандр, который повторял бы в тех или иных чертах особенности человеческого общества. Нечто подобное мы встречаем, если брать самый простой пример, скажем, в рассказе Г. Уэллса «В бездне», автор которого исходит из фантастического предположения о существовании цивилизации, напоминающей человеческую, в глубинах океана. Эта цивилизация полностью отделена от человеческой, самостоятельно возникла и только случайно стала известна человеку. У Чапека же мир саламандр «вписан» в современную жизнь человечества, не без ее влияния возникает и взаимодействует с ней, благодаря чему создаются бесчисленные комические взаимоотражения.

Повторение определенных особенностей общественной жизни человечества в истории саламандр — это только один сатирический аспект романа. Вторая плоскость, в которой реализуется сатира на пороки современного общества, — показ самого отношения людей к миру саламандр, реакция человечества на экспансию ящеров.

Если развитие сюжета в романе Чапека можно рассматривать в качестве своеобразного воображаемого эксперимента (хотя и эксперимента особого рода, ход которого заранее предопределен сатирической позицией автора), то этот эксперимент имеет как бы двуединый характер. Это видно и из высказываний самого Чапека, писавшего по поводу романа: «Ведь в самом деле, отнюдь не исключено, что при благоприятных условиях иной тип жизни, скажем, иной зоологический вид, нежели человек, мог бы стать двигателем культурной эволюции... не исключено, что при известных условиях пчелы или муравьи могли бы развиться в высоко интеллектуальные существа, способности которых к созданию цивилизации были бы ничуть не ниже наших»². И писатель задает проникнутые ядовитой иронией вопросы: «иной зоологический вид... стал бы совершать такие же безумства, как человечество? Вел бы такие же войны? Переживал бы такие же исторические катастрофы? И как бы мы относились к империализму ящеров, национализму термитов либо экономической экспансии чаек или сельдей?»³.

Синтетический характер художественного замысла, его многоплановость обусловили и своеобразие жанровой структуры произведения. В романе Чапека проступают черты, которые явственно роднят его с определенными жанровыми традициями. Специфика состоит в том, что в романе,

² К. Чапек. Poznámky o tvorbě. Praha, 1959, s. 109.

³ Ibid.

как в фокусе, сходятся опять-таки весьма различные традиции. К тому же на разных стадиях развития сюжета на первый план выдвигаются разные жанровые тенденции.

Напомним, например, что начало произведения во многом выдержано в духе приключенческого романа: далекий остров в океане..., капитан с традиционной голландской фамилией морехода..., искатели жемчуга..., тайна залива, вызывающего суеверный страх у туземцев... Кому не напоминает все это Жюль Верна, Фенимора Купера, Роберта Льюиса Стивенсона? Чапек и сам оставил в романе свидетельство о традиции, которую он наследовал. Один из героев произведения непосредственно называет стиль деятельности капитана ван-Тоха «экзотическим» стилем, «стилем приключенческих романов», «приключенческой и юношеской эпикой»⁴: «Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п.»⁵.

Приключенческий элемент понадобился Чапеку не просто для придания роману привкуса развлекательности. Такой жанрово-стилевой компонент органически связан со своеобразием научно-фантастической гипотезы, выступающей в начале романа прежде всего в своем природоведческом, биологическом аспекте (мотив столкновения с неизвестным и неожиданным в природе, загадка реликтовых животных, сохранившихся лишь в одном месте земного шара и оказавшихся способными к подражанию человеку). Лишь постепенно, по мере того, как автор мотивировал способность саламандр к эволюции по стопам человека и быстрое заселение ими побережий Мирового океана, обеспечив тем самым простор для развития «экспериментального» сюжета и развертывания иронических аналогий, научно-фантастическая гипотеза, а вместе с ней и араллель «люди — саламандры» переводятся в общественный план.

На рубеже первой и второй книги романа развитие художественного замысла вступает в фазу сатирической социальной утопии в собственном смысле слова. Источником дальнейшего движения сюжета становится приобщение саламандр к производственной и общественной жизни человечества, а основным организующим началом образной структуры — социально-значимые аналогии.

Претерпевает изменение и характер организации материала. В начале романа действие концентрировалось вокруг одного центрального героя — капитана ван-Тоха, да разве еще коммерсанта Бонди. Затем оба героя отодвигаются в тень и произведение превращается в мозаику отрывочных эпизодов, связанных с разными персонажами, большинство из которых лишь один-два раза появляется в романе. Широко включает автор и комическую стилизацию таких форм, как научная статья, газетные сообщения и т. п. Интерес сосредоточивается на развитии самого экспериментального сюжета, на эволюции саламандр. Картина постепенного знакомства человечества с саламандрами, как и прогресс реликтовых земноводных, вырисовывается из суммы эпизодов, происходящих с разными людьми в разных местах земного шара, «газетных сообщений», «научных» комментариев и трактовок, как бы воспроизводимых писателем (и подернутых в то же время палетом лукавой пародийности). Главы и эпизоды при этом приобретают различную жанрово-стилевую окраску в зависимости от того, чьи-ми глазами воспринимается происходящее (расхождения в восприятии и истолковании служат еще одним источником комизма). Часто и само повествование ведется от имени разных лиц (авторов научных трактатов, газетных заметок, очерков, обзоров, эссе и т. д.) или же впитывает в себя (через несобственно прямую речь, через насыщение текста элементами стилистики научных и газетных жанров) своеобразие разного восприятия событий.

⁴ K. Čapek. *Válka s mloky*. Praha, 1958, s. 103.

⁵ Ibid.

Такая особенность структуры романа — частное проявление более широкой и очень характерной для Чапека системы «передачи» событий и явлений через призму восприятия разных людей. Эту систему Чапек применяет и в других своих произведениях: философская трилогия, «Жизнь композитора Фольтына», где повествование поочередно передается разным лицам, воссоздающим историю жизни одного человека, а порой и одних событий, которые они видели и понимали каждый по-своему. Картина происходящего возникает в воображении читателя в результате наложения друг на друга свидетельств и впечатлений разных лиц. Эти свидетельства взаимно дополняются, корректируются, порой не совпадают и расходятся. Одновременно каждый раз раскрывается образ воспринимающего. Такой способ художественного построения приобретает различную функцию в разных произведениях. В трилогии «Гордубал» — «Метеор» — «Обыкновенная жизнь» он вбирает в себя философское представление о сложности постижения истины и души человека. В романе «Война с саламандрами» подобная структура не только преломляет представление писателя о фатальной противоречивости человеческого общества, все время расщепляющей и поляризующей интересы и представления людей, не только помогает ему сразу засекаать целые «пучки» противоречивых общественных тенденций и служит средством сатирического «подсвечивания» этих тенденций, — такая форма вместе с тем как нельзя лучше соответствует замыслу показать процесс, идущий во всемирном масштабе. Роман одного центрального героя (ср. «Войну миров» Г. Уэллса, где повествование ведется от лица одного рассказчика-очевидца) и даже роман-река требовал бы локализации событий, лишал бы автора той свободы обобщенных характеристик процесса, возможность которых предоставляют, например, формы, родственные газетным и научным жанрам. Чапек и идет по линии суммирования процесса, подобно тому, как это бывает в газете, где эта сумма складывается из живых свидетельств и из разного типа обобщенных информаций (Чапек называл журналистику «эпосом современности»). Одновременно газетные формы давали богатейшую возможность для критики общественного сознания в разных его аспектах. Не случайно писатель так часто обращается в романе к различным газетным формам и стилям, продолжая собственную новаторскую традицию, восходящую еще к раннему его творчеству и роману Уэльсу «Фабрика Абсолюта». Теперь шкала газетных форм стала богаче, а сами формы — более дифференцированными, полнее выявленными с точки зрения их жанрово-стилевой специфики. Принцип, положенный в основу романа-фельетона, получил дальнейшее развитие. Тем не менее, разнообразные стилизации газетных жанров — только один из компонентов романа «Война с саламандрами». Сами эти жанры в дальнейшем оказываются включенными в рамки еще одной новой жанровой формы. Речь идет о повествовании историографического характера. Во второй книге романа отправной моделью повествования становится исторический жанр, пародийно стилизованный Чапеком. Изменение внешней формы романа, которое в свою очередь обусловлено переводом фантастической гипотезы из научно-биологического в научно-социологический план, в плоскость общественной проблематики, происходит, таким образом, в последовательности: от повествования, связанного с одним главным героем, — к серии глав и эпизодов, связанных преимущественно с разными очевидцами или выдержанными в духе научных и газетных жанров, и, наконец, — к обобщенному историографическому изложению.

Новое жанрово-стилевое начало зафиксировано и в подзаголовке второй части: «История саламандр» (разрядка моя. — С. Н.). Не считая маленьких обрамляющих главок, вся вторая книга представляет со-

бой цельное полотно и написана как сочинение историографа-публициста, летописца «саламандрового века», который обращается к определенным источникам и иллюстративному материалу: газетным репортажам, сообщениям телеграфных агентств, биржевым бюллетеням, и т. д.

Главным содержанием романа становится теперь язвительно нарисованная история обучения саламандр у людей, история, если можно так сказать, их обучения цивилизации. Картина этого процесса и проливает иронический свет на то, что же оказалось бы близким в человеческой цивилизации животным, что выбрали бы из общественной жизни людей существа, уподобившиеся человеку, но не поднявшиеся до его уровня.

Глубокий внутренний смысл имеет композиционное распределение материала: сначала Чапек изображает бесчеловечную общественную и международную практику людей и лишь затем — ее повторение саламандрами. Вся первая половина второй книги романа посвящена показу бездушия и жестокости человека, — конечно, не человека вообще, а человека, носителя общественных пороков и недугов: социального гнета, милитаризма, национальной и государственной вражды. Гротескная философская ирония автора по поводу человеческого прогресса, который сопровождается войнами и истреблением народов, наполняется объективным антибуржуазным содержанием. Конкретный материал Чапек черпает из буржуазной действительности: параллели между работорговлей и практикой капиталистических монополий, рабовладельческим рынком и биржей, сатирическая критика колониальной политики, наконец, расистской идеологии и фашизма. Изображая, например, эксплуатацию саламандр, которых удалось в массовом масштабе приспособить в качестве рабочей силы на прибрежных строительных работах, писатель получает возможность продемонстрировать и оценивать социальные взаимоотношения между самими людьми (практика капиталистических монополий). Равным образом показано бездушие науки, поставленной на службу милитаризму, раскрыта социальная роль церкви и т. д.

Обобщающий характер носит введенная после этих картин газетная анкета на тему «Есть ли у саламандр душа?». Ядовитый внутренний смысл анкеты до конца обнажен в ответе, приписанном Бернарду Шоу: «Души у них, безусловно, нет. В этом они сходны с человеком»⁶. Затем люди и саламандры как бы меняются местами, и пороки человеческого общества во второй раз подвергаются осмеянию, отраженные уже в практике саламандр, в их агрессии против человечества.

Постепенно, во второй и особенно третьей части романа, нарастает памфлетный элемент и сатира наполняется конкретными параллелями с современной политической жизнью. Даже по времени действия произведение максимально сближено с современностью.

В творчестве Чапека вообще есть всего лишь один-два случая, когда фантастические события совершаются в сравнительно отдаленном будущем («Побасенки будущего»). Если Уэллс довольно часто переносит читателя во времена, отстоящие от нас на целые столетия или даже тысячелетия, то Чапек, наоборот, стремится свести к минимуму расстояние между временем действия его произведений и современностью. В пьесе «Средство Макропулоса» он даже предпочел отодвинуть завязку на три с лишком столетия в прошлое, чтобы кульминация событий совпала с нашими днями и героиня, познавшая бессмертие, жила среди нас. В романах и драмах Чапека не машина времени уносит читателя в будущее, а определенные процессы и тенденции современной действительности неизмеримо ускоряются и разрастаются до гигантских масштабов как бы под влиянием мощного катализатора. Утопия оказывается «вписанной» в современность. Одна

⁶ K. Čapek. Válka s mloky, s. 145.

из функций научной фантастики в произведениях Чапека как раз и состоит в том, чтобы мотивировать стремительное нарастание определенных процессов и тенденций современной жизни, форсировать их. Писатель создает своего рода экспериментальные обстоятельства, в которых определенный потенциал современных ему общественных отношений проявляется в гротескно-увеличенном виде. Все это в полной мере относится и к роману «Война с саламандрами», утопическое действие которого развертывается в самом недалеком будущем и отличается стремительным нарастанием изменений в жизни человечества.

«Это не утопия, а наша современность, — говорил Чапек о романе. — Это не умозрительная картина некоего отдаленного будущего, а зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гущу чего мы живем... тут мне важно было показать реальную действительность»⁷.

Сближение с современной действительностью совершается, как мы говорили, в двух сферах. С одной стороны, история агрессии саламандр против человечества пронизана ассоциациями с политикой фашизма (требования жизненного пространства как мотив агрессии, программный милитаризм, особая активность нордической саламандры и т. д.). Вспомним, например, о памфлетном образе Верховного Саламандра, носящего имя Андреас Шульце. Не только прошлое шефа саламандр («во время мировой войны он служил где-то фельдфебелем»), но и немецкий тип фамилии, и инициалы (ср. настоящее имя Гитлера — Адольф Шикльгрубер) вызывают ассоциации с действительностью фашистской Германии.

Писатель особенно активно акцентирует теперь отсутствие у саламандр духовных качеств, делающих человека человеком. «Нам, людям, они столь же чужды, как муравьи или сельди, они отличаются от этих существ только тем, что приспособились к другой жизненной среде, а именно к человеческой цивилизации»⁸. Механистичностью мышления саламандры в третьей части романа близко напоминают и роботов из пьесы «Р. У. Р».

С другой стороны, и сама «человеческая действительность» в романе несет на себе ощутимые черты сходства с международной политической практикой 30-х годов. Еще в начале произведения, развертывая научно-фантастическую гипотезу, Чапек зачастую ставил вымысел в один ряд с известными и реальными фактами, действительно установленными научкой данными, и стирал грань между ними. Особый комический колорит придает роману включение фантастических саламандр в подлинную научную систематизацию биологических видов, ссылки на известные научные работы, упоминание в романе действительно существующих лиц, среди которых оказываются и писатели (Б. Шоу, Э. Э. Киш), и ученые, и спортсмены (Джонни Вейсмюллер), и актеры (американская кинозвезда Мэй Уэст), и коллеги Чапека по работе в редакции «Лидовых новин» — чешские журналисты и т. п. И дальше, на протяжении всего романа этот способ маскировки швов между фантазией и реальностью, этот источник юмора играет в нем важную роль. В третьей книге особенно ярко проявляется памфлетная функция этого приема, способствующего актуализации политической сатиры.

Если на общефилософском уровне романа Чапек сетует на непреодолимую и трагическую, по его мнению, противоречивость взаимоотношений, царящих в человеческом обществе, и это сообщает последней книге романа черты философского трагического гротеска, то в произведении есть одновременно и более конкретное обличение зла. В сатирической утопии фигурируют под своими именами буржуазные метрополисы с их своеобразной империалистической политикой, расистскими притязаниями, или практикой «умиротворения агрессора», попранием интересов малых на-

⁷ К. Сапек. Poznámky o tvorbě, s. 110.

⁸ К. Сапек. Válka s mloky, s. 210.

родов, бесплодными переговорами в Лиге Наций и т. д. Нет необходимости напоминать факты, которые в памяти у всех читателей. Агрессия саламандр «вписана» в международную буржуазную действительность, многими чертами приближенную к политической обстановке времени создания романа. Это вторая плоскость, в которой реализуется памфлетный жанровый компонент романа. Роман завершается тем, что, подведя человечество к краю гибели, автор прерывает гигантский воображаемый эксперимент, поставленный в масштабах человечества, и, как бы выйдя на сцену, вступает непосредственно от своего имени в беседу с читателем, чтобы, в частности, еще раз указать на сходство изображенного с современной действительностью — последний горький памфлетный акцент в романе, своего рода «восклицательный знак», завершающий произведение.

Картина будет еще более богатой и многообразной, если рассматривать произведение по частям, более «крупным планом», и учитывать многочисленные «попутные» жанрово-стилевые тенденции и формы, которые вовлекаются в общий поток повествования со своими специфическими возможностями и особенностями. Мы обнаружим в романе и запись в судовом журнале, и киносюжет, и протокол собрания акционеров, и торгово-экономический обзор, и биржевой бюллетень, и очерк об обвале на саламандр (приписанный Эгону Эрвину Кишу), и газетную анкету, и руководство по кройке и шитью, и прокламации, и политический трактат и многое другое. Характер использования этих форм простирается от юмористической стилизации до злой пародии. Искусная имитация аутентичности чередуется с «озорными» обнажениями художественного приема, напоминающими, что это фикция. Многие из таких форм представляют собой цельные островки в тексте романа. Другие в большей или меньшей степени ассимилированы, но налагают сильный отпечаток на характер повествования. В целом буквально десятки и десятки форм. Повествование как бы скользит по ним, или, точнее говоря, поочередно воплощается в эти формы, преломляясь через разные жанрово-стилевые призмы, подобно тому как и в макроструктуре произведения наблюдается смена жанрово-стилевых доминант. Можно сказать, что в романе Чапека ярко выражена тенденция к созданию произведения не только жанрового синтеза, но и скользящей жанровой шкалы.

Разумеется, роман не механическая сумма или последовательность различных «заимствованных» жанрово-стилевых форм, не рассудочный монтаж. Жанровые тенденции входят в самобытно-оригинальный массив романа лишь своими определенными принципами, входят, преломляясь через сознание писателя и претерпевая глубокие изменения.

Наследуя, например, в первой части романа традиции приключенческого жанра, Чапек в то же время дает свое, глубоко оригинальное, так сказать апокрифическое, художественное решение. Поэтика приключенческого жанра сплавлена в романе с юмористическим, бытовым, прозаическим элементом. О пальмах Чапек не скажет иначе, как в самом будничном контексте, упоминая одновременно «тощих кур, которые клевали нивесть что на грязном вытоптанном дворике под пальмами»⁹. Традиционный «морской волк», капитан приключенческих романов, превращается под его пером в юмористический образ. Однако дело не в элементарном пародийном «снижении» жанрового прототипа. Чапек не отказывается от возможности приключенческой модели. Он использует ее, но в то же время как бы делает юмористическую поправку на обыденность и тривиальность. Одним из важнейших источников комического эффекта является взаимодействие ассоциаций, которые восходят к приключенческой литературе, с чапековским подходом, который можно передать сло-

⁹ К. Чапек. *Válka s mloky*, s. 16.

вами «а как бы это было на самом деле?» (вспомним тот же принцип во многих произведениях из «Книги апокрифов» и др.). Совершается как бы двойственный и разнонаправленный процесс типизации, в котором участвует и литературная память писателя и знание тривиальной действительности с ее прозой и буднями, непритязательными комическими ситуациями¹⁰. При этом образная мысль движется не только от экзотико-романтического к банально-повседневному, но и в обратном направлении, когда комизм основан на том, что неправдоподобные предположения (например, о человекообразных существах, якобы обитающих в заливе Девл-Бей) действительно-таки подтверждаются (ср. также размышления Бонди перед посещением его ван-Тохом и последующую их беседу). Напряжение, возникающее между романтико-экзотическим, приключенческим и типичным, обыкновенным, комическим, создает неповторимый стилизованный рисунок, который позволяет говорить как о сознательном или бессознательном следовании автора традиции, так и об одновременном отталкивании от нее, о юмористической полемике с ней. Нечто подобное можно было бы продемонстрировать и в отношении других жанровых тенденций, хотя, естественно, каждый раз мы сталкивались бы с новой картиной, ибо разнятся сами функции различных жанровых компонентов произведения, хотя все они и объединены общностью художественного замысла, общей направленностью романа, который представляет собой некое динамическое единство.

Роман Чапека — органическое порождение его собственного глубоко самобытного художественного сознания. Но это сознание впитало в себя, конденсировало и огромный опыт действительности и гигантский опыт литературы. Выражаясь современным языком, в творческом процессе у Чапека поток информации от жизни, определявший направление его интересов и оценок, сливался и взаимодействовал с мощным потоком информации от литературы. Новаторство писателя выросло на базе гигантского синтеза и переосмысления литературных традиций, синтеза их с научным и философским мышлением и прежде всего, конечно, с процессом познания современной действительности. Чапек вообще высказывал мысль о том, что «новые формы не возникают из предшествующих форм, искусство не возникает из искусства. Оно всегда рождается заново из неискusstва, из жизни, из грубой действительности. Оно постоянно вновь добывается, в периоды же художественного развития, когда традиции не прерваны, оно по крайней мере вновь вбирает в себя материал из сферы, лежащей вне искусства и, пересоздавая его, пересоздает себя»¹¹. Но, с другой стороны, писатель, полушутя, подчеркивал, что он «мог бы назвать, пожалуй, всего лишь трех-четырех авторов, которые не имели влияния» на него. «Вообще же я учусь у каждой книги, которая попадает мне в руки»¹².

Будучи во всеоружии литературной эрудиции, ассимилировав огромный опыт предшествующей и современной литературы, Чапек тем не менее отправлялся не от заданной формы, а от объекта, превыше всего ставя «интенсивность духа, который сосредоточенно ищет конкретную и закономерную форму для новых представлений»¹³.

На этом пути и происходила встреча нового и традиционного, жизни и литературы, совершался синтез и обогащение традиций, рождалось новое качество и совершались художественные открытия.

¹⁰ Ян Мукаржовский усматривает и общий принцип стилистики Чапека в «стремлении постигнуть противоречие между правилом и исключением, будничным и необычным» (J. M u k a ř o v s k ý. K otázce individualního slohu v literatuře. Česká literatura, VI, 1958, č. 3, s. 262).

¹¹ K. Č a p e k. Několik poznámek o moderní literatuře. Přehled XII, č. 3, 10 října 1913, s. 54.

¹² K. Č a p e k. Poznámky o tvorbě, s. 79.

¹³ K. Č a p e k. Italské listy. Anglické listy. Praha, 1958, s. 56.

Д. В. КАЦНЕЛЬСОН

ПОЛЬСКИЕ ПЕСНИ О ГЕРОЯХ ВОССТАНИЯ 1863 года

Песни участников восстания 1863 г. занимают своеобразное место в польском фольклоре. Глубоко прогрессивный характер польского национально-освободительного движения придал этим песням большую революционную силу.

В период восстания возникает много безымянных повстанческих песен. Получают распространение в повстанческих отрядах и песни на слова поэтов, имена которых известны, — например: «Sygnał» (1863) — слова Винцентия Поля, музыка Альфреда Боярского¹; «Marsz Żuawów» (1863) — слова Владимежа Вольского² — и многие другие песни. Каждая из них имеет свою интересную историю возникновения и распространения³. Безымянные повстанческие песни нередко возникали как непосредственный и очень быстрый отклик на какое-нибудь сражение, давали лаконичную, верную и меткую оценку событиям и лицам, рассказывали о героизме партизан, о прославленных предводителях отрядов. Многие из песен, сложенных безвестными участниками восстания, являются по сути произведениями устной историко-героической поэзии; они представляют собой несомненную историческую и художественную ценность.

Народные исторические песни 1863 г. недостаточно изучены, им уделяется мало внимания в работах о повстанческой поэзии⁴. Настоящая статья посвящена известным автору польским повстанческим песням 1863—1864 гг., в которых изображены или упомянуты конкретные исторические лица — участники восстания.

¹ Во время восстания была издана листовка с текстом песни: «Pieśń Wincentego Pola W krwawem polu». [Tarnopol], 1863. Ноты в песеннике «Harfisz. Zbiór pieśni patriotycznych i; narodowych». Zebrał i ułożył S. Surzyński, serya I. Tarnów, 1890, s. 79—80.

² W. W o l s k i. Spiewy powstańcze, z. I. Paryż, 1863, s. 26—29. Здесь же приведены ноты. Об исполнении «Марша жуавов» повстанцами в 1863 г. вспоминает С. Брычинский — «Moje wspomnienia. Rok 1863». Wyd. IV, Warszawa, 1936, s. 109. Другой мемуарист утверждает, что эта песня стала известна лишь после восстания — «Wspomnienia osobiste z powstania 1863 r.». Skreślił S. Grzegorzewski. Lwów, 1903, s. 64—65. О правильности сообщения Брычинского свидетельствует тот факт, что в повстанческих отрядах возникали песни в подражание «Маршу жуавов», [например, сочиненный повстанцем Антонием Войцецким «Spiew drugiej kompanii żuawów Pułkownika Miniewskiego». — «Józef Nieczuja Miniewski, jego udział w powstaniu styczniowym. Notatki z lat młodych». Wydał M. Michałowski. Lwów, 1918, s. 92—93.

³ О том, как возникла и перешла в уста повстанцев песня «Sygnał», см.: J. S o k u l s k i. Z dziejów pieśni powstańczej. — «Słowo polskie», 1913, 21 lipca, s. 8.

⁴ A. B r z e g - P i s k o z u b. Zmierzch romantyzmu. Zarys poezji powstania styczniowego. Lwów, 1913; J. L o r e n t o w i c z. Polska pieśń niepodległa. Kraków, 1917; J. Z n a m i r o w s k a. Poezja powstania styczniowego. Lwów, 1938; «Dziedzictwo literackie powstania styczniowego». Praca zbiorowa katedry historii literatury polskiej Uniwersytetu Warszawskiego pod red. J. Z. Jakubowskiego, J. Kulczyckiej-Saloni, S. Frybesa. Warszawa, 1964.

* * *

В свете новых работ польских и советских историков несостоятельным становится мнение о будто бы враждебном отношении большинства крестьян к восстанию. Несомненно, идеи радикальных деятелей восстания — «красных» — находили отклик в народе. Революционные песни 1863 г. бытовали не только в повстанческих отрядах — их пела вся Польша. Об огромной популярности повстанческого марша «Pieśń Rykowa» («Co to za gwara») писал современник восстания Ян Стобецкий⁵. Партизанскую песню «Wrony konik w lot biega», прославляющую повстанческих предводителей Д. Чаховского и З. Хмеленского, пели, как вспоминает мемуарист Ю. Гордон, крестьянские подростки в одной из деревень близ местечка Бжозова уже после подавления восстания⁶. В предании о Ю. Гауке (Босаке) прославляются ум, находчивость и смелость этого революционного генерала, представленного к тому же в облике крестьянина, что весьма характерно для преданий, возникших в крестьянской среде⁷.

Одним из популярнейших героев повстанческих песен был Дионизий Чаховский. Он упоминается в песне «Po bitwie pod Skałą»⁸, возникшей еще до того, как Чаховский создал и возглавил партизанский отряд⁹. Чаховский тогда был офицером в большом отряде Мариана Лянгевича; он и Котковский «вдохновляли солдат и были душой отряда»¹⁰. Песня прославляет Чаховского: «Wiwat pułkownik Czachowski!»¹¹. В другом варианте: «Niech żyje nasz wódz Czachowski!» В песне упоминается еще один офицер: «Niech żyje nam major mały!». Установлено, что «малым майором» солдаты рзвали Антония Велебыцкого, которого они очень любили¹². Велебыцкий погиб в бою под Боджеховом 16 декабря 1863 г.; в последние недели своей жизни он возглавлял в корпусе Босака отряд крестьян-косинеров.

Характерно, что о Лянгевиче песни не упоминает. Существовал вариант этой песни, озаглавленный «Marsz żołnierzy Langiewicza», но в самом тексте о Лянгевиче тоже ничего не говорится¹³. Предводитель, не репившийся встать на путь развертывания всенародной борьбы, не был любим повстанцами¹⁴. Создатели песни не только рассказывают о победе над противником, отступившим к Сташову, — они озабочены дальнейшей судьбой восстания, призывают к наступательным действиям, мечтают о взятии Варшавы:

Z Staszowa ich wypędzimy,
Aż o Radom się oprzemy.
A z Radomskiej okolicy
Pójdziem prosto do stolicy¹⁵.

Из Сташова мы их выгоним,
дойдем до Радома, он станет
нам опорой, а из Радома пойдем
прямо в столицу.

⁵ J. S t o b i e c k i. O literaturze dni krwawych.— «Dziennik literacki», 1863, № 97, s. 770. Подробнее о «Песне Рыкова» см.: Д. Б. К а ц н е л ь с о н. Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861—1864 гг. В сб.: «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М., 1963, стр. 198—201.

⁶ «Obrazki galicyjskie przez J. Gordona». Sanok, 1869, s. 37.

⁷ J. K i e ł b u s. O sławnym generale Bosaku. В сб.: «Ostatnie słowa. Opowiadania i wspomnienia uczestników walki o wolność w r. 1863—1864». Lwów, 1913, s. 77—78.

⁸ Текст песни см.: J. B i a ł y n i a - C h o ł o d e c k i. Dowódcy oddziałów w powstaniu styczniowym i współczesne pieśni rewolucyjne. Lwów, 1907, s. 93. Ноты в песеннике: «Jeszcze Polska nie zginęła! Pieśni patryotyczne i narodowe». Zebrał F. Barański. Wyd. VI. Lwów, [1901], cz. I, s. 46; в части I приводятся ноты, в части II — слова.

⁹ Бои под Скалой были 5 марта 1863 г.

¹⁰ «Pamiętniki Władysława Zapalowskiego (Płomienia) z roku 1863—1870», t. I. Wilno, 1913, s. 25, 30.

¹¹ F. B a r a ń s k i, cz. II, s. 130, № 46a.

¹² J. B i a ł y n i a - C h o ł o d e c k i, s. 93.

¹³ F. B a r a ń s k i, cz. II, s. 130, № 46a.

¹⁴ См.: «Pamiętniki jen. Antoniego Jeziorańskiego. Powstanie r. 1863», cz. I. Lwów 1880. s. 235—237; [W. E t g e n s]. Ciernie. Kraków, 1864, s. XIV—XVII.

¹⁵ J. B i a ł y n i a - C h o ł o d e c k i, s. 93.

Песня «Po bitwie pod Skalą» исполнялась на очень популярный тогда мотив «Pieśni żołnierza» — слова и музыка участника восстания Владислава Тарновского, талантливого поэта и композитора (публиковал свои стихи под псевдонимом Эрнест Булава)¹⁶. Произошло даже слияние этих двух песен: возник вариант, в котором к тексту Тарновского присоединены были слова народной песни о битве под Скалой. В этом варианте песня исполнялась в отрядах Лянговича и Чаховского¹⁷. Такая контаминация текстов может служить одним из примеров живой связи между литературой и устным творчеством повстанцев.

Впоследствии, когда после бегства Лянговича Чаховский организовал и возглавил один из крупнейших партизанских отрядов, возникли новые песни об этом прославленном предводителе. Песня «Marsz Czachowskiego» возникла, вероятно, в июне 1863 г.¹⁸ Как известно, Чаховский тогда отправился в Краков, чтобы пополнить свой отряд. По-видимому, песню сложили повстанцы, уходившие из Кракова в отряд Чаховского, и впоследствии она сопровождала отряд. В песне есть слова, подтверждающие, что она была создана повстанцами из Галиции: «Łączmy ramię do ramienia bracia Galicyanie!» («Плечом к плечу, братья галичане!»). Здесь, как и в песне о битве под Скалой, выражено стремление повстанцев перейти к наступательным действиям: «Marsz na Lublin i Warszawę!». Героический характер повстанцев изображен в песне с замечательной ясностью, сосредоточенностью чувства и мысли:

Polak pada dla narodu	Поляк гибнет за народ,
Dla matki Ojczyzny,	за родину мать, охотно пере-
Chętnie znosi głód i trudy	носит голод,
A najczęściej blizny.	лишения, а чаще всего раны.

Партизанская песня 1863 г. «Wrony konik w lot biega» посвящена в одном варианте Чаховскому, в другом — Зыгмунту Хмеленскому. Тексты вариантов почти целиком совпадают, различны лишь фамилии предводителей. Один вариант озаглавлен «Marsz zuchów (Z obozu Czachowskiego)»¹⁹, другой — «Pieśń na cześć Chmieleńskiego»²⁰. Интересно в данном случае, что одна и та же песня в равной степени применима к характеристике двух отрядов и двух предводителей. В песне отражен один из эпизодов партизанской борьбы: царские войска преследуют повстанцев, и Чаховский (или Хмеленский) вовремя предупреждает свой отряд о приближении противника. Чаховский и Хмеленский изображены как искусные предводители: они уводят повстанцев в лес, заманивают туда противника и там принимают бой. Предводитель — впереди отряда, с саблей в руке, уверенно ведет партизан в бой:

Błysnął ostrzem smej szabli,	Блеснула сабля в руке вождя.
Bracia wiara czas nagli — Nam.	Братья-солдаты! Время не ждет нас!
I wykrzyknął w zapale:	И крикнул в пылу: «Кто убежит, тому
Kto ucieka w łeb walę — Sam» ²¹ .	сам выстрелю в лоб!»

¹⁶ «A kto chce roskoszy użyć». — «Lutnia». Zbiór II, wyd. II. Lipsk, 1874, s. 202—203. Об участии Тарновского в восстании см. в посвященном ему некрологе: «Kronika żałobna». — «Przegląd Polski», Kraków, 1878, kwartał IV, s. 456—457. Этот источник любезно указан мне В. Ольшевичем.

¹⁷ «Powstanie styczniowe». Zbiór pieśni poezyi. Zebrała i opracowała A. Bełcikowska, melodie dla chórów włożył F. Rybicki. Warszawa, 1931, s. 99—101 (słowa i nuty).

¹⁸ Текст и ноты см.: F. B a r a ń s k i, cz. I, s. 143, cz. II, s. 210—211.

¹⁹ F. B a r a ń s k i, cz. II, s. 133, № 49; тот же текст приводится под заглавием «Marsz Chachowskiego» в песеннике «Spiewnik narodowy», cz. II. Zebrał i na dwa głosy ułożył W. Jeziorski. Ostrawa-Cieszyn, 1911, s. 62.

²⁰ J. B i a ł u n i a - C h o ł o d e s k i, s. 93—94; более полный вариант приведен в песеннике Баранского (ч. II, стр. 134, № 49а). Оба варианта песни — о Чаховском и о Хмеленском — исполнялись на один и тот же мотив, ноты: F. B a r a ń s k i, cz. I, s. 49.

²¹ F. B a r a ń s k i, cz. II, s. 133, № 49.

В песне изображено непримиримое отношение Чаховского и Хмеленского к трусам и дезертирам, известное нам по мемуарам ²². Создатели песни одобряют твердость Чаховского и Хмеленского, с гордостью рассказывают о том, что за предводителями в атаку пошел весь отряд. Песня эта, исполнявшаяся в отряде Чаховского, опровергает мнение мемуариста Шульца, утверждавшего, что солдаты слушались Чаховского, но не любили его за суровость ²³. Предводитель обращается к повстанцам со словами: «Братья-солдаты» («bracia wiara»), умело руководит боем и сам вместе с солдатами сражается. Он неутомим, его выстрелы всегда попадают в цель. В песне прославлены и безымянные герои — рядовые партизаны:

Hej! Czachowski tobie cześć ²⁴
Kraj rodzinny musi nieść — Twój.
Cześć i młodziej twjej braci,
Co za wolność dziś traci — Krew.
A o głodzie na mrozie
Nuci sobie w obozie — Śpiew!

Эй, Чаховский, твоя родная страна должна воздать тебе честь. Честь и твоим младшим братьям, которые сегодня проливают кровь за свободу. В голоде и холоде они поют в своем лагере песню.

Создатели и исполнители этой песни сами рассказывают о той обстановке, в которой пелась песня: она сопутствовала партизанам в их полной невзгод и опасностей жизни; в отряде рождались и жили песни — партизаны видели в этом одно из проявлений своих душевных сил.

Неиссякаемым народным оптимизмом проникнута песня «Hej skowronek już śpiewa» (исполнялась на мотив песни «Wrony konik w lot biega») ²⁵. В ней воспеваются капун весны, выражена надежда на оживление борьбы. Залог победы создатели песни видят в сплочении повстанческих сил. Герои песни страстно ждут сигнала к одновременному выступлению:

Wszakże mamy rycerzy,
Niechaj tylko uderzy

Ведь у нас есть рыцари, пусть только раздастся зов меча. И под патиеком Юноши сразу же рассеется враг. Наш Чаховский с отрядом и Езеранский, полный огня, — тут же. А когда Босак нагрянет — прогоним царские войска прочь...

A zaraz się rosprószy
Pod naciskiem Junoszy

Miecz...

Nasz Czachowski z oddziałem
Jeziorański z zapalem

Wróg...

Tuż...

A gdy Bosak przywali
Wypędzimy Moskali

Het...

Интересно, что песня называет имена и тех предводителей, которых к моменту ее создания (начало 1864 г.) уже не было в рядах восставших. Так, в песне звучит отголосок прежней славы Езеранского, хотя он перешел австрийскую границу и был арестован. Создателям песни, вероятно, казалось, что Езеранский вернется. Как о живом говорится в песне о Чаховском, хотя он погиб 6 ноября 1863 г. Народ не мог примириться с мыслью о гибели любимого партизанского предводителя. В то время было распространено предание о том, что Чаховский по-прежнему возглавляет отряд и только враги, желая ослабить дух поляков, умышленно распускают слухи о его смерти ²⁶. Из

²² См.: S. J a r m u n d. W obozie Czachowskiego. — В кн.: W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. Lwów, 1903, s. 145—155; B. A n c. Zygmunt Chmieleński. Ibid., s. 43—53.

²³ «Pamiętnik kapelana księdza Serafina Szulca». — «Polska w walce». Wydał A. Gil-ler, cz. I. Paryż, 1868, s. 131—132.

²⁴ В другом варианте: «Hej! Chmieleński tobie cześć...»

²⁵ J. B i a ł y n i a - C h o ł o d e c k i, s. 98—99; здесь песня озаглавлена «Marsz».

В песеннике Баранского этот же текст помещен как продолжение песни № 49.

²⁶ Об этом предании см.: J. B i a ł y n i a - C h o ł o d e c k i, s. 24.

перечисленных в песне предводителей в канун весны 1864 г. сражались только двое: генерал Босак и его сподвижник, сторонник решительных действий Юноша (Владислав Новацкий-Копачинский). Песня дает верное представление о наступательной силе отряда Юноши, о многочисленности повстанцев, возглавляемых Босаком.

Об участии польского повстанческого батальона «зуавов» в бою за Мехов (17 февраля 1863 г.) рассказывает песня «Wspomnienie Rannego z roku 1863» («Stu sześćdziesięciu walecznej młodzieży») ²⁷. Она сложена неизвестным автором (судя по заглавию и содержанию песни, это был «зуав», раненный в Мехове) на мотив популярной песни 1831 г. «Pułk czwarty» («Tysiąc walecznych»), исполнявшейся и в 1863 г. ²⁸ О популярности песни свидетельствует, например, тот факт, что в сентябре 1863 г. у арестованного австрийской полицией Владислава Круковецкого, повстанца из отряда Юнга, был найден листок с переписанным от руки текстом песни ²⁹. В ней рассказывается о доблести «зуавов», плохо вооруженных, но полных энтузиазма; с любовью изображен пылкий и храбрый предводитель «зуавов». Он не назван по имени, но нет сомнений в том, что имеется в виду француз Франсуа Рошебрён. Рассказывается о том, как он перед битвой за Мехов вдохновил повстанцев своей пламенной речью и повел батальон в атаку в самый трудный и решительный момент. Предводитель глубоко переживает разгром батальона, разделяет скорбь солдат о погибших героях.

Марцину Борелевскому — «Лелевелю» посвящено безымянное стихотворение «Do Marcina Lelewela»; возможно, что оно бытовало как песня. Возникло стихотворение в отряде Борелевского вскоре после его гибели. Запись стихотворения датирована 18-м сентября. Борелевский пал в бою 6-го сентября. Листок с написанным от руки текстом был конфискован австрийской полицией в январе 1864 г. у Дерслава Подоского; это был студент Киевского университета, повстанец отряда Борелевского ³⁰. В Борелевском, который за свою приверженность Иоахиму Лелевелю был прозван его именем, повстанцы видели наследника идей замечательного польского ученого-революционера:

Wielki mąż, któregoś imię
Tak zaszczytnie krótko dzierzył,
W niebie cię za syna przyjmie,
Boś tak walczył — jak on wierzył.

Великий муж, чье имя ты недолго, но
с честью носил, в небе тебя встретит
как сына, потому что ты так боролся, как
он учил.

В стихотворении выражена скорбь о гибели Борелевского, решимость продолжать борьбу, вера в то, что в Польше найдутся новые «Лелевели».

В 1864 г. в одном из польских журналов анонимно было опубликовано стихотворение «Przeszły troski i frasunki», рассказывающее о восстании на белорусско-литовских землях ³¹. Я. Кульчицкая-Салони считает автором этого стихотворения Ежи Ласкариса ³². А Бжег-Пискозуб утверждает, что это одна из песен, «рожденных в повстанческих отрядах под звон оружия» ³³. Ласкарис был участником восстания в Литве, при-

²⁷ «Dziennik literacki», 1863, № 55, s. 435—436; текст датирован 14 апреля 1863 г.

²⁸ Текст песни 1831 г. представляет собой выполненный Я. Н. Каминским перевод стихотворения немецкого поэта: J. M o s e n. Die letzten Zehn vom Vierten Regiment. В сб.: «Polenlieder deutscher Dichter», hd. I. Gesammelt und herausgegeben von S. Leonhard. Krakau-Podgone, 1911, S. 100. О популярности этой песни в 1863 г. см.: J. В i a ł u n i a - C h o ł o d e s k i, s. 88.

²⁹ Следственное дело на добровольца В. Круковецкого (В. Грамона), бывшего офицера русской армии, принимавшего участие в польском восстании.— Львовский областной архив, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 1158, л. 8.

³⁰ Следственное дело на Подоского Д. Г., обвиняемого в участии в польском восстании. 1863 г. Там же, ед. хр. 1949, текст стихотворения — л. 14; сведения о Подоском — лл. 5, 12.

³¹ «Echo z Polski», 1864, № 13, s. 4.

³² J. K u l c z y s k a - S a l o n i. Poezja powstania styczniowego. В сб.: «Dzielnictwo literackie powstania», s. 49.

³³ A. B r z e g - P i s k o z u b, s. 95

верженцем Сераковского, о котором впоследствии написал воспоминания³⁴. Вполне вероятно, что сочиненное Ласкарисом стихотворение стало боевой агитационной песней. Текст в журнале датирован 28-м марта 1863 г. — к этому времени и относятся изображенные здесь события. Герои песни Людвик Нарбутт и Феликс Вислоух — предводители, собравшие в свои отряды смелых, вольнолюбивых людей. В песне выражен тот демократический, революционный дух, которым было проникнуто повстанческое движение в Белоруссии и Литве:

Wyprostować ostre kosy,
Wezwać włóścian, jak bóg każe.
I zawołać w niebogłosy:
«Do Kołyszki! za Niewiażę!»

Навострить косы, призвать крестьян,
как бог велел, и крикнуть во весь
голос: «К Кольшпке, на Поневежье!»

Кольшко здесь изображен как предводитель, созывающий крестьян-косинеров. Действительно, Кольшко, друг русских революционеров, с которыми он сблизился за годы учения в Московском университете, был демократом, сторонником всенародной освободительной борьбы³⁵. Призыв спешить на Поневежье имел в той исторической ситуации глубокий смысл. В конце марта 1863 г. в Поневежье (Жемайтия) началось объединение повстанческих отрядов. В песне об этом рассказывается с надеждою и радостью:

Tam na Żmudzi nie brak ludzi,
Jabłonowski ich prowadzi,
Książd Mackiewicz ducha budzi,
A Dołęga nagromadzi.

Там на Жмуди нет недостатка в людях,
их ведет Яблоновский, воодушевляет
ксендз Мацкевич, а Доленга сплачивает.

Замечательный польский революционер Доленга (З. Сераковский) изображен в соответствии с исторической действительностью как собиратель народных повстанческих сил. Рядом с Сераковским показаны его соратники Б. Яблоновский-Длусский и А. Мацкявичус. В песне запечатлена одна из черт Мацкявичуса — он был пламенным агитатором, вдохновлял повстанцев своими речами³⁶.

В устной революционной поэзии 1863 г. показана сила духа, с которой Сераковский встретил казнь. Накануне его казни в Вильно устно распространялось четверостишие, создание которого приписывалось самому Сераковскому:

Jedynym żalem będę przejętym
Gdy z życiem przyjdzie rozstanie,
Że żyć nie będę w dniu wielkim, świętym,
Gdy Matka Polska powstanie!³⁷

Когда настанет час расстаться с жизнью,
я буду скорбеть лишь о том, что меня не
будет в живых в великий, святой день,
когда мать Польша станет свободной.

В стихотворении звучит голос самого приговоренного к смертной казни героя. Это усиливает лирическую проникновенность четверостишия, придает ему большую достоверность.

Повстанцы импровизировали поэтические плачи о павших в бою героях. Текст одного из плачей сохранился в рукописном песеннике, изъятом полицией в 1864 г. во Львове у участника восстания Александра Прокоповича³⁸. Составитель песенника,

³⁴ J. L a s k a r y s. Wyprawa Sierakowskiego. В сб.: «Pismo zbiorowe wydawane staraniem i nakładem Towarzystwa naukowego młodzieży polskiej w Paryżu», t. I. Bendlikon, 1865, s. 36—50.

³⁵ «Pamiętka dla rodzin polskich». Zebrał i ułożył Z. Kolumna, cz. I. Kraków, 1867, s. 76—79; В. Б. Б и к у л и ч. К вопросу об участии литовских крестьян в восстании 1863—1864 гг. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» под ред. М. В. Нечкиной. М., 1963, стр. 121—122.

³⁶ С.м.: «Pamiętniki Jakóba Gieysztorza z lat 1857—1865», t. II. Wilno, 1913, s. 18—19.

³⁷ [J. S t e l l a - S a w i c k i]. Ludzie i wypadki z 1861—1865 г. Obrazki z powstania, cz. I. Lwów, 1894, s. 145.

³⁸ Следственное дело на А. Прокоповича, участника польского восстания 1863 г. — Львовский областной архив, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 1994, лл. 16—17.

по-видимому, записывал тексты, находясь в повстанческом отряде: записи сделаны карандашом в маленькой записной книжке. Они озаглавлены «Piesni Ruzny» (сохраняю здесь и в тексте песни орфографию подлинника). Записывал, видно, человек малограмотный: в тексте есть орфографические ошибки, искаженные слова. Скорбная песнь о погибшем повстанце озаглавлена «Na grub Wisnieskiego». Песня потрясает силой и цельностью чувства, напоминает похоронные причитания:

Stanmy Bracia nad mogiło
I zanucmy jeszcze raz
Piesn groba piesn mu miło
Temu co pozegnał nas.
Juz pozegnał nas nawieki
Nas rodakow i ten swiat
.....
Moc wroga nietknie juzcie.
Wolny jestes juz tyj hwili
My na grub twuj lejem łzy
Bosmy drogi skarb stracili
A tym skarbem byles ty
Płaccie bracia wraz s płakani...

Встанем, братья, у могилы и
споем еще раз прощальную песню,
дорогую тому, кто ушел от нас
навек, покинул нас, земляков,
и этот мир...
Враг уже не властен над тобой.
С этой минуты ты свободен, мы
проливаем слезы над твоей могилкой, мы
потеряли сокровище, этим
сокровищем был ты. Плачьте, братья,
плачьте все вместе...

В поэтических произведениях, написанных непосредственно после поражения восстания, воплощена мечта патриотов о новом восстании, о победе. Таким же настроением проникнута песня, сложенная арестованными повстанцами — «Śpiew więźniów z cytadel warszawskiej z. r. 1863» («Czemu tęsknisz za chatą»); ее пели на мотив партизанской песни о Чаховском и Хмеленском ³⁹. В песне с горькой иронией рассказано об «удобствах» тюремной жизни, выражено презрение к душителям свободы. Безымянные герои этой песни озабочены не только своей [тяжелой] участью, сколько судьбой угнетенных народов. Эта песня, передаваясь из поколения в поколение, перешла к польским коммунистам-подпольщикам. Я слышала, как ее пели в Белостоке в 1933 г. во время тайных сходов в лесу. Особенно хорошо исполнял эту песню рабочий-коммунист Самуил Поставский (он умер от туберкулеза в белостокской тюрьме в 1934 г.). В песенной поэзии польского пролетариата есть произведения, варьирующие песни о героях 1863 г. Например, «Pieśń bojowców», в которой изображены уличные бои рабочих с полицией, возникла в результате переработки текста упомянутого выше «Марша зуавов» В. Вольского ⁴⁰. Интерес пролетариата к песням восстания 1863 г. свидетельствует о революционной силе этих песен.

³⁹ F. W a r a Ń s k i, cz. I, s. 49, cz. II, s. 134.

⁴⁰ «Zbiór pieśni». Biblioteczka popularna «Życia», książeczka IV. Kraków [1908], s. 7—8. Эта песня начинается той же строкой, что и «Марш зуавов»: «Nie masz to wiary jak w naszym znaku».

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИЖНЕЛУЖИЦКИХ ЗВУКОВЫХ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Нижнелужицкий диалектный язык является весьма интересным объектом для постановки исследования о диалектных различиях, в частности звуковых. Это обусловлено как внутренними, так и экстралингвистическими особенностями, присущими нижнелужицкому диалектному языку.

Нижнелужицкий диалектный язык, будучи распространен на очень небольшой территории¹, отличается тем не менее значительной диалектной дробностью. Мука, давший в свое время первую классификацию нижнелужицких говоров, выделил 8 наречий (среди них и вымершие или почти вымершие) и 5 поднаречий². В дальнейшем, правда, эта классификация подверглась критике, с ссылкой на то, что некоторые выделенные Мукой диалекты в действительности не противостоят другим диалектным массивам, а являются их составной частью³. Тем не менее диалектное многообразие нижнелужицкого языка отражают и новейшие исследования⁴.

Причины диалектной дробности нижнелужицкого языка следует искать в условиях развития и функционирования этого языка.

Начиная с X в. основным лейтмотивом истории лужицких сербов стала их насильственная германизация. Функции серболужицкого языка оказались твердо ограничены рамками языка сельской и домашне-семейной жизни. Из городской и официальной жизни серболужицкий язык был полностью исключен, там господствовал немецкий язык⁵. По замечанию Р. Енча, церковный приход — вот тот максимум, которым была ограничена общественная жизнь лужичан⁶. Стоит подчеркнуть, что и в настоящее время лужицкие лингвисты одну из первых задач культурно-языкового строительства видят в том, «чтобы из языка, который до сих пор был главным образом ограничен сельской и семейной жизнью, создать более широкий и хорошо функционирующий орган общения»⁷.

¹ Нижнелужицкий язык распространен в ГДР в районах Коттбус, Любенау, Шпремберг, Хойерсверда, Вайсвассер, частично Губен и Форст округа Коттбус (по административному делению 1952 г.). Эта территория с севера на юг в более удаленных точках насчитывает около 54 км, с востока на запад — около 39.

² К. Е. М у с к е. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, S. 35.

³ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934, s. VI.

⁴ См., например, карты в книге: Н. F a ß k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964. Менее показательны в этом отношении карты П. Вирта и первого выпуска «Серболужицкого диалектного атласа», на которых в основном отражены лишь лексические различия. См.: P. W i r t h. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Leipzig, Lieferung 1, 1933, Lieferung 2, 1936; «Sorbischer Sprachatlas». I. Bautzen, 1965.

⁵ E. T s c h e r n i k. Die Entwicklung der sorbischen Bevölkerung von 1832 bis 1945. Eine demographische Untersuchung. Berlin, 1954, S. 9—10; M. K u b a š e c. Společtki serbskeho pismowstwa. — «Serbsčina». Listowy studij za wučerjow. Wudawa Serbski pedagogiski institut w Małym Wjelkowje, s. 28.

⁶ R. J e n č. Stawizny serbskeho pismowstwa, 1 dźěl. Budyšin, 1954, s. 29.

⁷ H. S c h u s t e r - S e w c. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprache. — «Славянская филология», т. III. София, 1963, стр. 145.

Ограничение функционирования языка рамками небольших диалектно-территориальных групп уже само по себе способствует консервации диалектных особенностей. Но, кроме этого, консервативности языка и быта лужицких сербов благоприятствовал весь уклад их жизни, оформившийся в условиях экономического угнетения и национально-культурного неравноправия. Как отмечает Р. Енч, вплоть до XVIII в. ни один официальный институт, включая церковь, не поддерживал серболужицкое национальное самосознание — все было направлено на онемечивание этого народа. В таких условиях единственной опорой серболужицкой национальности становилась народная традиция⁸. Натуральное хозяйство, отсутствие промышленных центров — все способствовало тому, что лужицкая деревня до XX в. вела очень замкнутый, обособленный образ жизни. В этих условиях неоткуда было взяться предпосылкам для консолидации диалектов, для нивелирующего взаимодействия между диалектами, для расширения одного диалекта за счет других.

Сказанное актуально для обеих Лужиц, но для Нижней в гораздо большей степени, чем для Верхней: Нижняя Лужица, находившаяся в худших экономических условиях, была к тому же объектом значительно более безоговорочной германизации⁹.

Нижнелужицкий диалектный язык в своем развитии не испытывал и нивелирующего воздействия со стороны литературного языка, как нормированной формы общенационального языка. Хотя первые серболужицкие письменные памятники были написаны на нижнелужицком языке, в дальнейшем нижнелужицкая письменность широкого развития не получила. Даже в XIX в., в период серболужицкого национального подъема, в Нижней Лужице не наблюдается заметного укрепления и расширения письменного языка.

Но и в том виде, в каком он складывался, литературный нижнелужицкий язык в своем употреблении был ограничен узким кругом местной интеллигенции. В культурной же жизни крестьянского населения — основного носителя нижнелужицкого языка — литературная форма языка практически никакой роли не играла. Надо сказать, что это положение сохраняется и в настоящее время, хотя в ГДР уделяется немало внимания развитию серболужицкой национальной культуры.

По наблюдению Р. Енча, для большей части лужицких сербов родной язык выполняет функцию, которая на одноязычных территориях падает на долю диалекта. Вследствие этого отношению *диалект : литературный язык* у лужицких сербов соответствует отношение *серболужицкий язык : немецкий литературный язык*¹⁰.

Немецко-лужицкое двуязычие, решительное распространение которого в основном приходится на последнее пятидесятилетие, стало новой преградой на пути нивелирующего взаимодействия между диалектами. Для судьбы нижнелужицких диалектов определяющим оказалось не столько то, что немецкий язык стал языком официальной жизни, сколько то, что на немецком языке постепенно стало осуществляться всякое общение за пределами своей деревни¹¹. Система диалектного языка в каждом населенном пункте на каком-то этапе консервировалась в том смысле, что

⁸ R. Jenč. Ibid., s. 187.

⁹ H. Sewc. Stawizny hornjeje a delnjeje serbsčiny. — «Serbsčina», s. 498, 499; R. Jenč. Ibid., s. 112.

¹⁰ R. Jenč. Dwojorječnosť Serbow a serbska lingwistika terminologija. — «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», Rjad A, č. 11/1, 1964, s. 2.

¹¹ Следующий за этим этап — уже полное вытеснение серболужицкого языка немецким. Именно такая судьба и постигла многие деревни на окраине нижнелужицкой территории и в окрестностях Шпремберга.

даже ситуация, способствующая проникновению инодиалектных черт, стала маловероятной.

Важно также подчеркнуть, что распространение немецко-лужицкого двуязычия способствовало дальнейшему сужению сферы использования отдельных частных диалектных систем (минимальная территориально ограниченная единица). Если раньше частная диалектная система использовалась не только в пределах своей деревни, но и шире — в пределах церковного прихода, то с распространением немецко-лужицкого двуязычия использование каждой частной диалектной системы практически оказалось сведено до пределов одной деревни. И еще, в связи с тем, что во многих нижнелужицких деревнях молодое и даже среднее поколение стремится полностью перейти на немецкий язык, к территориальным ограничениям в использовании частных диалектных систем добавляются генерационные¹².

Общеизвестно, что предпосылкой стирания диалектных границ и диалектного смещения является развитие капиталистических отношений на соответствующей территории. Однако для Нижней Лужицы всякий прогресс в этой области означал одновременно усиление германизации, в ходе которой насильственное насаждение немецкого языка играло не последнюю роль¹³. Усиление же немецко-лужицкого двуязычия препятствовало осуществлению создаваемых развитием капиталистических отношений предпосылок к нивелирующему взаимодействию диалектов.

Из сказанного вытекает, что развитие и функционирование нижнелужицкого диалектного языка определено следующими факторами:

1) ограниченность функционирования нижнелужицкого диалектного языка рамками сельской и семейно-домашней жизни;

2) сужение территориально-диалектных групп, как сферы использования включенных в нижнелужицкий диалектный язык частных диалектных систем в связи с распространением лужицко-немецкого двуязычия;

3) отсутствие нивелирующего воздействия на нижнелужицкий диалектный язык со стороны литературной (нормированной) формы языка.

Совокупность этих обстоятельств привела к тому, что характерной особенностью современного нижнелужицкого языка является изолированное функционирование включенных в него частных диалектных систем. Иными словами, в отношении нижнелужицкого диалектного языка нарушается представление о диалектном языке как континууме. Актуальными являются: структурная непрерывность — нижнелужицкий язык в каждой точке своего распространения наряду с особенностями специфическими обладает чертами, общими для всего диалектного языка; территориальная непрерывность — нижнелужицкий диалектный язык занимает более-менее компактную территорию¹⁴. Непрерывность же функционирования, когда территориально ограниченный вариант диалектного языка (частная диалектная система) используется его носителями и за пределами своего коллектива, в частности при общении с носителями иной, частной, диалектной системы, в нижнелужицком диалектном языке отсутствует,

¹² О расширении в настоящее время двуязычия вопреки полному отсутствию тенденций насильственной германизации, см.: R. J e n č. Dwojorěčnosť Serbow..., s. 2.

¹³ A. B r a n k a č k. Serbja w dobrej wuwěca Njemskeje z kapitalizma swobodnje konkurency do monopoloweho kapitalizma. — «Serbšćina», s. 948; «Chrestomatija dolnoserbskego pismownstwa», II zwězk. Berlin, 1957, s. 9 и след.

¹⁴ Ср. замечание Р. Енча о том, что «само определение „серболужицкая территория“ в настоящее время нельзя понимать в абсолютном смысле, так как повсюду имеются более или менее значительные вкрапления немецкого населения». R. J e n č. Dwojorěčnosť Serbow..., s. 1.

Следует заметить, что вообще непрерывность функционирования любого диалектного языка на определенной территории — это явление, развивающееся по мере того, как начинают действовать различные факторы, обуславливающие в конечном счете консолидацию родственных племен в народность. На территории же распространения нижнелужицкого языка развитие непрерывности функционирования тормозилось факторами, порождавшимися политикой германизации.

Обратимся к вопросу о том, каким образом отсутствие непрерывности функционирования отражается на характере звуковых диалектных различий, включенных в нижнелужицкий диалектный язык. При классификации звуковых диалектных различий будем исходить из типологии этих различий, предложенной Р. И. Аванесовым¹⁵. В частности, остановимся на соотношении в нижнелужицком диалектном языке двух типов звуковых диалектных различий: 1) звуковые диалектные различия, относящиеся к отдельной кратчайшей звуковой единице (фонеме) и имеющие отношение к фонемной системе, и 2) звуковые диалектные различия, относящиеся к отдельной кратчайшей звуковой единице, но не относящиеся к фонемной системе языка, т. е. звуковые различия, проявляющиеся на уровне отдельных слов.

Различия первого типа, в принципе реализующиеся в неограниченном круге слов (морфем) и имеющие синхронно-структурное значение, в нижнелужицком языке могут быть связаны: 1) с составом фонем — например, частные диалектные системы различаются в зависимости от того, содержит их вокализм фонемы [ô], [ÿ], [ê]¹⁶ или нет; 2) с характером фонетической реализации отдельных фонем. — например, в реализации фонемы [e] гласный ě в одних говорах может принимать участие, в других — нет¹⁷; 3) с составом позиций противопоставления тех или иных фонем, — например, [r] — [ř] перед s противопоставлены в говоре д. Мост¹⁸ (*štrej-tařski luš — murski*) и не различаются в говоре д. Барбук, где перед s произносится только согласный r (*bydlarski, spiwarski*); в одних говорах оппозиция глухих и звонких согласных фонем в конце слова сохраняется, в других — нейтрализуется¹⁹.

Большая часть диалектных различий этого типа в своем происхождении обусловлена неограниченными в отношении лексики процессами, имевшими место в территориально ограниченных диалектных группах. Именно вследствие этих изменений территориально ограниченные группы говоров могут репрезентировать определенные диалектные типы. Изоглоссы таких различий обычно достаточно четко разграничивают отдельные

¹⁵ См. «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 28—64.

¹⁶ См.: Н. Ф а в к е. Ibid., S. 28—30; Л. К а л н ы н ь. О нижнелужицком вокализме. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 45—46.

¹⁷ Ср. Z. S t i e b e r. Ibid., S. 72.

¹⁸ В статье использованы примеры из говоров деревень Бабов (лужицкое название Bobow, немецкое Babow), Барбук (Barbuk/Bärenbrück), Блунь (Blun/Blunow), Бяздов (Bjezdoly/Klein Partwitz), Грожище (Grožišćo/Grötzsch), Заброд (Zabrod/Sabrodt), Лпшков (Liškow/Groß Lieske), Мост (Móst/Heinersbrück), Мыши (Mušin/Müschén), Нова Яс (Nowa Wjes/Neuendorf), Парцов (Parcow/Groß Partwitz), Порог (Rogow/Horno), Рогозна (Rogozna/Wilmersdorf), Слено (Slěpo/Schleife), Терпе (Terpe/Terp), Ус (Us/Maust). Лужицкое и немецкое названия деревень даны по списку Муки: А. М у к а. Statistika serbow Sakskeho kralestwa. — «Casopis Maćicy serbskeje», Budyšin, 1886. Примеры взяты из диалектных записей, хранящихся в архиве Института серболужицкого народоведения в Баутцене (Institut für sorbische Volksforschung), и из материалов автора.

¹⁹ Ср. Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Пр., 1910, стр. 70, 71; А. S c h r o e d e r. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958, S. 25, 29, 37, 40; S. M i c h a l k. Zur Frage des sorbischen Sandhi (Satzphonetik). — «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IX, H. 2, 1964.

группы говоров. Ср., например, карту результатов изменения *o после губных и задненёбных не перед губными и задненёбными²⁰, карту, отражающую сохранение согласного t и его изменение в ʒ²¹, карту сохранения и утраты ě перед твердыми согласными в говорах северной части Нижней Лужицы²². Можно заметить, что содержание различий этого рода всегда может быть определено как отношение «есть — нет», проявляющееся в принципиально неограниченном лексическом (морфемном) ряду.

Но гораздо более многочисленную группу в составе нижнелужицкого диалектного языка образуют звуковые различия, реализующиеся в ограниченном круге слов (морфем), т. е. различия, проявляющиеся на уровне отдельных слов. Эти различия не имеют синхронно-структурного значения и проявляются лишь в фонемном составе отдельных слов.

Диалектные различия этого рода можно разделить на несколько видов в зависимости от устойчивости в масштабах нижнелужицкого диалектного языка круга лексики, в которой это различие проявляется, и в зависимости от возможности использования диалектного различия в характеристике диалектных типов.

В строго ограниченной группе слов в нижнелужицком диалектном языке проявляются звуковые различия, генетически обусловленные процессами, носившими регулярный характер, т. е. происходившими во всех тех случаях, когда для этого имелись необходимые условия. Такого рода различия в нижнелужицком диалектном языке образованы, например, результатами изменения первоначальных групп *tr, pr, kr* в *tš, pš, kš*. Ср. *tšawa, krupy, prawy* (Мост); *tšawa, kšupy, pšawy* (Мышин); *traća, krupy, prawy* (Слепо). Первоначально результаты изменения групп *tr, pr, kr* образовывали диалектное различие на уровне фонемной системы, поскольку исключали сочетания *tr, pr, kr* (т. е. результаты изменения уклады-вались в отношении «есть — нет»). Однако в дальнейшем с появлением новых групп *tr, pr, kr* (*traida, butra, strowy, proime, prose, krowa, kutra* и т. п.) то же различие было сведено до уровня фонемного состава отдельных слов.

В устойчивом круге слов проявляется и различие, связанное с разной заменой *j после губных перед согласными; ср. *rojny, rojkaš* (Барбук) и *pelny, pelkaš* (Рогов).

К числу звуковых диалектных различий, осуществляющихся в устойчивой группе слов, можно отнести и различие, вызванное изменением начального *x* в *k*. Это изменение известно всем нижнелужицким говорам, исключая мужаковский и слепянский. При этом по говорам в некоторых словах, в масштабах нижнелужицкого диалектного языка входящих в группу, где $x > k$, данное изменение может и отсутствовать, но за пределы этой устойчивой группы слов оно не распространяется. Это слова *kyžyśco, kšen, kleb, kšebjat, komet* (Рогозна); в мужаковском и слепянском говорах в этих же словах представлен гласный *x*²³.

Диалектные звуковые различия, проявляющиеся в устойчивой группе слов, как правило, образуют изоглоссы и могут характеризовать диалектные типы.

Иной вид звукового диалектного различия, проявляющегося на уровне отдельных слов, образуют различия, вызванные нерегулярными звуковыми изменениями, т. е. изменениями, осуществляющимися не во всех тех случаях, когда для этого имеются необходимые условия. Слова,

²⁰ Z. Stieber. Ibid., карта IV.

²¹ P. Wirth. Ibid., Lieferung 1, Kartenband, карта 7.

²² H. Faßke. Ibid., карта 42.

²³ См. H. Faßke. Ibid., S. 113.

в которых проявляется такое диалектное различие, в масштабах нижнелужицкого диалектного языка устойчивой группы не образуют. Результаты нерегулярных изменений могут быть представлены во всех говорах, но при этом состав слов, в которых проявляются эти изменения, в частных диалектных системах неодинаков. Поэтому отношение «есть — нет» может быть выявлено лишь на уровне сопоставления отдельных слов (а не групп слов).

Примером такого рода диалектных различий может служить различие, связанное с ассимилятивными и диссимилятивными изменениями в сочетаниях *dn*, *dń*. Ср. *padnuš*||*parnuš*, *spórny*||*spórdny*, *krynuš*, *studńa*, *parńo* (3 ед. ч. — Рогов) и *panuć*, *spórdny*, *krynuć*, *sturńa*, *padńony* (Бяздов)²⁴.

В связи с рассматриваемым типом диалектного различия можно также назвать результаты изменения $e > o$ после мягких согласных. В нижнелужицком диалектном языке в рамках приблизительно определяемых позиционных условий²⁵ изменение $e > o$ в каждой частной диалектной системе проявляется в составе слов (морфем), который в целом не может быть отождествлен с составом слов, охваченных тем же изменением в других частных диалектных системах. Сравним, например, приводимые Фаске результаты изменения $e > o$ в говорах отдельных деревень, входящих в диалект Ветшау; даже в одинаковых позициях в одних словах представлен гласный *o*, в других — *e*: *cora* и *řacer*, *řopny* и *řery*, *řćireu* и *řlouy*, *řólo* и *zele*, *mřo* и *řeře*, *křyšo* и *řyše*²⁶.

Такие звуковые различия сами по себе не могут быть использованы для характеристики диалектных типов. Можно лишь констатировать диалектное различие в частоте результатов того или иного изменения.

В то же время результаты некоторых нерегулярных звуковых изменений в отдельных словах могут образовать изоглоссу, благодаря чему соответствующие диалектные различия могут быть использованы для характеристики диалектных типов. При этом звуковое изменение может осуществляться и в других словах, но там его результаты не образуют изоглоссу. Так, например, в нижнелужицком диалектном языке распространено изменение $s > š$. Мука видит его причину в немецком влиянии, хотя в некоторых случаях очевидна и ассимиляция соседним шипящим (аффрикатам)²⁷. Результаты этого изменения образуют изоглоссу в словах *styři* (основные нижнелужицкие диалекты): *štyři* (пограничные диалекты); *šoča* (основные нижнелужицкие диалекты): *soča* (пограничные диалекты); *škórka* / *skyrka* (пограничные диалекты и диалекты к западу от Коттбуса²⁸): *šškórka* / *šškyrka* (остальные диалекты). В то же время можно привести гораздо большее количество примеров, в которых выбор согласного *s* или *š*

²⁴ Х. Фаске пишет, что в диалекте Ветшау группа *dn* в середине слова, как правило, упрощается в *n*. Однако далее наряду с 12 примерами, содержащими *n* вместо *dn*, приведено 5 примеров на сохранение *dn* («Die Vetschauer Mundart», S. 109). Кроме того, неясно, каково реальное соотношение случаев с *dn* и *n < dn* в частных диалектных системах, включенных Фаске в диалект Ветшау, так как в своей монографии Фаске при описании фонетики использует материалы говоров четырех населенных пунктов (там же, стр. 5).

²⁵ Ср., например, определение, даваемое Шевцом: *e* изменяется в *o* перед твердыми согласными, преимущественно переднеязычными, и на конце слова после мягких. Изменение проводится неуследовательно, особенно перед губными и заднеязычными. Н. S e w c. Stawizny hornjeje a delnjeje serbsčiny, s. 1467.

²⁶ Н. F a ß k e. Ibid., S. 90—91. См. также данные из д. Жилов в работе: Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, s. 13, 14. Анализ специфики нижнелужицкого перехода $e > o$ см.: Л. Э. К а л ы н ь. Из истории нижнелужицкого вокализма. В сб.: «Исследования по серболужицким языкам» (в печати).

²⁷ См.: К. Е. М у с к е. Ibid., S. 184, 186.

²⁸ См. карту распространения *škóra*/*šškóra*, *škyra* на севере Нижней Лужицы (Н. F a ß k e. Ibid., карта 55).

является особенностью частной диалектной системы и не может быть связан с диалектным типом. Ср. *iaškolicica* (Грожище, Лишков, Мышин): *iaškolicica* (Рогов, Заброд), *iaškōřicka* (Блунь); *skobřojk* (Рогозна): *škobřojk* (Мост); *spřosk* (Ус, Бабов): *špřosk* (Грожище), *špřjrsk* (Мост); *sñica* (Мышин): *šñica* (Рогов, Барбук), *sñica*||*šñica* (Заброд); *spliska* (Барбук): *spliska* (Терпе): *špliska* (Мост) и т. п.

Вставка согласного *r* образует изоглоссу в слове *murški* (основные нижнелужицкие диалекты): *muski* (пограничные диалекты), но в словах *karšćik* (Мост, Лишков), *šeserñica* (Грожище), *zvěrti* (Лишков, Ус), *suržjok* (Мышин) вставка согласного *r* является особенностью частных диалектных систем. Вставка согласного *w*(*u*) в словах *šestuo*, *tintya* образует изоглоссу²⁹, наличие же *w* в слове *mjätwel* — это особенность говора д. Рогов.

Слова *cazař*, *cus* с начальным согласным *s* вместо *š* известны всем нижнелужицким говорам³⁰. Но *s* вместо *š* в слове *cedřeškate* (*mloko*) является особенностью говора д. Грожище (ср. *sydřiškate* — Рогов, Нова Яс, Мышин), в слове *sižojk* — говора д. Нова Яс (ср. *sužojk* — Рогозна, *šužojk* — Ус), в слове *crěbaš* — говора д. Лишков (ср. *srěbas* — Блунь).

В нижнелужицком диалектном языке встречаются результаты изменения $l > ř$. Однако нельзя выделить круг слов, с которым в масштабах нижнелужицкого диалектного языка это изменение было бы постоянно связано (иными словами, нельзя установить группу слов, которая бы в частных диалектных системах могла выступать только с *ř* вместо *l*). Ср. *lemjas*, *špliska*, *iaškolicica* (Рогов) и *lemjas*, *špřiška*, *iaškolicica* (Бабов), *r'emjas*, *špřiška* / *spliska*, *iaškolicica* (Мышин), *r'emjaz*, *iaškořicka* / *iaškolicica* (Заброд)³¹.

Перечисленные диалектные различия в фонемном составе отдельных слов независимо от того, образуют они изоглоссу или нет, порождены звуковыми изменениями, которые являются осуществлением тенденций, проявляющихся или в компактных группах говоров или в диалектном языке в целом, но с разной степенью интенсивности в частных диалектных системах.

Однако в нижнелужицком диалектном языке большое количество диалектных различий в фонемном составе отдельных слов вызвано такими звуковыми изменениями, логика которых может быть прослежена только в пределах конкретного слова. Так, диссимиляцией по способу и месту образования вызвано диалектное различие *gwoŕeze* (Бяздов): *gwoŕeze* (Блунь), *pyžykne* (Грожище): *pyžytny* (Мышин), сближением по месту образования — *romkerař* (Рогов, Мышин): *rojčerař* (Бабов), *překñica* (Парцов): *přatñica* (Терпе); метатезой — *slobro* (Мышин): *sroblo* (Рогов), *kaudyny* (Барбук): *kadauny* (Парцов).

В ряде случаев звуковое изменение в слове может быть объяснено лишь забыванием исходной словоформы. Таковы *řešens* (Рогов): *řešez* / *řešaz* (в других говорах); *nečeritka* (Рогозна), *heřebicka* (Блунь): в других говорах *nečericka*; *sparñ* (Грожище): *sparñ* (Лишков), *sparn* (Ус); *zgaga paři* (Ус): *žgaga* (Мышин): *gaga* (Грожище): *žaga* (Терпе); *šužojk* (Ус): *šužojk* (Бабов); *celač* (Бяздов): *celaš* (Терпе); *zapatk* (Ус): *zapatrk* (Бяздов): *zapask* (Нова Яс): *zapatrk* / *zapatrk* (Мышин); *kurwota* (Мост): *kurota* (Мышин): *kurwotya* (Нова Яс): *kurotya* (Рогозна); *glozyjk* (Лишков), *glozyjk* (Терпе): *glozyki* / *blozyki* (Заброд) и др.

Вследствие сочетания нескольких звуковых изменений в пределах одного слова возникают такие, не образующие изоглоссы, ряды диалект-

²⁹ См. карту распространения *šestuo* / *šesto* на севере Нижней Лужицы (II. F a 3 k e. Ibid., карта 70).

³⁰ Об изменении *s > c* см.: К. Е. М у с к е. Ibid., S. 179.

³¹ Другие примеры на $l > ř$ см.: К. Е. М у с к е. Ibid., S. 188.

ных различий, как *sužouk* (Рогозна) : *suržouk* (Мышин) : *šužouk* (Ус), *cužouk* (Нова Яс) : *šužouk* (Бабов); *sřěslo* (Барбук) : *sřosuo* (Ус) : *čřosuo* (Липков) : *třosuo* (Грожище); *giardo* (Барбук) : *giardu* (Ус) : *giaru* (Нова Яс) : *gadlo* (Рогов) : *giarbo* (Бяздов); *šeršeň* (Мышин) : *šeršin* (Рогов) : *šeršel* (Бабов) : *šoršeňc* (Рогозна) : *čeršeň* (Терпе); *spřosk* (Ус) : *šprošk* (Мышин) : *spřostk* (Рогозна) : *špřošk* (Грожище) : *špýřsk* (Мост); *spliska* (Барбук) : *spliška* (Терпе) : *špliška* (Рогов) : *špřiška* (Бабов) : *spliška* // *špřiška* (Мышин); *iaškolicka* // *iaškolicca* (Барбук) : *iaškolicca* (Мост) : *iaškořicka* // *iaškolicca* (Заброд) : *iaškořicka* // *iaškolicca* (Терпе). Члены двух последних диалектных различий демонстрируют разные ступени ассимиляции по шипящему/вibrантному образованию: крайние точки *spliska* — *špřiška*, *iaškolicca* — *iaškořicka*; в последнем слове к звуковым различиям добавлены еще и словообразовательные; элемент словообразовательного различия внесен и в случае *šeršeň*: *šoršeňc*.

Из сказанного можно сделать вывод, что спецификой нижнелужицкого диалектного языка является обилие (особенно разительное, если учесть небольшую территорию распространения языка) звуковых д и а л е к т н ы х различий, осуществляющихся на уровне фонемного состава отдельных слов. При этом большая часть этих различий вызвана нерегулярными звуковыми изменениями, т. е. изменениями, осуществляющимися не во всех тех случаях, когда для этого имеются необходимые условия. Реже нерегулярное звуковое изменение осуществляет тенденцию, характерную для компактной группы говоров, чаще — проявляется лишь в пределах частной диалектной системы.

Обилие диалектных различий в фонемном составе отдельных слов, вызванных нерегулярными звуковыми изменениями, является следствием характерного для нижнелужицкого языка изолированного функционирования частных диалектных систем. Территориальные, а часто генерационные ограничения, определяющие рамки функционирования частных диалектных систем, приводят к тому, что частные диалектные системы используются в очень небольших, изолированных друг от друга коллективах. В этих условиях нормирующая роль коллективного языкового сознания и опыта ослабляется и, напротив, приобретает некоторую свободу индивидуальный произносительный произвол. Разумеется, свобода эта ограничена условиями понятности. Тем не менее и в рамках этих условий облегчаются различные ассимилятивные, диссимилятивные, аналогические звуковые проявления. С одной стороны, они могут осуществляться в рамках закономерностей, вообще характерных для лужицкой артикуляции — вставка *r*, *w* (*u*), *s* > *c*, *s* > *š*, *l* > *ř*; в этом случае выбор лексем определяет собою диалектное различие; с другой стороны, аргументацию изменения можно найти лишь в пределах данного слова. Предпосылкой для звуковых изменений второго рода является забвение исходной словоформы — следствие как немецко-лужицкого двуязычия, так и сужения коллектива, использующего частную диалектную систему.

Предпосылки для возникновения в нижнелужицком диалектном языке большого количества диалектных различий в фонемном составе отдельных слов создаются также слабым развитием и использованием нижнелужицкого литературного языка. Литературный язык, имеющий письменную фиксацию, по отношению к диалектам, существующим только в устной форме, обычно играет роль фактора, нивелирующего диалектные различия. Но в то же время литературный язык по отношению к диалектам может выполнять известную роль внешнормирующего фактора в части явлений, общих литературному языку и диалектам. Отсутствие этого внешнормирующего фактора в речевой практике носителей нижнелужицких говоров также создает условия для индивидуального, в частности произносительного произвола.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИЯ

И. И. ПОП

РЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ РЕЙНСКОЙ ЗОНЫ И ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ремилитаризацией Рейнской зоны в марте 1936 г. были созданы предпосылки для более активной, наступательной политики гитлеровской Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это событие вызывало беспокойство в странах Центральной Европы, понимавших всю значимость этого факта для малых стран, находящихся на пути германской экспансии.

Нашей задачей является исследование вопроса о влиянии этого факта на отношения между Чехословакией и Венгрией. Вопрос этот частично затронут в работах общего характера¹, но имеющиеся в нашем распоряжении документы министерства иностранных дел ЧССР, а также опубликованные материалы венгерской внешней политики дают возможность глубже исследовать эту проблему².

В лагере защитников Версальской мирной системы в Центральной Европе, в Малой Антанте, объединявшей Чехословакию, Румынию и Югославию, это событие вызвало смятение. Чехословацкий посол в Будапеште Кобр писал 26 марта 1936 г.: «Решение Гитлера от 7 марта потрясло послевоенную структуру Европы. Важнейшие точки опоры Лиги Наций — Локарно, системы французских союзов в Центральной и Восточной Европе ослаблены, если не скажу, разрушены»³. В правительственных кругах Чехословакии известие о ремилитаризации Рейнской зоны встретили со страхом. По донесению австрийского посла в Праге Марека, там полагали, что Германия рано или поздно построит на Рейне укрепления, подобно линии Мажино, которые воспрепятствуют приходу французских вооруженных сил на помощь Чехословакии и, таким образом, судьба ее и Австрии, будет решена⁴. Однако чехословацкое правительство заняло позицию пассивного наблюдателя в этом вопросе; оно во всем полагалось на западные государства. В циркулярной депеше, разосланной министром иностранных дел Чехо-

¹ З. Белоусова. Французская дипломатия и германский империализм (Рейнский кризис 1936). — «Международная жизнь», 1961, № 10; В. К. Волков. Германо-югославские отношения в 1933—1938 годах и развал Малой Антанты. В сб.: «Славяно-германские исследования», М., 1963; Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936 г. М., 1956; R. K v a č e k. Německa likvidace demilitarizovaného Porúnskeho pásma 7 března 1936. — «Československý časopis historický», 1963, № 3; E. R o b e r t s o n. Zur Wiederbesetzung des Rheinlandes 1936. — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1962, № 2; M. B r a u b a c h. Der Einmarsch deutscher Truppen in die Entmilitarisierte Zone am Rhein im März 1936. Westdeutscher Verlag, 1956; L. K e r e k e s. Anschluss. Budapest, 1963; M. Á d á m. Magyarország és a kisanant a másodig világháború előtti években (1936—1937). Századok, 1962, № 3—4.

² «Diplomaciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936—1945» (далее — DIMK). I kötet. A Berlin — Roma tengély kialakulása és Ausztria annexioja 1936—1938. Budapest, 1962. II. kötet. A müncheni egyezmény létrejötte és a Magyarország külpolitikája 1936—1938. Budapest, 1965.

³ «Archiv ministerstva zahraničních věcí CSSR». Budapešť, 1936, č. 43315 (далее — AMZV).

⁴ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. Ж, д. 446, л. 303 (далее — ОРФ ИИАН).

словакии Крофтой 9 марта 1936 г., говорилось: «Чехословакия будет сдержанной. Подождем решения гарантов Рейнского пакта, главным образом Франции, и будем стремиться к совместным действиям с нею и Англией. Инициативных шагов против Германии предпринимать не будем, наши действия будут спокойными и деловыми»⁵. Робкие заявления чехословацкого правительства после 7-го марта о его готовности поддержать Францию в случае выступления ее против Германии остались без ответа⁶. В дальнейшем Прага занимала выжидательную позицию, не пытаясь ни в малейшей мере повлиять на ход событий во время Рейнского кризиса⁷. Не принесли успеха и попытки активизировать действия Малой Антанты в этом кризисе. В результате Чехословакия оказалась в известной мере в изоляции. В хортистской же Венгрии, генеральной линией внешней политики которой была ревизия Трианонского и Сен-Жерменского мирных договоров, т. е. ликвидация Версальской мирной системы в Центральной Европе⁸, известие о вступлении гитлеровского вермахта в Рейнскую зону встретили с воодушевлением. Там одобряли позицию Гитлера, констатируя при этом конец французской гегемонии в Европе и предвещая момент, когда Франция вынуждена будет отказаться от своей империалистической политики в Центральной Европе и удовлетвориться положением, которое она занимала до войны⁹. Волна шовинизма захлестнула страну. Хортисты считали, что настало время действовать. Союз венгерских студентов разослал в разные страны воззвание о том, что нужно созвать новую мирную конференцию, которая бы покончила с решениями Сен-Жермена и Трианона¹⁰. Венгерская пресса развернула широкую кампанию в поддержку Германии. Правительство Чехословакии опасалось, что венгерские экстремисты во главе с премьером Гёмбёшем, «во всем копирующим Гитлера»¹¹, окрыленные успехом фюрера, попытаются использовать Рейнский кризис и, объявив о денонсации военных статей Трианонского мирного договора, поставить государства Малой Антанты и Лигу Наций перед совершившимся фактом.

Но все это было только прелюдией к чрезвычайному обострению чехословацко-венгерских отношений в связи с введением всеобщей воинской повинности в Австрии. В Чехословакии считали, что это будет способствовать в определенной мере укреплению суверенитета Австрии. В то же время позиция Венгрии вызывала беспокойство. Чехословацкий журналист Г. Рипка, близкий к правительственным кругам, писал: «Более трудным будет вопрос с Венгрией, если она последует примеру Австрии»¹². Пресса Малой Антанты подняла шумную кампанию, направленную против Венгрии. С чехословацкой стороны были предприняты соответствующие шаги, чтобы предупредить возможное решение Венгрии о разрыве военных статей Трианона. Братиславский военный округ находился в состоянии боевой готовности. Происходила также дальнейшая концентрация войск на венгерской границе¹³. Бенеш заявил в начале апреля немецкому послу в Праге, зная, что его слова найдут нужного адресата: «Надеюсь, что Венгрия не последует примеру Австрии, так как это вызовет еще более серьезное осуждение и боюсь, что в этом случае не избежать серьезного конфликта»¹⁴. Крофта предупредил венгерского посла в Праге Ветштейна, а также дал указания Кобрувойти с соответствующими

⁵ P. K v a č e k. Německa likvidace demilitarizovaného Porínského pásma 7 března 1936.— «Československý časopis historický», 1963, № 3, s. 3 23.

⁶ Ibid., s. 332.

⁷ Марек сообщал в марте 1936 г.: «Чехословацкое внешнеполитическое руководство всячески старается избежать активного вмешательства в конфликт между Германией и Францией, чтобы не расстроить Германию» (ОРФ ИИАН, ф. Ж, д. 446, л. 305).

⁸ J. G a l a n t a i. Trianon és revíziós propaganda.— «A magyar nacionalizmus kialakulása és történet». Budapest, 1965.

⁹ AMZV. Budapešť, 1936, č. 43315.

¹⁰ Ibid., č. 39908.

¹¹ Ibid., č. 37905.

¹² «Lidové noviny», 2 IV 1936.

¹³ M. Á d á m. Magyarország és a kisantant... 516 old.

¹⁴ DIMK. II köt., d. 12, 112 old.

щим заявлением в венгерское министерство иностранных дел. Министр иностранных дел Венгрии Канья заверил чехословацкого посла, что Венгрия не намерена следовать примеру Австрии, но это вовсе не означает, подчеркнул он, что ее правительство отказывается от стремления к равноправию в вооружениях со странами Малой Антанты. Без разрешения этого вопроса, указал Канья, Венгрия не сядет за стол переговоров с государственными деятелями Малой Антанты. Без этого отношения между Венгрией и Малой Антантой можно себе представить только как холодно корректные. Затем Канья обрушился на посла с обвинением в дискриминации Венгрии Чехословакией. «Эта дискриминация настолько оскорбительна, что является новым свидетельством необузданной ненависти Праги и Бухареста к Венгрии; вспышка ее показала перед всем миром, что многочисленные высказывания о политическом соглашении дунайских государств были пустым лицемерием, единственная цель которых — изоляция Венгрии», — заявил он¹⁵. Как контрмера Венгрии в ответ на позицию Чехословакии, указал венгерский министр, будет соротивление всякой ее попытке расширения римского блока вступлением какого-либо члена Малой Антанты или «какой-либо реорганизации Дунайского бассейна, которая опиралась бы на последние предложения Чехословакии (план Годжи — *И. П.*)». «Сейчас вижу, — сказал в заключение Канья, — насколько я был прав, когда говорил венгерским деятелям, выступавшим за соглашение между Прагой, Веной и Бухарестом, что соглашение с Чехословакией невозможно, так как ее политика диктуется ненавистью к Венгрии»¹⁶. Кобр заявил в ответе, что страны Малой Антанты со временем признают равноправие Венгрии в вооружении, если она склонна будет заключить коллективный договор. Канья решительно отверг это предложение, ссылаясь на то, что политическое соглашение считает преждевременным и бесперспективным¹⁷.

Примечательно, что в этой филиппике против Малой Антанты Канья не затронул Югославию, обрушившись главным образом на Чехословакию и министра иностранных дел Румынии Титулеску. Это свидетельствовало о том, что Венгрия, по-видимому, следовала указаниям Гитлера¹⁸, стремясь углубить таким образом раскол Малой Антанты и изолировать Чехословакию.

Против открытого нарушения Венгрией мирного договора выступала в это время и Германия, что больше всего и сдерживало хортистов. Через своего посла в Праге Эйзенлора германское правительство предупредило Венгрию, что такой шаг мог бы только осложнить положение не только Венгрии, но и самой Германии, не желавшей в данной ситуации обострения положения в Центральной Европе¹⁹. В своем докладе министру иностранных дел начальник генерального штаба Венгрии генерал Шомкути также заявлял о невозможности осуществления равноправия Венгрии в вооружении. Он указывал при этом, что такой шаг Венгрии вызвал бы превентивные военные мероприятия стран Малой Антанты на основании решения конференции этих стран в марте 1935 г.²⁰ В результате Хорти пишет в письме Гитлеру: «Венгрии вряд ли будет целесообразно поступать так же (как Австрия. — *И. П.*), так как в результате она вновь обратит на себя внимание в Женеве, как это было в последние годы. Впрочем, Венгрия и так не придерживается уже несколько лет Трианонского договора»²¹.

Возникновения конфликта на Дунае опасались также правительства Англии и Франции, так как это касалось прежде всего союзников Франции и могло привести к

¹⁵ DIMK. I köt., d. 79, 175—176 old.

¹⁶ AMZV. Budapest, 1936, č. 46786.

¹⁷ M. Á d á m. Magyarország és a kisantant... 518 old.

¹⁸ «Iratok a Gombós — Hitler talalkozó (1933 június 17—18) történetéhez. Budapest, 1962. A. H i l l g r u b e r. Deutschland und Ungarn 1933—1944. Ein überblick über die politische und militärische Beziehungen im Rahmen der europäischen Politik. — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1959, № 10.

¹⁹ DIMK. II köt., d. 12, 112 old.

²⁰ Ibid, d. 15, 115 old.

²¹ M. Á d á m. Magyarország és a kisantant... 518 old.

нежелательному усложнению ситуации²². Линию уступок агрессору и примирения с нарушением Версальского мирного договора Франция продолжала проводить и в вопросе чехословацко-венгерских взаимоотношений во время Рейнского кризиса. Некоторые французские дипломаты, аккредитованные в Праге, позволяли себе в этот критический момент совершенно недопустимые высказывания относительно своего союзника Чехословакии, о возможности территориальных уступок ее в пользу Венгрии²³.

Только Советский Союз занял принципиальную позицию в отношении ремилитаризации Рейнской зоны и агрессивных устремлений хортистской Венгрии. Посол СССР в Лондоне И. М. Майский указывал венгерскому дипломату Мазиревичу, что если не преградить путь германской агрессии, то за Рейном последует аншлюсс Австрии, а затем захват Чехословакии, Югославии, Румынии и Болгарии. Венгерский дипломат, верный принципам внешней политики хортистского режима, ответил, что «очень трудно представить, чтобы мы восторгались той мирной системой, от которой больше всего пострадали»²⁴.

Еще больше усложнило чехословацко-венгерские отношения и вызвало сильную обеспокоенность в Будапеште намерение Германии заключить с Чехословакией договор о ненападении. В середине марта в интервью английскому журналисту Уорду Прайсу Гитлер заявил, что он готов заключить договоры о ненападении с Чехословакией и Австрией²⁵. Возможность заключения такого соглашения германская дипломатия стремилась обусловить отказом Чехословакии от военных статей чехословацко-советского договора²⁶. Чехословацкая дипломатия также предприняла шаги, чтобы не упустить момент новой реорганизации и заключения нового Локарно²⁷. О возможности заключения чехословацко-германского договора правящие круги Чехословакии зондировали почву еще раньше²⁸. Возня вокруг чехословацко-германского договора вызвала сильное замешательство и растерянность в венгерских кругах, усматривавших в заключении такого договора срыв всех своих античехословацких планов.

«Если Германия решила подписать с Чехословакией договор о ненападении, — писал Канья венгерскому послу в Праге, — не учитывая венгерские интересы, то это обстоятельство не останется без последствий для германо-венгерских отношений»²⁹. Заключение такого договора Венгрия расценила бы как нападение из-за угла в трудное для нее время, заявил Канья послу Германии в Будапеште Макензену³⁰. Одновременно венгерскому посланнику в Берлине Стояну было предложено заявить протест против планов германского МИД заключить договор с Чехословакией. В инструкции своему посланнику в Берлине от 15 апреля 1936 г. Канья выдвинул серию аргументов, с помощью которых посол должен был попытаться оказать давление на Вильгельмштрассе: «Договор о ненападении между Германией и Чехословакией, — писал Канья, — несомненно произведет плохое впечатление в Венгрии и поколеблет дружбу с Германией. Не исклю-

²² З. Белоусова. Французская дипломатия и германский империализм (Рейнский кризис 1936). — «Международная жизнь», 1961, № 10. Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936. М., 1956.

²³ DIMK. I. köt., d. 81, 178—179 old.

²⁴ Ibid., d. 83, 181—182 old.

²⁵ В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1928—1938. М., 1962, стр. 348.

²⁶ DIMK. II köt., d. 6, 102 old.

²⁷ R. K v a ě k. Československo — německá jednání v roce 1936. — «Historije a vojenství», 1965, № 5.

²⁸ М. Пулакки. Tajne rokovania czechosłowacko-niemecke o pakt nieagresji w latach 1936—1937. — «Przegląd zachodni», 1964, № 2. А. Снеждарек. Tajne rozhovori Beneše s Německem v letech 1936—1937. — «Československý časopis historický», 1961, № 1.

²⁹ DIMK. II köt., d. 13, 113 old.

³⁰ Ibid., I köt., d., 191—192 old.

чено, что такие действия будут способствовать активизации прозападных кругов (в Венгрии.— *И. П.*), которые будут выступать за сближение с Малой Антантой... Последние римские переговоры венгерское правительство использовало, чтобы направить итало-австро-венгерский блок к сближению с Германией... Если же теперь в ответ на такое упорное проявление дружественной политики по отношению к Германии ответом будет заключение чехословацко-германского договора о ненападении, то это окажет на нас очень неприятное воздействие, так как подобное действие укрепит Чехословакию, запуганную в настоящее время германо-польско-венгерской дружбой, пытающуюся любой ценой найти пути к сближению с римским блоком. Укрепление международных позиций Праги снова поднимет вопрос о Дунайской конфедерации, в которой она надеется обеспечить себе привилегированные позиции. Римский блок считает подобные действия нежелательными и возможно вынужден будет приспособиться к существенно изменившимся отношениям». Канья настаивал своего посланника, что если не удастся помешать Германии заключить договор с Чехословакией, то следует добиваться, чтобы она подписала его хотя бы на краткий срок. В заключение посланнику было предписано обратиться в германский МИД с предложением заключить германо-венгерский договор о дружбе ³¹.

Германия поспешила успокоить хортистов. Статс-секретарь МИД фон Бюлов заверил венгерского посланника в Берлине, что весь шум из-за нового Локарно и чехословацко-германского договора о ненападении всего лишь тактический ход со стороны Германии. «В возможных переговорах о новом Локарно на Западе,— заявил он,— всплывет вся масса правовых вопросов, переговоры о которых будут тянуться без конца... Если даже после длительных проволочек западный договор и будет подписан, то восточный увянет в песке» ³². Геринг также заявил министру иностранных дел Польши Беку, что «Германия предложила Чехословакии заключить пакт о ненападении, но дело это практически неактуально» ³³. Советник посольства Германии в Праге барон Бибра предупредил венгерского посла, что «фюрер всерьез не воспринимает это предложение, так как не считает данное государственное образование (Чехословакию.— *И. П.*) жизнеспособным; он убежден, что в скором будущем последует ее раздел» ³⁴. Ветштейн с ликованием писал в Будапешт об этих беседах, отмечая, что в дипломатических кругах в Праге распространяются слухи, что Чехословакия не может дальше существовать в прежних границах. Но он предостерегал от переоценки этого факта, в особенности от возбуждения чрезмерных надежд в венгерских ирредентистских кругах в Чехословакии ³⁵. Венгерский посол боялся, что, уповав на эти слухи, ирредентисты ослабят свою подрывную деятельность против республики.

Вопрос о договоре Германии с Чехословакией еще долго продолжал беспокоить хортистов. Осенью 1936 г., когда уже всем было ясно, что планы нового Локарно неосуществимы, во время визита Нейрата в Будапешт Канья и заместитель премьер-министра Дараны вновь возвращаются к этой теме. Нейрат еще раз заверил их, что такой договор Германии с Чехословакией невозможен ³⁶.

Кризис, вызванный ремилитаризацией Рейнской зоны, был не только ярким свидетельством нежелания Англии и Франции противостоять агрессии гитлеровской Германии; он стал также новым этапом во взаимоотношениях государств Центральной Европы. В политике чехословацкого правительства заметно проявляется готовность безоговорочно следовать курсом, по которому шли западные державы. В то же время хортистская Венгрия все больше становится в фарватер внешней политики третьего рейха, координирует свои агрессивные устремления против Чехословакии.

³¹ DIMK. I köt., d. 87, 187—189 old.

³² Ibid., II köt., d. 18, 122—123 old.

³³ M. W o j c e c h o w s k i. Stosunki polsko-niemieckie 1933—1938. Poznań, 1965, s. 303—304.

³⁴ DIMK. II köt., d. 20, 127—128 old.

³⁵ Ibid., d. 8, 105—107 old.

³⁶ Ibid., I köt., d. 156, 274—276 old.

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ КОМИТЕТ В ВАРШАВЕ И ЦК «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Опубликованный Ю. И. Штакельбергом оттиск печати Русского военного комитета в Варшаве — ценная находка. Разделяя в целом выводы, изложенные автором в пятом номере журнала, мы хотели бы тем не менее высказать еще некоторые соображения.

Прокламация «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» — революционный документ выдающегося значения. Как недавно было отмечено Я. И. Линковым¹, по своему содержанию, а кое-где и по стилю он очень близок к записке Н. П. Огарева «Цель русского движения»². Вполне вероятным представляется предположение Я. И. Линкова, что это воззвание было составлено Огаревым в соавторстве с Потебней³. Однако вслед за этим Я. И. Линков формулирует вывод, который нельзя принять без существенных коррективов: «Воззвание „Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше“ — первый программный документ, формально выпущенный от лица общества „Земля и Воля“. На нем стоит печать „Земли и Воли“, а „Комитет русских офицеров“ был частью тайного общества»⁴. Утверждение, будто руководимая Комитетом русских офицеров в Польше армейская революционная организация была еще до составления этого воззвания и в момент его публикации частью «Земли и Воли», ее военной организацией, мы встречаем и на других страницах книги Я. И. Линкова⁵. С этим нельзя согласиться, поскольку речь идет не об идейно-политической близости организаций, а о формальных взаимоотношениях между ними.

Из контекста книги Я. И. Линкова может создаться впечатление, будто печать «Земли и Воли» стояла на том экземпляре прокламации (из собрания С. С. Татищева), на который он ссылается⁶. Но татищевский экземпляр не имеет печати. Казалось бы теперь — после находки Ю. И. Штакельберга — это обстоятельство не имеет значения. Но это не совсем так. На чем же основывался Я. И. Линков, говоря о печати «Земли и воли»? Сообщение о том, что на обращении Комитета к офицерам русских войск стоит печать с надписью «Земля и Воля», содержится в предисловии к публикации этого воззвания и адреса военно-революционной организации великому князю Константину Николаевичу в № 7 «Общего веча» от 15 декабря 1862 г.⁷

Теперь обратим внимание на то, что публикация воззвания в «Колоколе» (лист 151 от 1 декабря 1862 г.) не содержит никакого упоминания о печати. Между тем о значении, которое издатели «Колокола» придавали этому документу, можно судить хотя бы по тому, что воззвание было опубликовано в этом номере «Колокола» д в а ж д ы

¹ Я. И. Л и н к о в. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х годов. М., 1964, стр. 319—322.

² «Литературное наследство», т. 61, стр. 501 или Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 63—64.

³ Я. И. Л и н к о в. Там же, стр. 322.

⁴ Там же.

⁵ Я. И. Л и н к о в. Там же, стр. 308, 319.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1741и, д. 8127, л. 48. См. Я. И. Л и н к о в. Там же, стр. 319.

⁷ «Колокол», вып. X. М., 1964; «Общее вече», стр. 41.

(случай небывалый в практике газеты) — на первом листе с примечанием, воспроизводящим (разумеется, фиктивное) сопроводительное письмо из Варшавы от 6 ноября, и в конце номера как приложение на отдельном листе, очевидно, предназначенное для самостоятельного распространения⁸. Это набранное курсивом приложение — не что иное как, повторение (с того же набора) отдельного издания воззвания⁹. Отметим, что ни первое, ни второе издание этой прокламации типография «Колокола» не снабдила типографским оттиском печати «Земли и Воли», как она это делала позднее при выпуске прокламаций «Офицерам всех войск от общества „Земли и Воли“ и «Братья солдаты, ведут вас бить поляков»¹⁰.

Нам представляется, что имеющиеся данные в сопоставлении с новой находкой Ю. И. Штакельберга дают возможность уточнить процесс (а не одновременный акт) присоединения военно-революционной организации к тайному обществу «Земли и Воля» и некоторые немаловажные детали, относящиеся к руководящему центру этого общества.

Прежде всего зафиксируем хронологию известных нам событий. Дата, проставленная на воззвании, — 5 (17) ноября 1862 г. — определяет момент (скорее канун) выезда А. А. Потебни из Лондона. Это было его третье (после приездов в июле и сентябре 1862 г.) посещение издателей «Колокола», вызванное объявлением о рекрутском наборе в Польшу. О воззвании, как уже реальном факте, говорит М. А. Бакунин в своем письме И. Коссиловскому от 5 (17) ноября того же года¹¹. Потебня несомненно захватил с собою часть отпечатанных прокламаций. Но, сопоставляя это с датой первого обнаружения воззвания на территории Королевства Польского — 19 ноября (ст. ст.)¹² — и с датой — 14 (26) ноября — нового обращения Комитета русских офицеров к членам организации¹³, в котором упоминается воззвание от 5 ноября и которое могло быть составлено в Варшаве только при участии Потебни, мы убеждаемся в правильности вывода В. А. Дьякова¹⁴ о том, что отъезд Потебни из Лондона должен датироваться после 5, но не ранее 14 ноября (ст. ст.), причем, очевидно, дата эта значительно ближе к раннему рубежу.

Вскоре после этого Потебня вместе с Падлевским едет в Петербург, по пути дела и остановку в Вильно. Датой, опираясь на которую мы можем уточнить дальнейшую хронологию, служит время составления согласованного меморандума о петербургских переговорах от 23 ноября (5 декабря)¹⁵. О своем возвращении в Варшаву Потебня известил издателей «Колокола» письмом от 5 (17) декабря, процитированным Огаревым в «Надгробном слове»¹⁶.

⁸ «Колокол», вып. V. М., 1962, стр. 1245—1246 и нумерованный лист между стр. 1256 и 1257.

⁹ Ср. фотокопию воззвания в издании «Русско-польские революционные связи» (далее — РПРС). М., 1963. Серия «Восстание 1863 года. Материалы и документы», т. I, стр. 455.

¹⁰ РПРС, т. II, стр. 15, 33.

¹¹ РПРС, т. I, стр. 457.

¹² Там же, стр. 456. Сведения Р. Рогинского, цитируемые Ю. И. Штакельбергом, не имеют точной даты и вполне могут быть отнесены к пребыванию Рогинского в Варшаве в середине ноября. За это говорит упоминание Рогинского о том, что Потебня приехал в это время из Лондона и привез с собою прокламации (ГПБ, ф. 4020, тетр. IX, л. 222).

¹³ РПРС, т. I, стр. 462—464.

¹⁴ Там же, стр. 461; В. А. Дьяков. Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше. — В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963, стр. 26; В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964, стр. 118.

¹⁵ РПРС, т. I, стр. 562—564.

¹⁶ «Колокол», вып. VI, М., 1963, стр. 1333.

Когда же военно-революционная организация была присоединена к «Земле и Воле»? Мы имеем все основания отвергнуть тезис о том, что присоединение состоялось до ноябрьской поездки Потебни в Лондон. Авторитетнейшим указанием является свидетельство Огарева в том же «Надгробном слове». Огарев пишет: «Вскоре потом (после основания Комитета русских офицеров — *И. М.*) он приезжал к нам. По желанию его и его друзей мы напечатали адрес офицеров к великому князю и адрес офицеров к офицерам. „Я еду, — писал он к нам на возвратном пути в Польшу, — а в ушах у меня раздаются: мы на смерть идущие, вам клянемся!“». Совершенно очевидно, — свидетельство тому хотя бы заключительная цитата из воззвания от 5 (17) ноября, — что речь здесь идет именно о ноябрьском приезде Потебни. Следующая фраза Огарева еще раз подтверждает это: «По нам еще раз суждено было увидеться» — в феврале 1863 г. И вот после этого Огарев пишет: «Приехавши в Польшу, он соединил общество русских офицеров с главным обществом „Земли и Воли“ в России»¹⁷.

До сих пор многие¹⁸ полагали (это мнение разделял и автор настоящих строк), что присоединение армейской революционной организации к «Земле и Воле» произошло при ноябрьских переговорах Потебни и Падлевского с представителями ЦК «Земли и Воли» в Петербурге. Находка Ю. И. Штакельберга в сопоставлении с текстом заметки «От издателей» в «Общем веча» заставляет взглянуть на этот вопрос по-новому.

Сейчас для нас очевидно, что, сообщая о скреплении прокламации «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров Польше» печатью с надписью «Земля и Воля», издатели «Колокола» и «Общего веча» основывались на полученном ими уведомлении о распространении экземпляров прокламации, аналогичных той, которую напечатал Ю. И. Штакельберг. Эти сведения были получены ими между 19 ноября (1 декабря), когда вышел в свет 151-й лист «Колокола», и 3 (15) декабря — дата издания № 7 «Общего веча». Присоединение армейской организации к «Земле и Воле» было формальным основанием появления печати с надписью «Русский военный комитет в Варшаве. Земля и Воля». Можно ли связать это событие с петербургскими переговорами? Это представляется сейчас весьма сомнительным, поскольку из контекста письма Потебни от 5 (17) декабря видно, что оно было п е р в ы м письмом Потебни о петербургских встречах. И хотя нам известна по цитате Огарева только часть письма, это в данной связи несущественно, ведь письмо от 5 (17) декабря никак не могло послужить основанием публикации от 3 (15) декабря. Отсюда вытекает, что письмо Потебни (а только он мог быть источником этих сведений), сообщающее об изготовлении печати военного комитета с надписью «Земля и Воля», и скорее всего снабженное и оттиском этой печати, было послано в Лондон до его отъезда из Варшавы в Петербург.

Противоречит ли такой вывод указанию Огарева в «Надгробном слове»? Нет, он как раз наиболее точно с ним согласуется. Ведь Огарев пишет: «Приехавши в Польшу...». Мы проходили мимо этого прямого указания, поймав его как конспиративное умолчание о поездке Потебни в Петербург, но что мешает принять его буквально? Что противоречит предположению о том, что еще до переговоров в Петербурге, основным содержанием которых (в развитие лондонских переговоров в сентябре 1862 г.) был вопрос о взаимоотношениях и совместных действиях русской и польской революционных организаций, состоялась договоренность о вступлении армейской организации в «Землю и Волю» и что местом переговоров по этому вопросу была Варшава? У нас даже есть глухое, но не внушающее никаких сомнений в его достоверности сообщение о пребывании в Варшаве представителя ЦК «Земли и Воли». Поскольку сообщением этим мы обязаны Б. Шварце, арестованному 11 (23) декабря, исключается возможность отожде-

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. Р. Лейкина-Свирская. Андрей Потебня. — В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 104—106; е е ж е. Андрей Потебня. — В сб.: «Герои 1863 года». М., 1964, стр. 156—157; В. А. Дьяков. Герцен, Огарев..., стр. 26—27; е г о ж е. Революционная организация русских офицеров в Польше. — В кн.: В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Там же, стр. 138—139.

ствления этого приезда представителя ЦК «Земли и Воли» с приездом А. А. Слепцова в начале января 1863 г.¹⁹

Предполагать, что представитель ЦК «Земли и Воли» встретился с Комитетом русских офицеров в Польше до поездки Потебни в Лондон, не представляется возможным, так как тогда остается необъяснимым факт применения старого названия Комитета без ссылки на «Землю и Волю» и в воззвании от 5 (17) ноября и в листовке от 14 (26) ноября, а с другой стороны — введения в обращение печати «Русского военного комитета в Варшаве» сразу же вслед за изданием этих обращений, еще до поездки Потебни в Петербург. Единственной логически убедительной причиной этого могло быть изменение характера отношений между армейской организацией и «Землей и Волей» в результате состоявшейся именно в это время (хотя, весьма вероятно, запланированной еще до поездки Потебни в Лондон) варшавской встречи представителя ЦК «Земли и Воли» и с Комитетом русских офицеров и с членами польского ЦНК.

Но печать «Русского военного комитета в Варшаве» подсказывает и еще некоторые соображения. Очень сходными наименованиями пользуется Бакунин в своих письмах Коссиловскому — в уже цитированном письме от 5 (17) ноября («Военный комитет в Царстве Польском») ²⁰ и 11 (23) ноября («Русский военный комитет войск, расположенных в Царстве Польском») ²¹. Вновь напомним, что в это время в Лондоне еще не могла быть, по нашему мнению, известна печать комитета с его новым названием.

В свете всего вышесказанного процесс присоединения армейской революционной организации к «Земле и Воле» рисуется следующим образом. Во время ноябрьской встречи в Лондоне был обсужден вопрос о необходимости формального организационного объединения армейской организации со всероссийским тайным обществом, незадолго до этого принявшим название «Земля и Воля», но еще не выступившим под этим именем ни в одном документе, предназначенном к распространению. Не было и не могло по формальным соображениям стать таким документом и воззвание от 5 (17) ноября, несмотря на то, что в идейном и практическом смысле его содержание вполне отвечало платформе «Земли и Воли». Но во время лондонской встречи, вероятно, речь шла не только о принципиальной стороне намеченного соединения организаций, но и о конкретных организационных проблемах, не исключая и необходимости изменения наименования руководящего центра армейской организации. И хотя воззвание было издано от имени Комитета русских офицеров в Польше, Бакунин уже применяет новое, точнее — будущее его наименование. Все это вполне согласуется с другим важнейшим итоговым документом лондонской встречи — письмом Огарева и Бакунина революционным офицерам, увезенным из Лондона Потебней ²².

По возвращении Потебни в Варшаву Комитет был вынужден немедленно издать прокламацию в связи с контракцией военных властей в ответ на опубликованный в «Колоколе» адрес офицеров великому князю Константину Николаевичу. Так появилась прокламация от 14 (26) ноября «От Комитета русских офицеров в Польше». Но уже в самые ближайшие дни, во всяком случае за несколько дней до 23 ноября (5 декабря), в Варшаве состоялись переговоры Комитета с представителем ЦК «Земли и Воли», закрепившие вступление армейской организации в состав «Земли и Воли». При этих же переговорах либо при обусловленных ими переговорах в Петербурге был определен своеобразный автономный статус офицерской организации в составе «Земли и Воли». Однако еще до отъезда из Варшавы Потебня уже имел отгравированную, вероятно при содействии польских конспираторов, печать с новым названием комитета и немедленно сообщил о ней издателям «Колокола». Не исключено, что все это происходило по заранее согласованному в Лондоне плану и письмо Потебни должно было послужить сигналом к публикации в «Общем вечае» статьи, обрамленной лозунгом «Земля и Воля!».

¹⁹ В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Там же, стр. 138.

²⁰ РПС, т. I, стр. 457.

²¹ Там же, стр. 562.

²² Там же, стр. 459—461.

чему издатели «Колокола» вполне обоснованно придавали большое принципиальное значение.

Заслуживает внимания отмеченный Ю. И. Штакельбергом факт использования на печати Русского военного комитета символики, уже применявшейся на печатях «красных» в Королевстве Польском и Литве. Но стоило бы обратить внимание на то, что именно эта печать Русского военного комитета «Земли и Воли» с изображением соединенных в пожатии рук послужила образцом для типографской печати, которая оттискивалась на печатаемых в Лондоне листовках, в то время как печать Русского Центрального народного комитета «Земли и Воли» этого символического изображения не имела²³.

Наконец, обратим внимание на наименование обоих комитетов. Взаимосвязь обоих названий — Русский Центральный народный комитет и Русский военный комитет в Варшаве — очевидна; она выражает соотношение этих комитетов, их иерархию. Но так же как наименование «Русский военный комитет в Варшаве» появляется лишь во второй половине ноября 1862 г. вместо «Комитета русских офицеров в Польше», так и «Русский Центральный народный комитет» впервые появляется в это же время²⁴ на смену названию «Центральный комитет» (либо просто «Комитет») «Земли и Воли». Естественно, напрашивается вывод, что изменение это взаимосвязанное и что новое название ЦК «Земли и Воли» также могло быть предметом обсуждения в Лондоне во время пребывания там Андрея Потебни.

В преддверии переговоров с польским повстанческим Центральным национальным комитетом ЦК «Земли и Воли» принимал новое название и при этом подобное названию польского комитета. Ведь в письме польского ЦНК в «Колоколе» польское *narodowy* (национальный) было переведено (вероятно, самими представителями ЦНК²⁵) русским словом «народный» и все обращение озаглавлено: «От Центрального народного польского комитета в Варшаве»²⁶.

Как представляется, отмеченные, пусть и непервостепенные по своему значению, но весьма характерные обстоятельства свидетельствуют в пользу сформулированного нами тезиса²⁷ о новых чертах в развитии «Земли и Воли» в конце 1862 г.: возрастании роли лондонского центра, возрастании роли армейской организации, возрастании значения связей с польской революционной организацией.

²³ См., например, РПСР, т. II, стр. 79.

²⁴ Там же, стр. 64, 66 и др.

²⁵ См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XI, стр. 369.

²⁶ «Колокол», вып. V, стр. 1205.

²⁷ И. С. Миллер. Вокруг «Великорусса». — В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1965, стр. 123.

А. И. КУЗЬМИН, С. А. МИРОНОВ

ПИСЬМА Ф. МИКЛОШИЧА К М. П. ПОГОДИНУ

75 лет назад, в 1891 г., умер Франц Миклошич — основоположник сравнительной грамматики славянских языков.

Тесными узами Ф. Миклошич был связан с русскими учеными. Начиная свою деятельность с изучения церковнославянского языка, он пользовался текстами рукописей, хранившихся в русских библиотеках. Он получал русские книги и сам, в свою очередь, заботился о том, чтобы его труды распространялись в России. 30 октября 1883 г., когда Ф. Миклошичу исполнилось 70 лет, Российская академия наук послала ему приветственный адрес. Он был избран ее почетным членом. Своими почетными членами его избрали Петербургский, Московский и Харьковский университеты. Ф. Миклошич имел переписку с И. И. Срезневским¹ и другими русскими учеными.

Здесь мы публикуем его письма к М. П. Погодину, хранящиеся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Письма Ф. Миклошича вводят в круг его научных интересов, знакомят с условиями, в которых приходилось работать ученым-славистам в середине прошлого века.

№ 1

Hochverehrter Herr!

Ich bin so frei, Ihnen in der Anlage zwei Exemplare meiner Vitae Sanktorum zu übersenden: das eine ist für Sie, das andere für den Herrn A. von Certkov bestimmt. Mögen Sie beide darin, wenn nichts anderes, doch wenigstens Liebe zur Sache und das Streben nach Gründlichkeit erblicken!

Bei den Büchern befinden sich auch vier Abbildungen des Denksteins für Kopitar zur Vertheilung an die Freunde des Verstorbenen und drei Briefe Dobrowskýs, die Ihnen als Beweis dienen mögen, daß ich Ihrer gedacht habe. Mit wahrer Hochachtung.

Ihr ergebener Diener
Fr. Miklosich

Wien, am 16. Januar 1847

№ 2

Euer wohlgeboren!

Bei Ihrer letzten Anwesenheit in Wien haben Sie mir gütigst zugesagt, mir ein Verzeichniß der ausgezeichnetsten Leistungen der russischen Literatur der Neuzeit übersenden zu wollen, und ich bin so frei, Sie an Ihre Zusage zu erinnern. Zugleich möchte ich selbst mich einer gegen Sie eingegangenen Verbindlichkeit entledigen: ich habe Ihnen nämlich, wie Ihnen noch erinnerlich sein dürfte, versprochen, Ihnen eine kleine Sammlung der für Slavisten interessantesten Autographen zu schicken, und möchte nun wissen, auf welchem Wege ich Ihnen dieselbe am sichersten zukommen lassen könnte. Zugleich würde ich für Sie und Certkov einige Exemplare meiner Ausgabe des griech. Lebens des heil. Clemens Bischofs der Bulgaren und meiner Recension der Vostokovschen Ausgabe des Ostromir.

¹ См. А. И. Кузьмин. Письма Ф. Миклошича к И. И. Срезневскому. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXV, вып. 1, 1966.

Evang. aus den Wiener-Jahrbüchern mitschicken. Die Vitae S. S. haben Sie doch hoffentlich erhalten.

Vuks Übersetzung des N. T. ist erschienen.

Euer Wohlgeboren
Ergeb. Diener
F. Miklosich

Wien, den 8. Oct. 1847

№ 3

Hochverehrter Herr!

Verzeihen Sie, daß ich im Vertrauen auf Ihre bewährte Güte mich in einer die slavische Literatur und mich betreffenden Angelegenheit an Sie wende. Ich habe eine Arbeit vollendet, die mich seit mehr als zehn Jahren anhaltend beschäftigte; mein «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti» wird in einigen Tagen gedruckt sein, und es ist nun mein Wunsch das Werk so schnell als möglich zu verbreiten; zu diesem Ende habe ich den Weg der Praenumeration gewählt und bin so frei, Ihnen, Hochverehrter Herr, ein Exemplar der Praenumerationsankündigung zu überschicken. Da das Werk den Anforderungen der Wissenschaft unserer Tage der Form und dem Umfange nach (es enthält bei 18000 Wörter) so ziemlich entsprechen dürfte, und rein sprachwissenschaftlichen Inhalts ist, folglich jenseits des Gebietes der Zensur liegt, so bin ich so frei, Sie zu bitten, wenn Sie es anders für angemessen erachten, das Buch irgendwo entweder anzuzeigen oder anzeigen zu lassen. Aus dem mitfolgenden Blatt werden Sie die Einrichtung des Buches ersehen.

Ich bin ferner daran, mit Anfang des nächsten Jahres eine Zeitschrift für slavische Geschichte und Philologie, vor der Hand in zwanglosen Heften herauszugeben. Wäre es denn nicht möglich, bei Ihnen einen oder noch besser mehrere Mitarbeiter zu gewinnen? Alles, was mit den angegebenen Fächern irgend zusammenhängt, selbstständige Aufsätze und Rezensionen, bibliographische Anzeigen, alles ist mir willkommen.

Ich habe in jüngster Zeit eine umfassende aus den ältesten Quellen geschöpfte Abhandlung über die Conjugation im altslovenischen in den Schriften unserer Akademie drucken lassen. Ich glaube daß sie Sie interessieren dürfte und wünsche sehr, sie Ihnen und Herrn Certkov als einen kleinen Beweis meiner Verehrung, zu schicken, aber wie?

Leben Sie recht wohl, Hochverehrter Herr, und glauben Sie, wie sehr Sie hochachtet

Ihr ganz ergebener Diener
Dr. Miklosich

Wien, am 30. Oktober 1849

№ 4

Hochverehrter Herr!

Als ich Ihnen letzthin schrieb, glaubte ich mein hiesiger Commissionaer hatte die Bücher bereits Ihrer Weisung gemäß an Leopold Voß in Berlin abgesendet, es geschah nicht, weil ein gewaltiger Schneefall den Verkehr auf der Nordbahn unterbrach. Die mehrere Tage anhaltende Verzögerung der Absendung bestimmte mich noch einige Tage zuzuwarten und Ihnen zugleich 100 Exemplare meiner eben vollendeten Formenlehre der altslovenischen Sprache mitzuschicken. Das Exemplar des Lexikons verkaufe ich in loco seit dem Ablauf der Praenumerationsfrist zu 5 fl.; das Exemplar der Formenlehre zu 54 Kr. In einigen Wochen erscheint die Lautlehre der altslovenischen Sprache, und mit dieser ist die Reihe der mir bei meinen Vorlesungen nöthigen Bücher vor der Hand geschlossen. Gerne würde ich eine Chrestomathie anschließen, indem ich glaube, daß eine solche das Studium der altslovenischen Sprache und des slavischen Alterthums beleben würde, denn unsere Bibliothek ist zu arm an alten Handschriften, als daß ich hoffen könnte, etwas befriedigendes zu Stande zu bringen.

Sie geben mir in Ihrem lieben Schreiben die Hoffnung, daß ich die unter Ihrer Redaction erscheinende Zeitschrift «Москвитянин» erhalten werde: Sie glauben nicht, wie sehr mich die als ein erneuter Beweis Ihrer Freundschaft freuen, wie sehr es mich in meinen Studien fördern würde. Die Prager sind so glücklich, so manches aus Russland zu besitzen, während wir in Wien eher ein in Kanton erscheinendes Buch erhalten, als ein russisches. Alle meine Bemühungen auch nur zu dem mir absolut nothwendigen aus der russischen Literatur auf dem Wege des Buchhandels zu gelangen, haben kein günstiges Resultat gehabt.

Empfangen Sie, Hochverehrter Herr, die Versicherung der ausgezeichnetsten Hochachtung

Ihres
ganz ergebenen Dieners
Miklosich

Wien, am 2. Februar 1850

№ 5

Verehrter Herr!

Die bewußten Bücher habe ich schon vor längerer Zeit auf dem von Ihnen vorgezeichneten Wege abgehen lassen und glaube sie längst im Besitze derselben. Vor einigen Tagen jedoch erhielt ich einen Brief von L. Voß, aus welchem hervorzugehen scheint, daß er ohne Auftrag der Kaiserlichen Akademie in Petersburg diese Sendung nicht flott machen kann oder will. Ich bitte Sie daher recht angelegentlich, bei der Akademie den entsprechenden Auftrag erwirken zu wollen.

Seit ich meinen letzten Brief an Sie abgeschickt, ist auch meine Lautlehre der altslovenischen Sprache gedruckt worden. Ich will jedoch mehreres zusammenkommen lassen, bevor ich sie Ihnen schicke.

Sie wissen, daß unsere Akademie einen Preis ausgeschrieben hat für eine vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Ich habe mich in einer ziemlich umfangreichen Abhandlung — ungefähr 20 Druckbogen stark — um den Preis beworben, das Resultat wird jedoch erst am letzten Mai bekannt gemacht werden. Ich gedenke, wenn ich diesen Preis erringe, auch die anderen Theile der Grammatik auf dieselbe Weise zu bearbeiten. Grimm war mein freilich unerreichtes Vorbild.

Mit Gefühlen der Hochachtung
Ihr ergebener Diener
Dr. F. Miklosich

Wien, am 29. März 1850

№ 6

Hochgeehrter Herr!

Sie ahnen gewiß nicht, welche Freude Sie mit Ihrem lieben Briefchen mir gemacht haben; es hat mir dieses den Beweis geliefert, daß es in Russland Männer gibt, denen die Bestrebungen ihrer Stammgenossen außerhalb ihres Vaterlandes nicht gleichgültig sind. Als Selbstverleger bin ich Ihnen auch für die Zusicherung dankbar, daß in Moskau hundert Exemplare abgesetzt werden; diese sind gestern Ihrer Weisung gemäß an Leopold Voß in Berlin abgegangen. Ich habe ein Exemplar auf Velinpapier für Sie bestimmt, und ebenso für Sie der Sendung beigelegt: 1) eine im ersten Bande der Denkschriften unserer Akademie der Wissenschaften abgedruckte, bis jetzt vollständigste Abhandlung über die Conjugation im Altslovenischen; 2) einen kleinen Aufsatz aus den Sitzungsberichten der Akademie über einen Punkt der vergleichenden Sprachforschung in mehreren Exemplaren zu vertheilen, bei der Vertheilung jedoch Herrn von Certkov nicht zu übergeben bitte; 3) zwei Exemplare meiner Formenlehre des Altslovenischen für Sie und Herrn von Certkov, endlich 4) das Programm zu einer in zwanglosen Heften von ungefähr 20 Bänden erscheinenden Zeitschrift für slavische Geschichte und Philologie in mehreren Exemplaren zur Vertheilung und zur Bekanntmachung ihres Inhalts, weßwegen ein Exemplar gleich hier beiliegt. Ich hoffe auch einiges für die Geschichte Ihres Vaterlandes aus dem K. K. Staatsarchive mittheilen zu können. Der Druck des ersten Heftes beginnt mit 1. Februar, wird jedoch wahrscheinlich ziemlich langsam vorwärts schreiten, was ich für den Fall bemerke, als es irgend Jemanden bei Ihnen gefällig sein sollte, etwas beizutragen. Nehmen Sie das wenige, das ich Ihnen biete, mit gewohnter Güte an. Was mein Lexikon der altslovenischen Sprache anlangt, so habe ich mir in demselben vor allem Richtigkeit der Formen und in zweiter Linie die Erforschung des jedem slovenischen Worte entsprechenden griechischen Ausdrucks zur Aufgabe gemacht: in beiden Rücksichten werde ich wahrscheinlich oft geirrt haben. Sie, der Sie wissen, daß auf dem Gebiete des Geistes nur Unthätigkeit und Nachbeterei zu tadeln sind, werden dessen ungeachtet das Buch milde beurtheilen. Manches wäre wohl in meinem Buche anders, wenn mir eine grössere Anzahl von Texten zu Gebote gestanden hätte. Wann werden endlich die schon lange angekündigten Textausgaben, die bei Ihnen verbreitet werden, das Tageslicht schauen?

Mit der Versicherung meiner Verehrung verharre ich

Ihr ergebenster Diener
Miklosich

Wien, am 25. Juni 1850

№ 7

Hochverehrter Freund!

Ich habe durch Freund Šafařík vernommen, daß die von mir durch Leopold Voß in Leipzig Ihrer Weisung gemäß schon vor langer Zeit abgesendeten Bücher noch nicht in Moskau angekommen sind.

Ich habe daher bei Voß mich erkundigt und von demselben die Nachricht erhalten, er habe die Bücher nach Petersburg geschickt. Dort seien sie jedoch in die Censur gewandert. Dort sind auch Vuks an Sie abgeschickte Bücher. Wollen Sie nicht so gut sein sich anzufragen und dahin wirken, daß sie Ihnen bald möglichst zugeschickt werden. Ich habe Ihnen 100 Exemplare des Lexikons, ein Exemplar auf Velinpapier für Sie, und außerdem 100 Exemplare meiner Formenlehre geschickt; seitdem habe ich auch eine Lautlehre der alt-slavischen Sprache herausgegeben und wenn die Formenlehre Anklang findet, so könnte man auch davon Einiges zu Ihnen wandern lassen. Der größte Theil der Exemplare ist indessen bereits verkauft. Auch vom Lexikon habe ich wenige Exemplare noch vorräthig. In diesem Augenblick lasse ich ein Sammelwerk unter dem Titel Bibliotheca Slavica drucken; unter den darin enthaltenen Aufsätzen dürften Sie interessieren: die Selbstbiographie Kozitca's, das russische Original des Briefes von Požarskij, der von Adelung deutsch herausgegeben worden, zwei Aufsätze Vuks u.s.w. Indem ich Sie Hochverehrtester Freund bitte, mir sobald als möglich antworten zu wollen, empfehle ich mich Ihren freundschaftlichen Gesinnungen und verbleibe

Ihr ganz ergebener
Diener und Freund
Miklosich

Wien, den 18. November 1850

№ 8

Hochverehrter Herr!

Vor mehreren Monaten schrieb ich Ihnen einen Brief in Angelegenheit der Ihnen auf dem von Ihnen bezeichneten Wege zugesendeten 100 Exemplare meines altslovenischen Lexikons nebst 100 Exemplaren meiner altslovenischen Formenlehre, in dem ich Sie recht inständig bat, mir mit thunlichster Beschleunigung mit einigen Worten anzuzeigen, ob Sie die erwähnten Bücher erhalten haben oder nicht; ich zeigte auch zugleich an, daß die in Frage stehenden Bücher so wie die von Freund Vuks für Sie bestimmte Sendung an Voß in Leipzig, von diesem an die K. Akademie in Petersburg und von Kunik an die Censur geschickt worden sind. Ich habe leider keine Antwort erhalten und bin in der größten Verlegenheit, indem ich befürchte, daß die ganze Sendung in Verlust gerathen ist, ein Verlust, der für mich um so empfindlicher wäre, als man ja bei ähnlichen Sachen auf keinen großen Absatz rechnen kann. Ich bitte Sie also nochmals inständig, mich sobald als möglich durch einige wenige Zeilen über das Schicksal meiner Sendung berichten zu wollen.

In diesen Tagen ist meine Slavische Bibliothek vollendet worden.

Den Inhalt werden Sie aus der angeschlossenen Ankündigung ersehen.

Indem ich Sie nochmals um baldige Antwort inständig bitte zeichne ich mich hochachtungsvoll.

Ihr ergebener Diener
Miklosich

Wien, den 11 Februar 1851

№ 9

Verehrter Herr!

Vuk Stefanovic hat mir vor einiger Zeit die Mittheilung gemacht, daß Euer Wohlgeboren mir die nicht verkauften Bücher zurückgeschickt haben. Da nun die Bücher zur Stunde noch nicht in Wien angelangt sind und ich gegründete Hoffnung habe, sie hier an Mann zu bringen, so erlaube ich mir Sie höflichst zu bitten, im Falle die Bücher von Ihnen nicht abgeschickt worden sind, deren Sendung nach Wien kräftigst betreiben zu wollen. Besonders sehne ich mich nach der Formenlehre, von der ich kein Exemplar mehr habe. Aber auch Lexikon wäre mir sehr erwünscht, da der Buchhändler, um wenigstens einige Exemplare auf dem Lager zu haben, sich die versendeten remitieren lassen musste. Meine Bitte weiderholend verharre ich

Euer Wohlgeboren ergebenst.
Diener D. F. Miklosich

17. März 1851. Wien

№ 10

Verehrter Herr und Freund!

Ich habe die mir geschickten 80 Fl. empfangen und sage Ihnen meinen Dank dafür. Was die Frage anlangt, für welche Anzahl von Exemplaren die mir überschickte Summe als Bezahlung angesehen werden könnte, erlaube ich mir zu erwidern, daß ich wohl

kaum in der Lage bin das Exemplar wohlfeiler als 3 Fl. abzulassen. Ich war ursprünglich der Meinung, daß für ein Buch streng wissenschaftlichen Inhalts, das daher auf eine geringe Anzahl von Käufern zählen kann, für ein Buch von 30 Bogen, in welchem dreierlei Lettern angewendet werden, der Preis von 5 Fl. nicht zu hoch wäre. Uebrigens ist das meiste gottlob verkauft. Welchen Preis die Buchhändler für das Buch fordern, ist mir natürlich gleichgültig. Wenn sich Jemand auch darüber beklagt, daß das Buch zu kurz sei, so kann dieser Jemand unmöglich ein Gelehrter sein, denn ein solcher kann nicht umhin einzusehen, daß mein Buch fast noch einmal so viel enthält als das vollständigste bisher erschienene altslovenische Lexikon, Man möge nur einen kleinen Vergleich mit Alexejev oder mit dem Wörterbuch der russischen Akademie anstellen. Dazu kommt noch, daß ich die Bedeutung in griechischer und lateinischer Sprache hinzufüge, was indessen die Leute erst dann zu schätzen wüßten, wenn sie sich einmal die Mühe nähmen ihre Kirchenbücher mit den griechischen Originalien zusammenzustellen. Was aber die Hauptsache ist und den wesentlichen Vorzug meines Buches ausmacht, wofür jedoch die Leute gar keinen Sinn haben, ist, daß mein Buch wirklich altslovenisch, nicht ein regelloses Gemenge von russisch und altslovenisch ist. Außerdem bitte ich ja nicht zu vergessen, daß die Arbeiten auf diesem Felde gar so wenig sind. Wer ist mein Vorgänger? etwa Alexejev? etwa die russische Akademie? mitnichten. Auch mir wäre es erwünscht, wenn unsere Lexikographie auf der Höhe der griechischen und der lateinischen stünde; allein dies ist nicht möglich, da an der ersteren zwei, an der letzteren hingegen wenigstens ein Jahrtausend gearbeitet wird.

Der Streit mit Hanka ist gewiß niemand unangenehmer als mir; was mich einigermassen beruhigt, ist das Bewußtsein, daß ich denselben nicht angeregt, sondern erst aufgetreten bin, als es sich darum handelte, meine Ehre und mein gutes Recht gegen rohe Angriffe zu schützen. Wer mich tadelt, möge sich über die Sache unterrichten und dann die Hand auf die Brust gelegt sich selbst fragen, was er in einem ähnlichen Falle gethan haben würde. Dennoch versichere ich Sie, daß ich mich still verhalten hätte, wenn nicht meine amtliche Stellung mich zu diesem Auftreten genöthigt hätte. Leben sie recht wohl.

Ihr ganz ergebener Diener
u. Freund Miklosich

Wien, am 3. April 1851

Перевод

№ 1

Высокочитимый государь!

Беру на себя смелость приложить при сем два экземпляра моих Vitae Sanctorum: один предназначен Вам, другой — господину А. Черткову. Было бы желательно, чтобы Вы нашли в этой работе хотя бы только любовь к делу и стремление к основательности!

При книгах находятся 4 снимка с памятника Копитару для раздачи друзьям усопшего и три письма Добровского, которые пусть послужат доказательством, что я о Вас не забыл.

С истинным почтением
Ваш покорный слуга
Ф. Миклошич

Вена 16 января 1847

№ 2

Ваше Высокоблагородие!

Во время Вашего последнего пребывания в Вене Вы были так добры, что обещали мне выслать список лучших произведений новой русской литературы, и я беру на себя смелость напомнить Вам Ваше обещание. Вместе с тем мне самому хотелось бы исполнить взятое на себя обязательство относительно Вас. А именно, я обещал Вам, если Вам это еще памятно, выслать небольшую коллекцию интереснейших для славистов автографов и я желал бы знать, каким путем надежнее всего можно ее Вам доставить. Одновременно я выслал бы Вам и Черткову несколько экземпляров моего издания греч[еского] жития св. Климента, епископа Болгарского, и моей рецензии на Восточское издание Остромир[ова] Еванг[елия] из «Wiener-Jahrbücher». «Vitae S[anctorum]», надеюсь, Вы получили.

Перевод Вука Н[ового] З[авета] уже появился.

Вашего высокоблагородия
пок[орный] слуга
Ф. Миклошич

Вена 8 октября 1847 г.

№ 3

Высокочитимый господин!

Извините, что я в надежде на Вашу испытанную доброту обращаюсь к Вам по делу, касающемуся славянской литературы и меня лично. Я завершил одну работу, которой я занимался непрерывно в течение более чем десяти лет; мой «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti» через несколько дней будет опубликован и я желаю распространить этот труд как можно быстрее. Для этой цели я избрал путь предварительной подписки и осмеливаюсь, высокочитимый господин, послать Вам один экземпляр уведомления. Так как это произведение может отвечать требованиям современной науки как по форме, так и по объему (оно содержит 18 000 слов) и имеет чисто научное содержание, а следовательно не подлежит цензуре, то я осмелюсь Вас просить, если у Вас не будет другого предложения, как-нибудь объявить об этой книге или поручить кому-нибудь сделать это. По прилагаемому листу Вы сможете познакомиться со структурой этой книги.

С начала будущего года я предполагаю издавать журнал по славянской истории и филологии, пока в виде отдельных выпусков. Возможно ли будет приобрести через Вас одного, лучше — нескольких сотрудников? Все, что как-либо связано с указанными интересами: отдельные статьи, рецензии, библиографические справки — будет встречено с благодарностью.

Я недавно опубликовал в трудах нашей академии большой труд о спряжении в старославянском по древнейшим источникам. Я надеюсь, что он Вас заинтересует, и очень желаю послать его Вам и господину Черткову, как маленькое доказательство моего уважения, но как?

Будьте здоровы, высокочитимый господин, и примите уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Ваш преданный слуга
Д-р Миклошич

Вена 30 октября 1849

№ 4

Высокочитимый господин!

Когда я Вам писал в последний раз, мне казалось, что мой здешний поверенный уже отослал по Вашему указанию книги Леопольду Фоссу в Берлин. Этого не произошло, так как сильный снегопад прервал связь по северной дороге. Задержка на несколько дней с отправкой книг вынудила меня подождать еще несколько дней и послать Вам одновременно 100 экземпляров моей только что законченной морфологии древнеславянского языка. Экземпляр словаря я продаю по окончании срока предварительного объявления за 5 фл.; экземпляр морфологии за 54 кр. Через несколько недель выйдет в свет фонетика старославянского языка и она завершит ряд необходимых мне для моих лекций книг. Охотно я присоединил бы к ним хрестоматию, так как я полагаю, что она оживила бы изучение старославянского языка и славянских древностей, однако в нашей библиотеке слишком мало старых рукописей, чтобы я мог рассчитывать на создание чего-либо интересного в этом отношении.

В Вашем любезном письме Вы внушаете мне надежду, что я буду получать выходящий под Вашей редакцией журнал «Москвитянин»: Вы не представляете, как бы обрадовало меня это новое доказательство Вашей дружбы и как помогло бы оно мне в моих занятиях. Жители Праги счастливы тем, что имеют возможность кое-что получать из России, в то время как мы, в Вене, скорее получим книгу, вышедшую в Кантоне, чем в России. Все мои старания получить через книжную торговлю хотя бы только самое необходимое по русской литературе из России не имеют никакого успеха.

Примите, высокочитимый господин, мои уверения в моем глубочайшем к Вам уважении.

Преданный Вам слуга
Миклошич

Вена 2 февраля 1850 г.

№ 5

Уважаемый господин!

Упомянутые книги я уже послал некоторое время назад по указанному Вами адресу и надеюсь, что они уже давно получены. Однако несколько дней тому назад я получил письмо от Л. Фосса, из которого явствует, что без разрешения императорской Академии наук в Петербурге он не может, или не хочет, отправить эту посылку. Поэтому я прошу Вас добиться от Академии соответствующего разрешения.

После того, как я послал Вам мое последнее письмо, была опубликована моя фонетика старославянского языка. Я хочу, однако, подобрать ряд книг, чтобы послать их Вам вместе с нею.

Вы знаете, что наша Академия объявила конкурс на премию за сравнительную фонетику славянских языков. Я принял участие в этом конкурсе своим довольно объемистым трудом около 20 печатных листов; результат, однако, будет известен в последний день мая. Я предполагаю, если я получу эту премию, доработать и другие части грамматики таким же образом. Grimm был моим, разумеется, недосыгаемым образцом.

С чувством высокого уважения
Ваш преданный слуга
Д-р Ф. Миклошич

Вена 29 марта 1850

№ 6

Высокопочтимый господин!

Вы, конечно, не представляете, какую радость доставили мне Вашим милым письмом. Это явилось доказательством того, что в России есть люди, которым не безразличны устремления их соотечественников за пределами их Родины. Как издатель собственных трудов, я Вам благодарен также за сообщение, что в Москву будут затребованы 100 экземпляров; вчера они, в соответствии с Вашим указанием, были направлены Леопольду Фоссу в Берлин. Я подготовил один экземпляр для Вас на веленовой бумаге и приложил к нему посылку для Вас: 1) всю работу о спряжении в древнеславянском языке, напечатанную в первом томе юбилейных трудов нашей Академии наук; 2) в нескольких экземплярах маленькую статью из докладов Академии по одному из вопросов сравнительного языкознания; при распределении прошу не обойти г. Черткова; 3) два экземпляра моей морфологии старославянского языка для Вас и г. Черткова и, наконец, 4) несколько экземпляров программы издаваемого в виде отдельных выпусков, примерно около 20 листов, журнала по Славянской истории и филологии для распределения и ознакомления с его содержанием; один экземпляр программы я здесь также прилагаю. Я надеюсь также сообщить Вам кое-что по истории Вашей родины из императорского королевского архива. Печатаение первого выпуска начнется с 1 февраля, будет, однако, продвигаться довольно медленно, о чем я сообщаю Вам на тот случай, если кто-либо у Вас пожелает что-либо опубликовать в нем. Примите то немногое, что я Вам посылаю, с присущей Вам доброжелательностью. Что касается моего словаря старославянского языка, то в нем я поставил себе задачу дать прежде всего правильные формы, а во вторую очередь — найти соответствующую греческую параллель каждому славянскому слову; в обоих случаях я, вероятно, часто допускал ошибки. Вы, сами хорошо зная, что бездеятельность в духовной области нельзя не порицать, тем не менее снисходительно отнесетесь к этой книге. Многое в моей книге было бы другим, если бы в моем распоряжении было большее количество текстов. Когда, наконец, выйдет в свет уже давно объявленное, широко популярное у Вас издание текстов?

С уверением моего уважения
остаюсь преданнейший Вам слуга
Миклошич

Вена 25 июня 1850

№ 7

Высокопочтимый друг!

От моего друга Шафарика я узнал, что давно посланные мною по Вашему указанию через Леопольда Фосса в Лейпциге книги еще не прибыли в Москву.

Поэтому я запросил об этом Фосса и получил от него известие, что он послал книги в Петербург, а там они были переданы в цензуру; там же находятся книги, посланные Вам Вуком. Будьте добры запросить о них и содействовать тому, чтобы они скорее Вам были посланы. Я послал Вам 100 экземпляров словаря, один экземпляр на веленовой бумаге, кроме того, 100 экземпляров моей морфологии. С тех пор я опубликовал также фонетику старославянского языка, а если морфология будет встречена с интересом, то можно было бы послать Вам еще несколько ее экземпляров. Большая часть экземпляров уже распродана. У меня есть в запасе еще несколько экземпляров словаря. В данный момент я публикую сборник под названием «Bibliotheca Slavica»; среди содержащихся в нем статей Вас бы заинтересовали: автобиография Кошица, русский оригинал письма Пожарского, которое было издано на немецком языке Аделунгом, две статьи Вука и т. д. Прошу Вас, высокопочтимый друг, как можно скорее мне ответить.

Остаюсь дружески расположенный

Вам преданный слуга и друг
Миклошич

Вена 18 ноября 1850

№ 8

Высокочитимый господин!

Несколько месяцев тому назад я написал Вам письмо по поводу посылки Вам по указанному Вами адресу 100 экземпляров моего словаря старославянского языка и 100 экземпляров моей старославянской морфологии, в котором я Вас убедительно просил срочно в нескольких словах сообщить мне, получили ли упомянутые книги или нет; одновременно я указал в нем, что данная книга, как и предназначенная для Вас посылка от друга Вука, была направлена Фоссу в Лейпциг, а от него в имп. Академию в Петербург, а Куником была передана в цензуру. К сожалению, я не получил ответа и очень озабочен этим, так как я опасаясь, что вся посылка пропала, потеря для меня тем более чувствительная, что в подобных случаях трудно рассчитывать на большой сбыт книг. Я еще раз убедительно прошу Вас возможно скорее сообщить мне в нескольких строках о судьбе моей посылки.

На днях я укомплектовал свою Славянскую библиотеку. С ее составом Вы сможете ознакомиться из прилагаемого извещения.

Еще раз убедительно прошу Вас быстрее ответить мне.

С глубоким уважением остаюсь

Ваш преданный слуга Миклошич

Вена 11 Февраля 1851

№ 9

Уважаемый господин!

Недавно Вук Стефанович сообщил мне, что Ваше благородие возвращает мне нераспроданные книги. Так как в настоящее время книги еще не прибыли в Вену и я питаю основательную надежду сбыть их здесь, то я позволю себе обратиться к Вам с убедительной просьбой, в случае, если книги Вами не отправлены, позаботиться об их скорейшей посылке в Вену. Особенно мне нужна морфология, так как у меня не сохранилось ни одного экземпляра этой книги. Желательно было бы также получить словарь, ибо книготорговец для того, чтобы иметь на полке хотя бы несколько экземпляров, должен был бы затребовать высланные книги обратно. Еще раз прошу Вас выполнить мою просьбу.

Остаюсь пред. Вашему благородию слуга
Д. Ф. Миклошич

17 марта 1851 г. Вена

№ 10

Уважаемый господин и друг!

Я получил посланные мне 80 фл. и благодарю Вас за это.

Что касается вопроса, на какое количество экземпляров может быть предназначена присланная мне сумма денег, я позволю себе сообщить Вам, что я едва ли в состоянии отпустить один экземпляр дешевле, чем за 3 фл. Первоначально я придерживался мнения, то за книгу чисто научного содержания, объемом в 30 листов, напечатанную тремя различными шрифтами, которая может рассчитывать на небольшое число покупателей, цена в 5 фл. не будет слишком высока. Впрочем, большая часть [экземпляров], слава богу, уже продана. А какую цену за книгу установят книготорговцы, мне, конечно, безразлично. Если кто-либо пожалуется на то, что книга слишком мала, то им ни в коем случае не может быть ученый, так как он не может не видеть, что книга содержит вдвое больше материалов, чем какой-либо другой появившийся в последнее время старославянский словарь. Для этого следует только сравнить его со [словарем] Алексева или словарем русской Академии наук. К этому следует добавить также, что я включаю и значение слов на греческом и латинском языках, что люди смогли бы оценить только тогда, если бы они взяли на себя труд сопоставить церковные книги с их греческим оригиналом. Но, самое главное — и это является существенным преимуществом моей книги, о чем люди совсем не имеют понятия — это то, что моя книга действительно является исследованием древнеславянского языка, а не беспорядочной смесью русского и старославянского языков. Кроме того, я прошу не забывать, что работ в этой области так мало. Кто является моим предшественником? Может быть, Алексеев или русская Академия? Никим образом. Также мне было бы желательно, чтобы наша лексикография находилась на той же высоте, что греческая и латинская; однако это невозможно, так как над первой работали два, а над второй — по крайней мере одно тысячелетие.

Спор с Ганкой больше всего неприятен мне самому, но что меня немного успокаивает, это сознание того, что не я его вызвал; я выступил только тогда, когда речь шла о защите моей чести и моего права против грубых нападок. Кто меня порицает, пусть ознакомится с этим делом и, положив руку на сердце, пусть спросит себя, что бы он сам предпринял в подобном случае. Однако я Вас заверяю, что я бы не поднимал шума, если бы меня не вынудило к этому мое служебное положение.

Будьте здоровы,

Ваш преданнейший слуга и друг Миклошич

Вена 3 апреля 1851

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. Я. МАНУСЕВИЧ. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., «Наука», 1965, 411 стр.

Исследование А. Я. Манусевича посвящено одному из вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции и вместе с тем важной проблеме польского революционного рабочего движения. Занимаясь изучением участия польских интернационалистов в Октябрьской революции, А. Я. Манусевич лишь в небольшой мере мог опереться на работы своих предшественников. До появления его книги в литературе имелись некоторые отрывочные, фрагментарные сведения по данному вопросу. Выдвинутые в свое время необоснованные обвинения против КПП и многих ее активных деятелей — участников Октябрьской революции серьезно затрудняли изучение этой проблемы. И только в последние годы создались благоприятные условия для обстоятельного исследования деятельности польских интернационалистов.

А. Я. Манусевич внимательно использовал литературу вопроса, опубликованные источники и ввел в научный оборот много новых и ценных материалов, что позволило ему создать труд, в котором эта проблема впервые получила систематическое освещение.

А. Я. Манусевич рассмотрел широкий круг вопросов, связанных с участием польских интернационалистов в Октябрьской революции. Отметим здесь только важнейшие: численность и состав польского временного населения в России, деятельность польских революционных и буржуазно-помещичьих кругов накануне Февральской революции, Февральская революция и польский вопрос, деятельности групп СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-фракции, польских социалистических объединений и буржуазных группировок в период с марта по октябрь 1917 г., участие польских интернационалистов в Октябрьском вооруженном восстании.

Эти вопросы освещаются в тесной, органической связи с событиями русской революции. Автор рассматривает движение польских интернационалистов как составной элемент борьбы революционных сил России и показывает подлинный патриотизм польских революционеров, которые, борясь за победу пролетарской революции в России, боролись за свободу и независимость своего народа.

Вместе с тем раскрываются националистические и реакционные устремления польских буржуазно-помещичьих кругов, их связи и сотрудничество с русской контрреволюцией. Обстоятельно показаны идейное и организационное развитие польских революционных сил, их деятельность, влияние партии большевиков и русской революции на развитие польского революционного движения. Вполне конкретно охарактеризованы и изменения, происходившие в лагере польской контрреволюции.

Нельзя не сказать и еще об одном достоинстве исследования А. Я. Манусевича. В его книге мы встречаемся с десятками, сотнями имен людей, знакомимся со славными делами польских интернационалистов. Многие из этих и были забыты, о других почти ничего не было известно. Краткие или более или менее обстоятельные характеристики активных участников революции, показ их конкретной деятельности восполняют картину революционной борьбы польских интернационалистов.

Основные вопросы проблемы в работе А. Я. Манусевича освещены, на наш взгляд, правильно. При этом, однако, возникают некоторые пожелания или замечания. В главе первой автор рассматривает трудящиеся массы польского временного населения в России как «польский резерв пролетарской революции в России» (стр. 7), как «один из национальных резервов пролетарской революции», как «польский национальный резерв Октябрьской революции». В связи с этим встает ряд вопросов теоретического и конкретно-исторического характера — о самом понятии резерв революции, соотношении резерва с классом, о классовом и национальном резервах, социальных и национальных моментах и другие. К сожалению, автор ограничился лишь приведенными выше утверждениями.

В главе пятой рассказывается об участии польских интернационалистов в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и Москве. Желательно было бы здесь показать деятельность польских революционеров и в других районах страны в первые дни Октябрьской революции, в конце октября — начале ноября. Правда, после победы восстания в Петрограде

и Москве начинается новый этап революции — триумфальное шествие Советской власти по стране. Но для большей полноты в освещении вопроса и выяснения перспективы движения польских интернационалистов можно было бы, по нашему мнению, несколько выйти за эти хронологические пределы.

Трудно согласиться с определением численного состава известных автору групп СДЖПиЛ (стр. 390—392). Автор располагает данными о числе членов 21 группы, относящимися к различным периодам времени между февралем и ок-

тябрем 1917 г. Суммируя эти данные, автор устанавливает число членов в этих группах на октябрь 1917 г. По другим 20 группам сведений не имеется. Автор полагает, что и в этих группах могло быть примерно такое же число и определяет общее количество членов в 41 группе. Думается, что большая осторожность в этом отношении была бы не лишней.

В целом труд А. Я. Манусевича представляет собою крупное исследование, значительный вклад в историографию проблемы.

И. И. Костюшко

L. PRZEMSKI. *Niespokojne życie. Nasza księgarńia*. Warszawa, 1965, 246 s.

Л. ПШЕМСКИЙ. *Беспокойная жизнь*

Книга Л. Пшемского — популярный очерк жизни, научной и общественно-политической деятельности выдающегося польского историка-демократа и революционера И. Лелевеля, оказавшего огромное влияние на развитие польской историографии и формирование идеологии демократических кругов польского общества в 20—60-е годы XIX в. Яркая, полная драматизма, гражданского мужества и самопожертвования жизнь Лелевеля дала автору богатый материал для создания интересной работы, написанной живо и увлекательно. Со страниц книги Пшемского встает образ ученого, патриота, революционера, все помислы и чувства которого были связаны с борьбой за свободу родины и ее справедливое общественное устройство. Не проводя специальных источниковедческих изысканий, автор широко использовал в своей работе научные и автобиографические сочинения Лелевеля, его переписку, а также мемуары его современников. Автор сумел просто и доходчиво рассказать о значении научных трудов Лелевеля, подчеркнув его вклад в историю польской и европейской науки, показав его как новатора, смело ломавшего устаревшие научные каноны и представления. В книге имеются интересные наблюдения. Заслуживает внимания вывод автора о существовании связей Лелевеля с оппозиционной молодежью в Варшаве в 1824—1830 гг. (стр. 62). Он справедливо подчеркивает, что ноябрьское восстание способствовало обогащению Лелевеля опытом политической борьбы и повлияло на его дальнейшую идейную эволюцию (стр. 98).

Вместе с тем книга Пшемского вызывает ряд замечаний. Автор разделяет представление о том, что Лелевель обращался то к научной работе, то к политической деятельности, и искал в этой перемене занятий утешения после неудач и поражений. Он даже утверждает, что Лелевель в научной работе искал убежища «от собственного одиночества»

(стр. 140). На самом деле его научная работа и политическая деятельность были гармоничными связями между собой и рассматривались им как служение родине. Пшемский неправильно противопоставляет научную концепцию историка, выраженную в его труде «Замечания по истории Польши и ее народа», его политическим взглядам, утверждая, что при создании этого труда патриот брал верх над ученым (стр. 170). Однако для Лелевеля не существовало противопоставления научных истин и политических лозунгов: ему было чуждо сознательное подчинение научных изысканий задачам политической борьбы. В рецензируемой работе оказались неосвещенными или рассмотренными крайне сжато некоторые важные моменты, связанные с биографией Лелевеля. Пшемский обходит молчанием патриотическую и прогрессивную направленность деятельности студенческих обществ филоматов и филаретов, утверждая, что в период следствия комиссии Н. Н. Новосильцева в 1823—1824 гг. они были давно распущены (стр. 55). В книге нельзя найти ответа на вопрос, являлся ли Лелевель участником конспиративного движения в Королевстве Польском и принимал ли он участие в подготовке ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Автор ограничивается только констатацией сложности этой проблемы. Однако новейшие работы польских исследователей убедительно доказывают, что Лелевель не был активным деятелем патриотического подполья в Королевстве Польском и непосредственно не участвовал в подготовке восстания 29 ноября 1830 г., являясь только идейным вдохновителем организаторов этого движения¹. Едва ли правомерна постановка автором вопроса о виновности Лелевеля или членов заго-

¹ Wł. Z a j e w s k i. Spór o podziemną działalność polityczną Lelewela w Wilnie i o jego wpływ na filomatów.—«Przegląd humanistyczny», 1963, № 2, s. 97—132.

вора подхорунжих под руководством П. Высоцкого в отсутствие революционной повстанческой власти в начале восстания (стр. 72—73). Дело было не в ошибках отдельных лиц, а в слабости левого крыла польского общества того времени. Пшемский обходит молчанием вопрос о социальных силах польского общества, действовавших в 1830—1831 гг. Поражение восстания явилось результатом не нерешительности или колебаний Лелевеля, а неспособности шляхетских революционеров повести народные массы на активную борьбу за свободу Польши и отсутствия у них революционной программы по аграрному вопросу. Однако Пшемский некритически повторяет враждебные Лелевелю отзывы его современников, особенно М. Мохнацкого, считая, что ученый не был «человеком действия» (стр. 73—74). Именно под влиянием М. Мохнацкого автор утверждает, что Лелевель хорошо разбирался в истории, но не был способен анализировать реальную обстановку в жизни (стр. 74). Эта точка зрения может привести читателей книги только к непониманию расстановки классовых сил польского общества и роли Лелевеля в ноябрьском восстании.

Автор правильно подчеркивает, что в эмиграции Лелевель с радостью воспринимал все сообщения о развитии революционного движения в России (стр. 196). Однако он мало и не всегда верно сообщает о связях польского ученого с русским обществом. В частности, в книге говорится, что визит М. П. Погодина, посетившего Лелевеля в 1842 г. в Брюсселе, застал польского революционера врасплох и что он ожидал кого угодно «только не этого упорного защитника царского деспотизма» (стр. 140). На самом же деле, хотя Лелевель был хорошо осведомлен о политических взглядах Погодина², он отнесся к русскому посетителю с большой сердечностью³.

Пшемский фактически не рассмотрел связи Лелевеля с К. Марксом и Ф. Энгельсом и оценку ими его произведений. Повествование автора может создать у читателей неправильное представление о том, что Лелевель сблизился с Марксом и Энгельсом и всей демократической эмиграцией в Брюсселе только из-за чувства одиночества среди соотечественников и недооценки его Польским демократическим обществом (стр. 199—200). Однако на самом деле сотрудничество Лелевеля с основоположниками научного коммунизма и Демократической ас-

социацией объясняется их энергичной защитой интересов польского народа. Автор слишком сурово осуждает позицию Лелевеля в споре с Польским демократическим обществом, безапелляционно считая его позицию ошибочной (стр. 178). Несомненно, образование этого Общества в марте 1832 г. являлось следствием радикализации взглядов польских шляхетских революционеров, справедливо упрекавших комитет Лелевеля в умеренных принципах. Однако впоследствии Польское демократическое общество не смогло противопоставить Лелевелю более ясной и революционной программы и находилось под его непосредственным идейным влиянием. Споры Общества с Лелевелем фактически не носили принципиального характера, и критика им ученого далеко не всегда была правильной. Лелевель отвечал весьма сдержанно на полемическую оценку его деятельности. Поэтому нельзя согласиться с мнением Пшемского, что Лелевель «в ожесточении» не понимал, что члены Польского демократического общества были его верными учениками (стр. 180—181). Автор не поясняет, почему «Объединение польской эмиграции» оказалось нежизнеспособным. Он обращает внимание на то, что члены его комитета находились в разных городах (стр. 192), проходя мимо пестрого социального состава этой организации.

В книге встречаются и неаргументированные утверждения. Автор полагает, что после увольнения из Виленского университета в 1824 г. положение Лелевеля как ученого не ухудшилось. На деле отъезд из Вильно лишил его наиболее благоприятных условий для ведения исследовательской работы и особенно издания своих сочинений. На это обстоятельство обращал внимание сам Лелевель в неопубликованном до сих пор письме к графу Н. П. Румянцеву от 17 октября 1824 г., написанному в день отъезда из Вильно. Ученый подчеркивал, что его увольнение из Виленского университета мешало продолжению его исследовательской работы и прерывало его плодотворное научное сотрудничество с профессорами Виленского университета И. Н. Лобойко и И. Даниловичем⁴.

В работе Пшемского имеются также некоторые неточности. Трудно согласиться с мнением автора о том, что до нас дошло мало свидетельств современников о лекциях Лелевеля в Виленском университете (стр. 52). Переписка и воспоминания филоматов позволяют воссоздать достаточно полную картину оценки виленским обществом его лекций⁵. Пшемский

² J. L e l e w e l. Listy emigracyjne. T. IV. Wydała i wstępem poprzedziła H. Więckowska. Wrocław — Kraków, 1954, s. 306.

³ Н. В а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VII. СПб, 1893, стр. 51.

⁴ Центральный государственный архив древних актов, ф. 157, раздел XVII, оп. 1, д. 61 доп., л. 108 об.

⁵ См. отдел рукописей научной библиотеки Вильнюсского госуниверситета, ф.

преувеличивает число студентов, посещавших лекции Лелевеля в 1822—1824 гг., считая, что их было 300—400 человек, т. е. две трети всех студентов университета (стр. 52). Правда, на первой лекции учебного в январе 1822 г. присутствовало 300 слушателей⁶. Однако следует иметь в виду, что его лекции пользовались в Вильно огромной популярностью, и их посещали не только студенты, но и представители различных кругов виленского

общества. Приведенное в книге высказывание о значении работ Лелевеля (стр. 172), принадлежит не Марксу и Энгельсу, как утверждает автор, а только Марксу. Пшемский неточно пишет об объединении двух польских эмигрантских организаций в 1846 г. (стр. 196). На самом деле «Объединение польской эмиграции» самораспустилось, а его члены в индивидуальном порядке вступали в Польское демократическое общество.

Указанные недостатки книги могут мешать создать полное представление о деятельности И. Лелевеля. Однако автору удалось показать, что ученый-патриот стал знаменем поляков, которые боролись за свободную и справедливую родину. Именно поэтому он близок строителям социалистической Народной Польши.

Лелевеля, № 34, VII, л. 2 об.; «Towarzystwo filomatów». Opracował prof. A. Łucki. Kraków, 1924, s. 350—351; J. Domejko. Filareci i filomaci. Poznań, 1872, s. 11; «Z filareckiego świata. Zbiór wspomnień z lat 1816—1824». Wydał H. Mościcki. Warszawa, 1924, s. 109.

⁶ J. L e l e w e l. Listy do rodzeństwa. t. I. Poznań, 1887, s. 349.

Б. С. Попков

«Критический реализм в литературах западных и южных славян». М., «Наука», 1965, 339 стр.

Вряд ли подлежит сомнению, что большие писатели не могут быть похожи друг на друга, что любой крупный талант своеобразен и неповторим. Из этого, конечно, не следует, что «непохожих» писателей нельзя рассматривать в рамках какого-то одного исследования (тем более в сборнике статей разных авторов), претендующего на внутреннюю целостность, стройность концептуальных построений. При этом ход рассуждений обычно бывает такой: несмотря, мол, на все индивидуальные отличия, разные стили, творческие манеры, профессионально-писательские навыки — все же есть что-то общее, объединяющее таких-то писателей по такому-то признаку.

В рецензируемом сборнике этот общий и определяющий признак назван в заглавии: критический реализм. По-видимому, все писатели, творчеству которых посвящены статьи сборника, должны иметь самое непосредственное отношение к истории критического реализма. А писатели следующие: А. Ирасек, К. Чапек, Ю. Крашевский, Г. Сенкевич, И. Чипико, П. Кочич, Б. Станкович. И еще — Я. Неруда, который рассматривается, впрочем, не как художник слова, а как критик и эстетик. Названным писателям уделено специальное внимание, всем другим — постольку, поскольку этого требует описание литературного процесса в той или иной славянской стране.

Каждая из статей по-своему интересна и содержательна, но далеко не каждая отвечает на естественный вопрос читателя: правомерно ли того или иного писателя связывать с понятием «критический реализм»? Остается неясным смысл и значение этого термина. Стремятся ли

авторы теоретически углубить интересующие их проблемы критического реализма, исследовать национальную специфику реалистического искусства в его длительном историческом развитии (ведь речь идет о трех славянских литературах в «время действия» — целое столетие)?

К сожалению, сборнику не предпослана вступительная статья общетеоретического характера, в которой ставились бы эти проблемы. Отчасти ее заменяет статья А. П. Соловьевой «Борьба Неруды за реалистическую эстетику в чешской литературе 60—70-х годов XIX века»: она в сборнике первая и посвящена не творчеству того или иного славянского писателя (как это будет в следующих за ней статьях), а концепции чешского реализма. Поэтому ее следовало бы рассматривать как предисловие — если не ко всему сборнику, то, по крайней мере, к статьям о чешской литературе. Во всяком случае после нее очень «на месте» вторая статья сборника — «Социально-исторический роман А. Ирасека «Псоглавцы» (автор Р. Л. Филипчикова): ведь Неруда предсказывал, что первые чешские реалистические романы будут созданы в историческом жанре, и оказался прав, так как «подлинныя завоевания в создании реалистического чешского романа связаны с творцом исторического романа — А. Ирасеком» (стр. 35).

Далеко не всё в исследовании А. П. Соловьевой имеет отношение к эстетической концепции реализма; автор пишет о проблемах национального своеобразия чешской литературы (Неруда не отрицал национальной специфики, но и не был в этом вопросе националистом, более то-

го — консерваторы считали его «космополитом»), о требованиях единства идеи и формы, о борьбе Неруды за тенденциозное искусство, тенденциозную поэзию, о его принципах вдумчивого изучения действительности, которое он противопоставлял выдумыванию, фантазированию, принципам верного, правдивого изображения действительности, о типизации и т. д. Из всего этого, пожалуй, лишь требование правдивости в искусстве, изучения и анализа, типичности говорит о Неруде как о реалисте и защитнике реализма. Что же касается принципа тенденциозности, то реалистическому искусству, он, конечно, не противопоказан, но здесь хочется напомнить, что к явной, «голой» тенденциозности, нормативности, предвзятости многие представители критического реализма относились недоверчиво, и, вероятно, в этой недоверчивости была сила, а не слабость.

Неруда и его соратники, единомышленники выглядят в статье какими-то уж очень правильными, «политически грамотными», принципиальными и на редкость боевыми деятелями. Чуждые им концепции они «с негодованием отвергают», свои передовые мысли высказывают «с предельной ясностью». Иногда, впрочем, А. П. Соловьева выступает как бы против штампов: «Неруда был свято убежден, что какие бы сверхактуальные патриотические идеи не (курсив мой: здесь нужно было бы вместо не употребить частцу *ни*. — А. И.) проповедовал поэт, его поэзия не будет подлинным искусством, ... если все эти идеи не будут глубоко и понастоящему пережиты поэтом» (стр. 37).

Четкой художественной литературе, кроме упоминавшейся статьи Р. Л. Филличиковой об Ирасеке, посвящены две статьи о К. Чапеке: «Карел Чапек и некоторые проблемы творческого процесса» С. В. Никольского и «Трагедия Карела Чапека «Белая болезнь» (Проблематика, художественные принципы, жанр)» А. Р. Волкова. С. В. Никольский пишет о причастности Чапека к критическому реализму, но как-то вскользь и не в связи с самыми удачными своими наблюдениями над творческой манерой изучаемого писателя. Мы имеем в виду интересную постановку вопроса о природе фантастического у Чапека. Автор статьи не ограничился общеизвестным и общепризнанным положением о наличии в любом фантастическом произведении реальной, действительной основы или по меньшей мере элементов реальности. Для С. В. Никольского важнее найти фантастическую гипотезу, разобраться «в утопических» допущениях писателя и выяснить, как и чем «ограничивает» писатель сферу чудесного, небывалого; такое «ограничение» необходимо, ибо без него фантастическое перестало бы восприниматься как таковое: абсурдно-фантастическим оказался бы весь мир. За границами фан-

тастического обнаруживается реальность, служащая ему выгодно-контрастным фоном. Но достаточно ли этой реальности для того, чтобы говорить о реалистической природе фантастики (в данном случае — в произведениях Чапека)? Разумеется, нет. «Элементов реальности» сколько угодно можно отыскать и в нереалистических произведениях, даже в нереалистической фантастике. Очень хорошо, что автор статьи не делает вывода о реалистическом характере фантастики Чапека, исходя из указанных посылок. Более того, С. В. Никольский сходные условия и приемы обнаруживает в древних арабских сказках (стр. 262), которые, разумеется, ничего общего не имеют с критическим реализмом. Последовательность соблюдена, но осталось неясным: реалист ли Чапек-фантаст, вымыслы которого сопоставимы не только с композициями Г. Уэллса, но и с чудесами «Тысячи и одной ночи»? Эта неясность с вопросом о реализме усугубляется, когда читаем о «романтическом герое» из «Белой болезни» — Галене (статья А. Р. Волкова, стр. 288). Кстати, в этой пьесе есть символические образы и картины, а символика, как известно, тоже может быть и реалистической и нереалистической. Читатель, к сожалению, ничего не узнает о том, к какой же именно прибегал автор «Белой болезни».

Было бы несправедливо упрекать авторов статей о Чапеке в том, что они не ответили на все эти вопросы: и вопросов бы не возникло, появившись статьи в сборнике, названном как-нибудь иначе. Нескольку хуже другое. В статье С. В. Никольского, например, читаем: «Истоки его (Чапека. — А. И.) мировосприятия лежат в области мелкобуржуазной психологии с присущей ей противоречивостью» (стр. 272). Оказывается, это мнение не только С. В. Никольского, но и целого ряда исследователей, на которых он ссылается, в том числе — А. Р. Волкова. Искания, колебания, противоречия, проявление скептицизма у Чапека — «также не что иное, как своего рода философская проекция основной особенности мелкобуржуазного сознания — его противоречивости». На наш взгляд, чисто социологическое толкование не исчерпывает всей сложности проблемы.

Полонистика представлена в сборнике статьей Д. С. Прокофьевой «К вопросу о становлении реализма в польской прозе 40-х — 50-х годов XIX века» и обширным исследованием И. К. Горского «Трилогия Сенкевича». Исследование Горского богато мыслями, наблюдениями, отличается интересной постановкой многих важных проблем, в том числе теоретических. Но приходится повторить то, о чем уже шла речь в связи с другими статьями: исследуемый писатель не является критическим реалистом и, пожалуй, вообще не причастен к реализму.

Сам Горский признает, что «с точки зрения историизма «Трилогия» стоит ниже «Крестоносцев» и менее реалистична не только по сравнению с ними, но и по сравнению с рядом его же (Сенкевича. — А. И.) произведений из современной жизни» (начало статьи). Тем не менее именно «Трилогия» привлекла внимание исследователи. И в дальнейшем Горский подчеркивает «утешительные» тенденции у Сенкевича (стр. 131), «мораль» вместо анализа «причины» действительной слабости Речи Посполитой (стр. 137), романтический и реакционный подход писателя к оценке польско-украинских отношений XVII в. (стр. 147) и т. д. Всего этого с избытком достаточно, чтобы усомниться в причастности писателя к критическому реализму. Правда, Горский остроумно раскрывает тайну необычайного художественного обаяния Сенкевича, умевшего искусно сочетать романтическое изображение «с реалистической типизацией ряда характеров». Писатель, как мы узнаем, все-таки говорил какую-то часть правды об истории и о своей стране, спасаясь от художественной фальши различными способами, например «ценою сужения исторического горизонта до прапрадедовских представлений» (стр. 165). Несомненно, во всех этих приемах мы можем видеть своего рода искусство, причем искусство подлинное, настоящее, но — не имеющее ничего общего с реализмическим. Верные, открывшие картины действительности не могут входить в реалистическое произведение «на равных правах» с надуманными, неистинными, правдоподобными лишь внешне. Смесь правды с правдоподобием, истины с ловкостью, без которой трудно было бы не уклониться от истины, — все это, несомненно, есть в произведениях Сенкевича и все это не позволяет считать его реалистом.

В мире, созданном Сенкевичем, встречаются, сталкиваются не одни лишь «типичные герои», но и исключительные личности, мрачные, демонические, преступные люди, а также идеализированные герои и «массовидные» персонажи, все-

лые и простодушные шляхтичи. Конфликты, столкновения между героями особенно выразительны в том случае, если писатель отмечает их печатью жуткой исключительности, которая свойственна тому или иному романтическому злодею (Зигфрид из «Крестоносцев», Азия из «Пана Володыевского»). В этих конфликтах и другая сторона как бы заражается исключительностью, обыкновенные люди расстаются со своей обыкновенностью, становятся либо великодушными подвижниками (Юранд), либо отчаявшимися мстителями (Нововейский). Сущность и поэтику одного из таких конфликтов глубоко раскрыл И. К. Горский — столкновение Азии и Нововейского (стр. 198, 199).

Сербской реалистической прозе посвящена статья Р. Ф. Дорониной о творчестве И. Чипико, П. Кочича, Б. Станковича. Статья эта не вызывает сомнений относительно ее уместности в рецензируемом сборнике: автор пишет о реализме сербских писателей, о специфическом характере сербского реализма, о его связях с другими творческими методами — например, импрессионистические тенденции в творчестве Кочича (стр. 248).

Сборник заключают обзоры и рецензии. Интересен обзор Н. И. Кравцова, знакомящий читателей с обсуждением проблем критического реализма на V Международном съезде славистов. В этот раздел вошли также рецензии Е. И. Рябовой «У истоков словенского реализма» (об исследовании В. Paternu «Estetske osnove Levstikove literarne kritike», Lubljana, 1962), Т. С. Карской «Новая монография о Божене Немцовой», Н. А. Богомоловой — «Еще раз об «Открывателе золотых миров» (Раздумья над книгой В. Мадды «Античные мотивы в поэзии Л. Стаффа»).

Подводя итоги, остается сказать следующее: сборник интересный, статьи содержательны, и многие наши критические замечания были бы неуместными, если бы в названии сборника не было двух обязывающих слов: «критический реализм»

А. А. Илюшин

«Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća». Zagreb, 1965, 867 s.

«Панорама хорватской литературы XX века»

XX век и особенно межвоенный и послевоенный периоды в истории хорватской литературы еще очень мало изучены. Не исследованы целые этапы ее развития, творчество крупнейших писателей и судьбы направлений и течений. Отдельные многочисленные работы¹, посвященные

¹ В послевоенный период появилась всего лишь одна, очень краткая история хорватской литературы межвоенного периода: S. Vučetić. Hrvatska knji-

этим вопросам, не восполняют пробела: целостная картина литературного развития XX века еще не создана. Поэтому ос-

ževnost 1914—1941. Zagreb, 1960. Вопросам периодизации истории югославских литератур был посвящен симпозиум, состоявшийся в Сараеве в декабре 1964 г. Материалы этого симпозиума опубликованы в ж. «Putevi», Banja Luka, 1965, № 3.

новная заслуга авторов «Панорамы хорватской литературы XX века» — книги объемной, насыщенной фактами и обобщениями, правда довольно разноречивыми, состоит в смелости исследователей, преодолевших многие трудности, причем не только научного характера. Им пришлось преодолеть также преубеждения и скептицизм, обосновать возможность создания истории хорватской литературы. Редактор книги Влатко Павлетич с полным правом говорил об этой работе как о первой попытке обобщения литературного процесса недавнего прошлого и сегодняшнего дня, необходимой ступени для дальнейшего более глубокого исследования. Авторы книги и ее редактор не пытались смягчить и свои расхождения по целому ряду важнейших проблем, и дискуссионность многих вопросов — и это делает книгу действенной участницей сегодняшних литературных споров.

«Панораму» открывает статья М. Франичевича, обосновывающая периодизацию рассматриваемого литературного этапа. И хотя точка зрения Франичевича разделяется не всеми авторами труда (о чем свидетельствуют их статьи), построение книги основано на предложенной Франичевичем периодизации. Выделены три основных периода в литературе XX века: «Хорватский модерн», «Литература между двумя войнами», «Современная литература». Выделение основных периодов не вызывает возражения, и спор может идти лишь об уточнении границ между ними. Мне кажется, что искусственно изолированными и слишком «независимыми» от общей периодизации оказались журнальная периодика и литературные явления, связанные с диалектами («Проблема диалектов в хорватской литературе» — М. Франичевич и «Журналы 1914 — 1963» — М. Ваупотич). Эти проблемы, конечно, могут быть предметом самостоятельного изучения (что доказывают, в частности, многочисленные работы М. Ваупотича, собравшего и обобщившего огромный и ранее совершенно не изученный материал по истории межвоенной и послевоенной литературной журналистики), но в таком обобщающем исследовании, как «Панорама», весь этот материал целесообразнее было бы рассматривать внутри каждого раздела.

«Хорватский модерн» написан Иво Хергешичем. «Литература между двумя войнами» состоит из четырех глав, написанных четырьмя авторами: Пoesия — Никола Миличевич; Проза — Мирослав Ваупотич; Драма — Бранко Хечимович; Критика и критики — Влатко Павлетич. «Современную литературу», т. е. литературу после 1941 г., представляют пять глав. Кроме глав о послевоенной прозе (Иван Сламниг), поэзии (Далибор Цвитан), драматургии и театре (Иво Хергешич) и критике (Д. Цвитан) выделена особая глава о по-

эзии военного времени (Неделько Миханович). Авторский коллектив стремился охватить все важнейшие участки литературного творчества, как можно шире представить картину литературного развития, выделяя главные его линии, как они виделись автору той или иной статьи.

В небольшом вступительном слове В. Павлетич предупреждает, что авторы не исходили из каких-то общих, совместно выработанных точек зрения, что каждый пользуется собственными критериями и что ему — редактору книги — нередко приходилось смирять свой темперамент критика, испытывавшего желание выступить в полемику с авторами глав. Но... он понимал, что это значило бы написать новую книгу. Критик этого большого коллективного труда, собственно, находится в таком же положении и, конечно, в рецензии лишен возможности хотя бы коротко высказаться по спорным вопросам.

Книга рассчитана не только на специалистов-литературоведов, и поэтому авторам стоило бы аргументировать свою точку зрения, а не просто ее констатировать (экспрессионизм в хорватской литературе — течение, стиль или метод? социальная литература и социальный реализм — течение или группа? Крлежа и Цесарец — изолированные фигуры или зачинатели революционной литературы в Хорватии? и т. д.). Спорна граница между периодом «Хорватского модерн» и межвоенным: если М. Франичевич пишет, что 1918 год был бы наиболее естественной вехой, то в последующих главах выступают разные даты (Н. Миличевич — 1914; М. Ваупотич — 1918; Б. Хечимович — 1918; В. Павлетич — 1914).

Поскольку авторы придерживаются разных точек зрения, то трудно было дать общее введение к разделам, освещающее процессы, характерные и для прозы, и для поэзии, и для драмы, течения или тенденции, определившие развитие литературы в целом. Зачастую несопоставимо различны критерии, выдвигаемые авторами. Например, М. Ваупотич подразделяет прозаиков межвоенного периода не по эстетическому и не по идейному признаку, а по какой-то совокупности столь разнородных и несовместимых критериев, которые позволяют ему выделить двадцать одну группу, да еще с внутргрупповым делением.

Не навязывая друг другу своих взглядов, можно было, как представляется, договориться относительно того материала, который подлежит освещению в разных главах. Автор главы о «Хорватском модерне» рассматривает творчество писателей только до 1914 г. Но целая группа писателей того времени активно выступала и в последующие годы. Так почему же М. Ваупотич отводит место прозе М. Беговича и В. Назора, а Н. Миличевич не говорит о поэзии Назора межвоен-

ных лет, так же как и автор главы «Военное поколение поэтов» (название главы дает возможность разного толкования ее содержания)? Такой же разнотой и в разделе о послевоенной литературе. И. Сламниг включает в главу краткую характеристику творчества прозаиков, погибших во время войны (Х. Кикича, И. Козарчина и И. Ковачича), считая их участниками и послевоенного литературного процесса, непосредственными его предшественниками. Затем следует анализ творчества прозаиков, представляющих разные тенденции современной хорватской прозы. Автор же раздела о современной поэзии Д. Цвитан сужает рамки статьи, освещая только одну тенденцию, проявившуюся начиная с 50-х годов, и не считает нужным даже упомянуть о существовании других. Мне кажется, что, говоря о поэзии послевоенного периода, нельзя игнорировать вопрос о том, какое место в ней занимает творчество таких, например, поэтов, как Д. Тадиянович, Д. Цесарич, Г. Крклец, умерший в 1955 г., Т. Уевич и др.

По-моему, уже настало время, когда можно достаточно беспристрастно разобраться в первом периоде литературного развития после 1945 г., попытаться объективно оценить его историко-литературное значение и в связи с этим его достоинства и недостатки. Во всяком случае, эта попытка делается в главе о современной прозе. Разумеется, это несколько не исключает спора по отдельным вопросам вокруг конкретных оценок. Речь идет о духе анализа, его методологии. Вряд ли серьезный научный анализ особенностей литературного развития того времени можно заменить фразами вроде заявления о том, что данная книга (речь идет о книге М. Франичевича «Писатели и проблемы», 1948) «больше не привлекает нас, так как в значительной мере она пронизана духом социалистического реализма» (кстати, воспринимаемого критиком очень статично по работам только нескольких советских авторов конца 40-х годов). Против такого подхода справедливо возражает в другом месте и сам Д. Цвитан, но по отношению к другой литературной тен-

денции, которую он тонко анализирует и активно пропагандирует. Такое предпочтение одной тенденции и игнорирование других явлений обедняет и упрощает представление о литературном процессе.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться, — это научный аппарат книги. В предисловии В. Павлетич замечает, что в данной работе не стоит искать исчерпывающих био-библиографических данных и отсылает к другим книгам, содержащим эти сведения. Но научная ценность «Панорамы» повысилась бы, если бы в ней была дана хотя бы выборочная библиография основных работ по литературе XX века, так же как и сведения о критических работах об отдельных, самых крупных писателях. И совершенно, на мой взгляд, необходим сопроводительный научный аппарат. В некоторых главах нет сносок на цитируемый материал, нет указания на даты выхода произведений, о которых идет речь, выходных данных книг, из которых берутся отрывки художественных произведений. В тексте есть упоминания о ранее написанных по тому или иному вопросу статьях или книгах, но опять-таки без ссылок на время и место их издания. Правда, тут есть хорошие исключения. М. Ваупотич счел необходимым предварить анализ прозы межвоенного периода информацией о ранее вышедших исследованиях и антологиях и посвятил этому две с половиной страницы, а глава И. Хергешича о современной драматургии по существу является библиографическим обзором.

Попытки найти обобщающие решения даже по отдельным вопросам или периодам дают повод для споров, для следующего аргументированного разговора. Такая большая работа, как «Панорама хорватской литературы XX века», должна, по самому своему замыслу, положить начало дискуссии. Можно придерживаться других взглядов на проблемы литературного развития XX века в целом, отдельные его периоды или творчество того или иного писателя и отстаивать их в научном споре, но не признавать важность этой работы нельзя.

Г. Я. Ильина

W. BUDZISZEWSKA. *Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej*. Wrocław, 1965, 357 s. (Komitet słowianoznawstwa Polskiej Akad. nauk. Monografie sławistyczne, 6)

В. БУДИШЕВСКАЯ. *Славянская лексика, относящаяся к живой природе*

В серии «Monografie sławistyczne», издаваемой Комитетом славяноведения Польской академии наук, вышла книга В. Будишевской «Славянская лексика, относящаяся к живой природе». Автор ставит перед собой задачу изучить распространение в современных славянских

языках не всех слов, обозначающих в настоящее время различные предметы и явления живой природы, а лишь исконно славянских слов и древнейших заимствований, датируемых праславянской эпохой. Не рассматриваются также все позднейшие ботанические, зоологические и

другие термины. Книга В. Будишевской представляет собой словарь, где материал группируется по тематическому принципу (названия частей тела человека; названия диких и домашних животных; названия однолетних растений, трав, деревьев, кустов). В книгу включено около 1400 словарных статей. Внутри каждого раздела статьи сначала располагаются слова, известные всем славянским языкам, затем слова, имеющие ограниченное распространение. В качестве исходных берутся польские слова. К книге приложены две карты-схемы, которые дают наглядное представление о распространении в славянских языках нескольких десятков слов.

Несомненна важность и актуальность книги В. Будишевской. Впервые в славянской лексикологии предпринята попытка сравнительно-исторического (и отчасти лингвогеографического) изучения не отдельных лексем или небольших лексических групп, а ряда широких лексических групп, составляющих известное единство. Автор стремится свести воедино сведения, касающиеся этимологии, истории и распространения в современных языках и диалектах названий, относившихся к сфере живой природы.

В результате исследования В. Будишевской удается выделить круг слов (свыше 300, список их см. на стр. 296), общих всем славянским языкам или большинству их. Изучение этого лексического пласта приводит ее к некоторым заключениям общего характера о степени изменчивости лексем, составляющих указанные выше разряды. Так, наиболее стабильными оказываются некоторые, восходящие к праславянскому периоду, названия частей тела, а также многих животных, растений и деревьев, которые играли важную роль в хозяйственной жизни древних славян. В названиях других растений, плодов, злаков наблюдаются несущественные различия. Гораздо большая дробность отмечена в обозначениях ряда птиц, насекомых, пресмыкающихся и т. д. Именно в этой группе много вторичных, переносных названий. По мнению В. Будишевской, лишь о единичных словах можно говорить, что они характеризовали не весь праславянский язык, а какой-то его диалект; в праславянскую эпоху различия касались главным образом фонетико-морфологической стороны известных слов, и противопоставления типа *kruska* — *gruska* были основными (стр. 297).

Заслуга автора книги и в том, что она не только дает богатую (хотя и неисчерпывающую) коллекцию названий различных предметов и явлений живой природы, но и стремится установить специфически лексические связи как между отдельными славянскими языками, так и между более или менее значительными их группами. Например, подробно рас-

сматривается лексика, характерная лишь для северо-западных (термин автора) славянских языков (стр. 300—301), подчеркивается существование тесных связей между украинским и южнославянскими языками (стр. 303), между чешским и словацким, с одной стороны, и южнославянскими, с другой (стр. 304). Много внимания уделяется восточнославянско-польским (стр. 311—313), а также польско-лужицким (стр. 320) лексическим параллелям.

Таким образом, можно сказать с уверенностью, что книга В. Будишевской «Славянская лексика, относящаяся к живой природе» будет полезна всем, кто занимается славянской лексикологией.

Однако эта книга не свободна от существенных недостатков, которые определяют спорность или ошибочность многих выводов автора. На некоторых недостатках считаем целесообразным остановиться подробно.

1. Естественно, что по-настоящему успешное решение задач, связанных со сравнительным изучением лексики, зависит прежде всего от материала, на котором автор строит свои выводы. Первое, что бросается в глаза, — различный по отдельным языкам объем материала, который привлекается для характеристики ареала тех или иных лексем. В одних случаях автор привлекает достаточный материал из словарей современных языков, исторических словарей, диалектологических исследований, в том числе и неопубликованные материалы. В других случаях материал явно недостаточен. Например, весьма скудны данные восточно- и южнославянских языков (особенно русского, украинского, болгарского), словацкого. Это впечатление, возникающее при чтении книги, укрепляется при знакомстве с приведенной в конце библиографией. Так, материал русского языка, вероятно, черпался из двуязычных словарей. Во всяком случае, за исключением словаря В. Даля, автор не упоминает ни одного фундаментального словаря русского языка. Точно так же нет ссылок на важные лексикографические труды по украинскому, словацкому, болгарскому языкам, опубликованные в последнее время, а труды, упомянутые в списке литературы (словари Б. Гринченко, Н. Герова), не всегда используются (см. об этом ниже). Поражает и чрезвычайная бедность привлекаемых диалектологических данных: игнорируются не только многочисленные описания диалектов, но и большинство лингвистических атласов (не учитываются, например, атласы болгарских говоров на территориях Болгарии и СССР, атлас белорусского языка, атлас Восточного Полесья И. Гарнацкого, атлас закарпатских говоров И. Дзендзелевского). Автор почему-то избегает и материалов польских атласов («Атласа

Польского Подкарпатья» М. Малецкого и К. Нича, региональных атласов К. Дейны и даже, как ни странно, «Малого атласа польских говоров»), хотя в отдельных случаях это существенно изменило бы взгляд автора на распространение в польском языке тех или иных лексем или значений. Приведем только два примера. На стр. 168 находим рассуждение, согласно которому слово *ziele* в польском не имеет значения 'кауста', что противоречит данным «Малого атласа польских говоров» (т. III, карта 131). Неверно утверждение и о том, что только в старопольском употреблялось слово *obile* (там же, т. V, карта 215); из карты 215 также ясно, что в польских диалектах слово *ziarno* имеет значение 'zboże', информация о котором отсутствует в словарной статье *ziarno* (стр. 174).

Значительные пробелы в литературе по избранной теме, случайное и явно недостаточное использование различных словарей и коллекций диалектной лексики — все это закономерно приводит к тому, что некоторые заключения автора оказываются просто неверными, другие нуждаются в серьезных поправках. Приведем несколько примеров.

Из схемы 1 и соответствующей словарной статьи (стр. 86) следует, что украинский язык не знает формы, восходящей к **kъrtica*, однако в западноукраинских говорах известна *киртиця* (ср. Б. Гринченко, т. 2, стр. 236; атлас И. Дзендзелевского, т. I, карта 13). Из схемы 2 и из рассуждения на стр. 268 можно заключить, что в украинском слово *жир* не обозначает 'плод букового дерева', однако это неверно (ср. хотя бы Б. Гринченко, т. I, стр. 484). На схеме 1 и на стр. 138 отмечается, что слово *slimak* отсутствует в словацком; это опровергается данными словаря А. Исаченко (т. 2), а также четырехтомного словаря словацкого языка (т. IV); есть оно и в некоторых словацких диалектах.

В схеме 2 и в тексте (стр. 155) указывается, что лексемы, родственные польск. *dzdżownica*, отсутствуют в сербско-хорватском, однако ср. с.-х. *duždevňak* 'Salamandra' и родственные формы, приводимые М. Хирцем и Н. Толстым¹. На стр. 186 сказано, что слово *polog* — южнославянское (кстати, на схеме 2 допущена ошибка: из подзаголовка следует, что это слово отсутствует в южнославянских языках², но в украинском оно

также есть: *polig* (Б. Гринченко, т. 3, стр. 254).

На стр. 179 указано, что в болгарском языке *жито* имеет значения 'пшеница', 'зерновые'. Учет данных западноболгарских диалектов позволил бы включить в книгу еще и значение 'рожь' (см. «Известия на семинара по славянска филология», т. VIII—IX, София, 1948, стр. 366). В статье *zolna* (стр. 99—100) также отсутствуют данные по болгарскому языку, однако это слово приведено у Н. Герова, есть оно и в диалектах.

2. Установление происхождения отдельных слов не входит в задачу работы В. Будишевской, поэтому в ней принимаются уже «готовые» этимологии. При этом, кроме этимологии, кажущейся автору наиболее убедительной, кратко указывается, является ли она общепринятой или в данном вопросе существуют расхождения. Этот принцип нам кажется правильным. К сожалению, он не проводится последовательно. Например, вслед за А. Преображенским, принимается иранская этимология слова *sobaka* (стр. 78) и не учитывается критика этой точки зрения О. Трубачевым³. Сложнее, чем он представляется автору, вопрос об отношении польско-словацкого *kierdel*, *krdel*, с.-х. *krd* к праславянскому **kerda*. Видимо, необходимо учитывать родственные балтийские и германские формы⁴.

3. Остановимся еще на одном, на наш взгляд, существенном вопросе. В предисловии и заключениях В. Будишевская подчеркивает, что она видит свою задачу «прежде всего в изучении наиболее древних пластов славянской лексики» (стр. 291). Однако в книге рассматривается довольно много слов, возникновение которых относится к более поздним эпохам развития отдельных славянских языков. Наиболее показательны в этом отношении названия некоторых сельскохозяйственных культур, диких растений, насекомых, птиц. Даже если допустить, что в работу такого типа, как книга В. Будишевской, наряду с праславянскими могут быть включены и более новые названия (хотя это само по себе нуждается в соответствующем обосновании), то и в этом случае должен действовать строгий принцип отбора лексем, непременно должно быть объяснено, почему одни лексемы включаются в книгу, другие — нет. Автора можно упрекнуть в непоследовательности. Например, для растения '*Zea maïs*' дается лишь одно название — *kukuru-*

и стр. 120), **leŕija* (схема 1 и стр. 190), *seŕk* (схема 1 и стр. 263), *smreč* 'jałowiec' (схема 2 и стр. 274).

³ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 30 и след.

⁴ Там же, стр. 105.

¹ М. Н и р т з. Rječnik narodnih zooloگیčkih naziva, knj. II. Zagreb, 1957; Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 1. 'Дождь'. 2. 'Саламандра'. — Вопросы славянского языкознания, вып. 6, 1962.

² Кроме указанного случая, мы заметили еще несколько расхождений между данными соответствующих словарных статей и схем: по словам **vъdud* (схема

dza (стр. 193), хотя нет основания не рассматривать другие: болг. *царевица, влашка, гълъби*; укр. *тенгерця, мелай* и др. Вряд ли некоторые из перечисленных названий исключены из анализа лишь на том основании, что они являются поздними заимствованиями, поскольку ряд заимствований такого типа рассматривается на страницах книги. Так, на стр. 163 приводится *jedwabnik* (в польском, чешском, словацком — из германских языков); чеш. *bourec* (из латинского), н.-луж. *žyžak*, в.-луж. *žize* < нем. *Seide*. Только одно название — *zimniak* — приводится для растения '*Solanum tuberosum*' (стр. 194), хотя о богатстве их в славянских языках можно судить как на основании данных словарей, так и по некоторым исследованиям⁵. В книге, кроме названия *biedronka* '*Coccinella*' (стр. 159—160), отдельными статьями приводятся многочисленные узколокальные названия: н.-луж. *styńsko*,

⁵ С. Стойков. Названия на картофите в болгарски език. В сб.: «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов», София, 1957; Я. В. Заревська. Українські назви картоплі *Solanum tuberosum* (на матеріалі т. 2 «Атласа української мови»). — «Дослідження та матеріали з української мови», т. VI, Київ, 1964.

boža krówka, božij volak, marijka, но тогда нет оснований отбрасывать подобные же названия, например, в украинских говорах; *заулька, оленка, ворожка* и т. п.

Поскольку не определены принципы отбора лексем, то не ясно, почему есть словарные статьи *dziob, klivak* (стр. 51), но нет болг. *човка*; почему включены статьи *czaszka* (стр. 14), *łęb* (стр. 15), *kita, przepuklina* и даже единичное н.-луж. *pšechtump* (стр. 44), но отсутствуют статьи, посвященные русск. *череп*, названиям, восходящим к **gruzja*.

Можно сделать и ряд более частных замечаний. Так, исторический материал приводится непоследовательно, носит нередко случайный характер; не ясна, например, цель информации такого рода: «с.-х. *svraka*, ср. серб. (с XVI в.) *svraka*» (стр. 94), «с.-х. *osa*, ср. серб. (с XVII в.) *osa*» (стр. 145) и т. п.

Таким образом, недостатки книги В. Будишевской «Славянская лексика, относящаяся к живой природе», весьма существенны. Однако мы полагаем, что при достаточно критическом отношении к выводам автора читатель сможет извлечь несомненную пользу из знакомства с этой книгой, поскольку она подводит некоторые итоги изучения важного пласта славянской лексики.

Г. П. Клепиков

«Изборник 1076 года». Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. «Наука», 1965, 1090 стр.

Опубликованная рукопись до сих пор была известна как «Изборник Святослава 1076 г.» или «Сборник Святослава 1076 г.». Эти названия были даны по аналогии с «Изборником Святослава 1073 г.», который, как сообщается в послесловии, написал Иоанн дьякъ изборникъ съ великоуоуму князю стославу (л. 263 об.)¹. Подобных свидетельств в Изборнике 1076 г. мы не находим: кончаша сь конгы сна роукоу гркъшааго ноаа избрано из мьногъ книгъ княжихъ. . . . кончахъ княжкы сна. . . при стославѣ князи роускыи зсала (л. 275 об.—276, стр. 700—701 настоящего издания). В приведенной цитате нет указания на то, что сборник написан по заказу или для князя. Помимо того, он не переписан с готового сборника, а составлен Иоанном из многих книг княжых. Анализ письма показал, что почерки Иоанна, составителя рассматриваемого сборника,

и дьяка Иоанна, списавшего Изборник 1073 г., — разные (см. стр. 123). Изборник 1076 г. писали два ища (стр. 97 и сл.). Эти данные послужили основанием для названия сборника «Изборник 1076 г.».

Рецензируемый Изборник 1076 г. состоит из «Предисловия» (стр. 5—6) и следующих разделов: «Из истории изучения Изборника (стр. 7—29) — автор Г. Ф. Нефедов; «Палеографическое описание» (стр. 30—128) — В. С. Голышенко; «Оптико-фотографическое исследование рукописи» (стр. 129—134) — Д. П. Эрастов; «Воспроизведение текста» (стр. 135—147) — В. С. Голышенко. Текст самого Изборника 1076 г. занимает стр. 151—701.

Воспроизведен текст рукописи буква в букву, строка в строку, лист в лист со всеми строчными и надстрочными знаками. Все места, прочитанные с трудом, но проверенные или восстановленные при помощи фотоанализа, заключены в угловые скобки < >, а дефектные места, чтение которых затруднено вследствие воздействия в прошлом на рукопись высококислотной жидкостью, заключены в квад-

¹ С. П. Обнорский, С. Г. Барударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Л.—М., 1938, стр. 21.

ратные скобки []. Места же, вовсе не поддающиеся чтению даже вооруженным глазом, отмечены пунктирными точками, число пунктиров равно числу отсутствующих букв. Таким образом издание воспроизводит многие места рукописи, которые для невооруженного глаза потухли и не читаются.

Текст Изборника набран обычным светлым корпусом, только буква «а» передана как *а* и добавлены буквы *и, ѓ, ѡ, ж, ѣ, ѵ*. Таким образом, с точки зрения наборной техники текст рукописи передается точно, хотя при этом теряется зрительное впечатление архаичности текста, создаваемое специальным старославянским полужирным шрифтом. Желательно, чтобы издательство Академии наук возродило прошлые традиции издавать пергаменные рукописи специальным шрифтом.

Обнаруженные греческие параллели к славянскому тексту Изборника 1076 г. с пояснениями помещены на стр. 703—824. Вся кропотливая работа по подбору греческих параллелей с приведением различий выполнена В. Ф. Дубровиной. Примечательно, что греческие тексты параллели пока обнаружены не более как к половине славянского текста Изборника. Специальные разыскания должны показать, являются ли остальные, не имеющие греческих параллелей, славянские тексты оригинальными или переводными.

Изборник содержит словоуказатель (стр. 825—1055), составленный В. Г. Демьяновым. Он имеет свыше 3000 заглавных и 120 отсылочных слов с указанием всех случаев их употребления. При составлении словоуказателя использованы рукописные материалы В. А. Боброва, в начале текущего столетия подготовившего к изданию рецензируемый памятник письменности.

В приложении (стр. 1059—1090) приведены 28 фотоснимков отдельных листов рукописи.

Подготовка к печати такой рукописи, как Изборник 1076 г., оказалась исключительно сложной и трудной. «Рукопись, — читаем в статье В. С. Голышенко, — дошла до наших дней в плохом состоянии. Это относится не только к ее внешнему виду (перепутанные тетради, местами порванный, со следами сырости, покоробленный и затертый пергамент и т. п.), но, к сожалению, и к тексту» (стр. 32—33). Оказывается, не более 1/3 рукописи сохранилось в четком и читаемом письме XI в., остальная часть рукописи в XIV—XV вв. подверглась частично или полностью наведению выцветших букв рукописи XI в. Более того, уже в XIX в. с целью проявления потухших для чтения частей рукописи наносили настой чернильного орешка, в связи с чем многие места рукописи были безнадежно замазаны.

С целью прочтения всех сомнительных или вовсе нечитаемых частей рукопись была исследована с помощью специальных оптико-фотографических приемов в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР. Результаты такого изучения рукописи были самые неожиданные: во многих случаях удалось прочитать те буквы XI в., которые при наведении в XIV—XV вв. были изменены. Более того, проявились для чтения ряд мест, совершенно потухших для обычного, невооруженного глаза, и т. д.

Приведем несколько примеров: л. 42. 11—12 до сих пор читали *неоусъновениы* — оказалось, что в рукописи XI в. читалось не *н, ан, неоусъновениы*; л. 49. 1—2 читается *въскресеию*, в сочетании «*ре*» е написано наводчиком над *ь*, который прочитан в указанной лаборатории; л. 51. 2—4 читается *съмѣри съ аки манасица/ште тако молиши сѧ* — в рукописи XI в. и после *манаси* не было, текст читался *съмѣри сѧ аки манаси. аште тако молиши сѧ*; л. 51.10—11: *къто же ѡсть без грѣха* — в рукописи XI вместо *ѡсть* было *ю*; л. 51 об. 3—5: *ѡже соудити члвкоу съблѡзивъши сѧ гърдость ѡсть и мѣниѡ* — в 4-м слове *н* не было, а перед словом *мѣниѡ* было темно-коричневое пятно, под которым прочитан слог *съ*; л. 69. 7—10: *ѡже имаша крадець. а ихъ бже не имаша не имаша* (так в рукописи! — А. Л.) *не дастъ обрѣтъ* — на самом деле текст XI в. читался *а ихъ же не имаша...*, а *б* и титло дописаны наводчиком; л. 184 об. 3—4; *не пристоупи къ немѣ срѣцьмъ* (далее в обратном чтении *свои прѣ*) — последние два слова оказались отпечатком со следующего листа *свои прѣмоудрости*, а под отпечатком прочитано *двоинимъ*.

Приведенные примеры, количество которых нетрудно увеличить до ста и более, свидетельствуют, как много было сделано для того, чтобы точно передать текст рукописи.

Однако некоторые случаи словораздела вызывают возражения или недоумения. Так, если передача *безъ обличениа* (л. 97.12—13), *безъ вѣрмене* (л. 238 об. 3), *безъ гнѣва* (л. 233 об. 2—3), *съсоудъ... безъ дѣна* (л. 235 об. 3—4) не вызывает сомнений, то чтение *не безъ оума гнѣвати сѧ на ближнѣго* (л. 105 об. 5—6), с раздельной передачей *безъ оума*, являющегося переводом греч. *εἰχῆ*, думається, не оправданным; ср. *смыти* в Зографском евангелии: *ѡко гнѣвати сѧ на брата своего смыти* (Мф. V, 22), которое в восточно-болгарских списках заменяли словом *взвѣума*. Приведенный текст из Изборника означает 'зря, напрасно не гневаться на ближнего', а не 'без толку' или 'при отсутствии ума'. Ср. еще: *и безъ оума въ пирѣ не моудри сѧ. боуди ѡко же вѣды и мѣлчѧ* (л. 151 об. 8—10), где раздель-

ное написание *без оума* искажает смысл предложения: 'зря (напрасно) в пире не мудруй, будь знающим, но молчаливым', а 'без толку' или 'без рассудка'.

Также неоправдано раздельное написание *ис първа*, ср.: *пърже вѣка ис първа създа мѧ* (82 об. 8—9), где *ис първа* — 'из первых' или 'начала'? Как будто последнее. Тогда следует писать *исъ първа*, как и в следующих примерах: *Печаль велика испърва създана бжствъ* (л. 154 об. 8—9); *самъ испърва створи чловѣка* (л. 177 об. 1—2). Но в предложении: *како ти съ първа повѣдають о нихъ рекоуше* (л. 4. 5—7), кажется, впервые зафиксировано восточнославянское наречие *съ първа*, которое почему-то передано в раздельном написании. Отметим, что вообще в передаче наречий нет единой принятой системы. Более того, наречия как отдельные слова во многих случаях в словоуказателе не приведены в качестве заглавных слов — и это досадно.

В целом словоуказатель составлен тщательно, в нем зафиксированы все орфографические варианты слов и даже опечатки, но в ряде случаев он вызывает недоумение. В данном памятнике встречается передача восточнославянского *чловѣкъ* (л. 62.1; 77 об. 7—8; 61. 7), но непонятно, почему к таким чтениям отнесены начертания *члѣкъ*, *члѣвъ*, *члѣвскъ*. Это тем более странно, что в памятнике немало написаний *чловѣкъ*, *чловѣчь*, *чловѣчьско* и т. п.

Всего один раз находим обозначение числа 40 в предложении: *да сего дѣла и хсъ алака .м. дѣни* (л. 236 об. 3—4), и это .м. в словоуказателе помещено под заглавным словом *сорокъ*. Восточнославянское *сорокъ* читается уже в «Русской Правде», но сомнительно, чтобы в приведенном церковном тексте читалось *сорокъ*, а не *четыредесятъ*; ср. *дѣлѣвъ четыредесѣтѣ дѣни* (Юрьев ев. 1119 г.)². Не мудрствуя лукаво, .м. следовало поместить в соответствующем месте алфавита и к нему дать пояснение: «для обозначения числа 40», а также указать, где оно находится в тексте.

На л. 63 об. встречается редкий глагол *върпешѣ*, которым переведен греч. *ψηλαφῆς* 'дотрагиваешься', 'прикасаешься'. В словаре И. И. Срезневского имеется еще один пример: *Пърсти измасти, вде бы вбрѣлъ злато роуками върна* (из памятника XIII в.)³, где *върна*, кажется, означает 'руками разрывая или разбирая'. В картотеке Древнерусского словаря есть еще один пример из «Меряла праведного» (список XIV в.):

людѣ мѧ приставници ваши вернуть въроубоуше вы. Тут интересующее нас слово употреблено, по-видимому, в значении 'раздевают' или 'разоряют, грабят'. Последние два значения могли развиться из первого: 'дотрагиваться'. Ф. Миклошич приводит словн. *zvzpati* 'вырывать', надо полагать, из *vzrpati* < *vzъzrpati*, с оговоркой, что по отношению к *върпешѣ* словенское слово не находится в прямой генетической связи⁴. Думаем, что по форме и по значению *zvzpati* находится в генетической связи с предыдущимп. И. И. Срезневский реконструировал инфинитив приведенных форм в виде *врпсти*, М. Фасмер приводит этот инфинитив в начертании *върпсти*⁵, то же написание и в словоуказателе Изборника 1076 г. Формы *върпешѣ*, *върнуть*, причастие *върна* свидетельствуют, что это был глагол первого класса (по Лескину), который, надо полагать, изменялся по типу глаголов *съсѣти*, *тъкѣти* (ср. форму прич. *роубоуше*) и имел форму инфинитива *върпѣти* (вост.-слав.), *върпѣти* (юж.-слав.), что и подтверждается словн. *zvzpati*. Форму же инфинитива *върпсти* обосновать невозможно.

В целом, несмотря на отдельные недочеты, словоуказатель к Изборнику 1076 г. — большое достижение издателей.

Изданный памятник характерен во многих отношениях. По всем данным он составлен на Руси из разных источников. В одних из этих источников читалось *бракъ* (л. 79 об. 12), греч. *γάμος*, а в других — *сватѣба* (л. 10.3—4); в одних — *въна* (л. 19.6; 21.13 — это место не отмечено в словоуказателе; л. 139.9, 159 об. 2), а в других — *шѣна* (214 об. 13, 274 об. 8—9); в одних — *исъ първа*, в других — *съ първа* (см. выше); находим *десно* и *шюж* (58 об. 10—11), но нет *лѣвож*. Предлог *ради* употреблен 25 раз, рядом с ним *дѣла* — 33 раза. В данном памятнике ни разу не встречаются слова *еврѣки*, *еврѣкскъ*, вместо которых находим *жидовинъ*, *жидовскъ* или *иудеи иудейскъ* и т. д. Находим тут редкие слова, например, *дорѣсти* (165.10), передающее греч. *μερίς* 'доля', 'часть'; *безгаина* (115.6), передающее греч. *ἰσφαλῶς*; *пармени* (207 об. 3). Эти слова не встречаются в памятниках старославянской письменности. Отметим также: *обрѣтити* в примере *оудою обрѣти оумъ свои* (л. 30 об. 1—3); этот глагол встречается один раз в Хиландарских

⁴ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 384.

⁵ См. M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I. Bd. Heidelberg, 1953, S. 189 (русский перевод: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 300).

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 1513.

³ Там же, т. I, стб. 464.

листках: съмрътъь събрѣтъь са⁶; *рокъ* в обоих случаях (122 об. 2, 123 об. 11) передает греч. φρα; это слово дважды зафиксировано в Спнайском требнике и один раз в Супрасльской рукописи; *порода* (рай) (201 об. 9, 234 об. 2); *ласкавьць* (25.2—3), употребляемый в «Беседах папы Григория римского на евангелие»; *соромаживь* (102.13), образованное от *соромажь*, по типу *работажь*, зафиксированного в «Александрин», и многие другие, которые должны привлечь внимание лексиколога.

Изборник 1076 г. — памятник русской редакции, в котором обнаруживаем многочисленные случаи написаний полногласных сочетаний — *берема*, *борощьно*, *вередити*, *вередь*, *верема*, *ворогъ*, *золото*, *морозъ*, *морокъ*, *норовъ*, *перезе*, *порохъ*, *хоронити* и др., написания *чужий*, *чужь*, *въскъочи*, *ночь*, *трепечюшти*, *клевечжита*, *грокочжита* и др., отражающие восточнославянский рефлекс *tj/*kt, один раз (л. 221 об. 3) читаем *аче*, дважды встречаем приставку *вы-* — *вылазити*, *вымътати*; находим слова *мъдьольно*, *мъртва*, *жъртва*, *въ пьрси* и т. п., известные и по данным других памятников, также *череплють* (17.5—6 — в наведенном тексте; однако под наведенным не обнаружено написания ъ вместо е). Ср. *почьрьле* в «Путятной Минее» (л. 37 об.), *почьрьлаемъ*, *почьрьная*, *почьрьле* — в «Софийской Минее» списка XIII в.⁷ К сожалению, неизвестно, так ли было написано слово *череплють* в Изборнике 1076 г.; если так, тогда оно явилось бы самым ранним примером отражения второго полногласия на письме. Возможно, что приведенное написание — дело рук наводчика XIV—XV вв.

В целом мы должны констатировать, что данным изданием в науку вводится еще один вполне надежный источник,

⁶ С. М. Кульбакин. Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI века. СПб., 1898, стр. 7.

⁷ См. В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, стр. 197.

необходимый историком русского языка. Этот памятник, поскольку он составлен на Руси, может быть и источником для изучения истории древнерусского литературного языка. При этом Изборник, как и другие памятники, в частности «Повесть временных лет», Хроника Георгия Амартола, содержит в себе немало архаических черт языка, характерных для так называемых классических памятников старославянской письменности, например употребление местоимений *чьсо*, *котерии*, существительных *выи*, *сънъмъ*, *иночадъ*, *непривязнь* (дьявол, нечистый дух); прилагательных *велии*, *чльчь*, *тажжи*, *шюи*; предлога *ради*; глаголов *рѣхъ*, *ржиа*, *начать* (аорист), *слажьша* (причастие) и т. д. Эти черты сочетаются с элементами языка, характерными для восточноболгарских памятников письменности, например: *съборъ*, *съборище*, *дѣла* вместо *ради*, *безоума* вместо *спыти* или *ашюте*, *послоухъ* вместо *съвѣдѣтель*, *шии* вместо *выи*; *испѣрва* в значении 'псковн', *чась* в значении 'година', *писма* в значении 'буква' и *писание* 'священное послание' и т. п.

Такие слова, как *лечьць* 'врач', *соромаживий*, *простиа* и *жсть* (*бъ грѣшовъ*) (223 об. 6—7), *пршитениа* (*грѣшовъ*) (26 об. 3—4, 197.6), *спѣрва* также, возможно, и *гривьна* (украшение) и т. д., являются восточнославянскими. Слова же *комъkanie*, *рачити* в значении 'желать', *ласкавьць*, возможно и *каючарь*, *клеветарь*, сочетание *домъ молитвъ* по происхождению, кажется, западнославянские.

Словом, в Изборнике 1076 г., как и в других памятниках письменности древнерусского литературного языка, находим наличие разных элементов: архаических старославянского языка, восточноболгарских, восточнославянских и западнославянских.

Таким образом, следует приветствовать издание памятника древнерусской письменности, интересного не только в отношении языка, но и содержания.

А. С. Львов

MARIA NORSKA-GULKOWA. *Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skórzanych z Ostrowka w Opolu z X—XIII w.* — «Wiadomości archeologiczne», t. XXX, z. 1/2, Warszawa, 1964, s. 1—17

МАРИЯ НОРСКА-ГУЛЬКОВА. *Раннесредневековые вышивки на кожаных изделиях X—XIII вв. из Острювка в Ополье*

К теме украшения опольской обуви М. Норска-Гулькова обращается вторично; в первый раз ее задача была более широкой — рассмотреть украшения не только кожаных, но и других изделий¹. Настоящая же ее работа посвящена исключительно вышивке, украшающей вещи из кожи.

Подробная библиографическая справка, характеристика сырья, краткое описание кроя и техники пошива обуви, необходимых для вышивания инструментов — предшествуют тщательному анализу вышивок.

В культурных напластованиях Ополья, благодаря специфическим условиям, сохранились не только остатки обуви, но и частично вышивка на ней (72 экз.), позволяющая восстановить и оценить ее техническую (типы швов) и художественные стороны. Кожаные башмаки были расшиты цветным шелком или металлическим шнуром, иногда вышивка сочеталась с ажуром.

М. Норска-Гулькова разбирает композиции вышивок от самых простых до сложных сочетаний. Она отмечает наиболее распространенный орнамент в виде дорожек, во всех вариантах встречающийся на большинстве башмаков, не менее подробно останавливается и на единичных композициях. Автор тонко чувствует стиль вышивки, что особенно сказывается при восстановлении ею тех композиций, от которых сохранились лишь проколы и отпечатки нитей.

Кожаная обувь при раскопках встречается крайне редко и в очень плохой сохранности. Опольская же коллекция содержит богатейший и разнообразнейший материал по различным типам кожаной обуви X — XIII вв. Особенно интересна та часть остатков обуви, которая украшена ажуром, бронзовыми бляшками и вышивкой. Обязательное исследование этой коллекции, осуществленное М. Норской-Гульковой, трудно переоценить.

В частности, эта работа имеет особый интерес для археологов, изучающих мягкую кожаную обувь из раскопок древнерусских городов Новгорода, Пскова, Полоцка, Минска. Орнаментальные композиции вышивок древнерусской обуви перекликаются с вышивками на опольской обуви. Особенно близки простые рисунки в виде дорожек или прошив, а также от-

дельные элементы композиций: треугольники, ромбы, завитки, круги. Совпадают не только отдельные элементы, но и вышивальные швы, например швы «сіепоіауау» и «wodny», именуемые на Руси «гусем» и «веревочкой»². Для наших археологов несомненный интерес представляет и методика восстановления рисунка по отпечаткам нитей и проколам: ведь на древнерусской обуви, так же как и на опольской, нити, как правило, не сохранились.

В целом очень содержательная и интересная работа М. Норской-Гульковой все же имеет свои недостатки и вызывает некоторые замечания. Во-первых, о подготовке кожи при изготовлении обуви. Вслед за В. Голубовичем, М. Норска-Гулькова считает, что из кожи, подклеенной шпальтом (наперекрест — *E. O.*), изготовляли иногда не только верх обуви, но и подошвы (стр. 3). Оба автора, вероятно, здесь допустили ошибку. Дело в том, что от длительного пребывания в земле остатки обуви из недостаточно продубленной кожи расслаиваются на естественные слои. Причем верхний ровный слой настолько ломкий, что он в большинстве случаев при выемке из мокрой земли распадается окончательно, остается мягкий эластичный нижний слой, лишенный «личка». Иногда встречаются частично расслоившиеся детали обуви, которые и создают впечатление подклейки. Однако, ни письменные, ни этнографические источники не упоминают о проклеивании кожи.

Другое замечание касается заявления автора о возможности украшения готовых башмаков, надетых на колодку. На наш взгляд, вышивать готовую мягкую кожаную обувь трудно, но возможно; если же она надега на деревянную колодку, то вышивать вогнутую поверхность носка по меньшей мере неудобно, даже «с личка».

Что касается анализа вышивок, то, хотя в работе М. Норской-Гульковой есть названия (современные) и описания швов, в ней нет графического изображения их. Ведь одни и те же швы в разных странах или разных районах одной и той же страны в различное время по-иному назывались. Разной в терминологии швов вообще затрудняет изучение вышивок.

¹ M. N o r s k a - G u l k o w a. *Sztuka wczesnośredniowiecznego Opolia.* — «Kwartalnik Opolski», 1956, № 3.

² Е. И. Оятева. *Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова.* — «Археологический сборник», 1962, № 4.

Называя все вышитые кожаные башмаки общим наименованием «черевики», М. Норска-Гулькова не пытается связать форму обуви с характером украшения, а если судить по кожаной обуви из Гданьска, то определенным формам соответствовали и определенные виды украшений. Было бы очень ценно проследить здесь закономерность (если она существует) или просто упомянуть при описании вышивки, на каком башмаке она выполнена — с низкой или высокой хлявкой.

Опольские башмаки были расшиты (по определению специалистов) цветным шелком, что дало основание автору говорить о высоком уровне благосостояния жителей Ополя. Однако понятие «благосостояния» в статье не поясняется. Не ясно, имеет ли автор в виду общее благосостояние городских жителей или же здесь подразумеваются определенные социальные различия. Разные социальные группы населения Ополя могли носить вышитую обувь, но различия, возможно, все-таки существовали. На основании иллюстраций можно сказать, что башмак (рис. 4в, 14) с богатой орнаментальной композицией, расшитой шелком, имел дополнительные вырезы для крепления шпур и являлся принадлежностью костюма польского рыцаря. На основании этого факта следовало бы попытаться выделить обувь высшего сословия и мещанства, оперируя конкретным материалом.

Попутно возникает и еще один вопрос: все ли башмаки украшались только шелком или металлическим шнуром? Тем более, что в это же время в древнерусских городах женщины и дети носили кожаную обувь, расшитую не шелком, а цветной шерстью. Шерсть — продукт натурального хозяйства, и ее стоимость значительно ниже. Мы склонны считать вышитую обувь праздничной (может быть свадебной), но она была достоянием го-

родского черного люда (ремесленников, мелких торговцев и пр.), а не принадлежностью костюма исключительно высших слоев древнерусского общества. Обувь князей и их приближенных известна по иконописным и письменным источникам. Основное ее отличие — в дорогой цветной коже и вышивке шелками, жемчугами и драгоценными камнями. Однако, повседневная обувь высшего сословия могла не особенно отличаться от обуви всего остального, особенно городского, населения древней Руси. Кроме того, на костюм высшего сословия большое влияние оказывает мода, в то время как остальное население придерживается привычных национальных традиций.

В вопросе определения происхождения вышитой обуви по национальному признаку М. Норска-Гулькова предельно осторожна. Даже отмечая кровное родство в вышивках и композициях на кожаной обуви Ополя и Новгорода, она объясняет его торговыми связями. Очевидно, что не в торговых связях следует искать общие корни композиций вышивок польских и русских, а в общеславянском происхождении этих народов. Естественно, что своеобразие дальнейшего исторического развития западных и восточных славян в свою очередь отразилось как на их образе жизни вообще, так и на костюме (обуви как части костюма) в частности³.

Такие обстоятельные и ценные работы, как исследования М. Норской-Гульковой, дают новый материал для изучения быта и жизни славянского населения Западной Европы.

Е. И. Оятева

³ Е. И. Оятева. Художественные особенности древнерусской обуви XI—XIII вв. Тезисы сообщения на юбилейной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1964.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ НОВОСАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра южнославянских языков Новосадского университета начала выпускать с 1965 г. новое ежегодное издание «Прилози проучавању jezika». Нови Сад, 1965, 246 стр., которое целиком отдано начинающим лингвистам. Ответственный редактор этого издания проф. П. Ивич.

Студенты, учителя средних школ и другие лица получили возможность печатать свои первые научные опыты под руководством и при квалифицированной помощи видных лингвистов: П. Ивича, П. Джорджевича, Р. Коларича, М. Ивич, А. Младеновича. Редакция будет печатать се-

минарские, дипломные и магистерские работы, диалектологические материалы с мест и другие исследования.

В первом номере сборника помещено 10 статей, посвященных различным проблемам сербско-хорватского языкознания. Некоторые вопросы фонетики и морфологии современного литературного сербско-хорватского языка освещены в работах Й. Ерковича и Я. Шакнча. Й. Еркович в статье «Звуковая структура односложных слов в сербско-хорватском литературном языке» методом дистрибуции показал все возможные комбинации согласных и гласных в односложном слове,

сделал попытку определить закономерности, по которым комбинируются фонемы. В работе Я. Шалича рассматриваются прилагательные с суффиксом *-ie* /-*lie*, семантические типы, представленные в образованиях такого рода, продуктивность этих типов прилагательных.

Интересна магистерская работа В. Еркович, посвященная правописанию «Жития Симеона Немани» в списке конца XIII — начала XIV в. и выполненная статистическим методом. В работе показаны особенности правописания данного памятника, частота употребления графем, изменения графем с точки зрения зетско-хумской и рашской правописных школ.

Синтаксический анализ стиха по статистическому методу Р. Якобсона сделан в статье С. Васильева «Структура двух песен Момчиля Настасиевича».

Диалектный материал представлен в нескольких работах, различных по тематике. Д. Петровић описал две особенности звуковой системы иперского говора (Которская бухта в Черногории) — особые рефлексы *ь* и своеобразие фонемы *л* в системе латеральных. Две статьи посвящены топонимике. В. Михайлович показал участие суффикса *-iste* в образовании старых и новых топонимов Югославии, выделил несколько семантических типов с этим суффиксом. Статья Д. Петровича дает материал для изучения микротопонимии южной Бачки. Небольшой (около 200 названий), но любопытный материал для патронимического словаря содержит работа Й. Михайлович «Прозвища в Сремских Карловцах».

Две статьи сборника напечатаны на мате-

риале детской речи. Работа М. Микеш посвящена вопросам интерференции в процессе одновременного усвоения венгерского и сербско-хорватского вокализма. П. Влахович исследует генезис первых слов и предложений в речи детей. В выпуске помещены также краткие отчеты членов кафедры Новосадского университета д-ра А. Младеновича и ассистента Й. Кашича об их работе в 1964 г.

Включенные в первый сборник статьи разнообразны по тематике, методам исследования и уровню исполнения. Естественно, что они скорее отражают рабочий процесс творчества начинающего лингвиста, его попытки самостоятельного раздумья над материалом и, в меньшей мере, научные результаты исследования как теоретически осмысленные. Однако отсутствие опыта научной работы, владения методом научного анализа восполняется тщательностью, добросовестностью и четкостью исполнения, стремлением дать объективный (структурный) анализ материала. Этими качествами отличается большинство статей сборника. Материалы, помещенные в сборнике, представляют несомненный интерес и войдут в научный обиход как новые данные по сербско-хорватскому языкознанию.

Следует приветствовать полезную инициативу кафедры южнославянских языков Новосадского университета, благодаря которой появился печатный орган, объединяющий и воспитывающий лингвистические кадры Югославии.

Р. В. Булатова

О КНИГЕ Я. ТШНАДЕЛЯ «ТВОРЧЕСТВО Б. ЛЕСЬМЯНА»¹

Книга Яцека Тшнаделя, посвященная творчеству виднейшего польского поэта Б. Лесьмяна, — итог глубокого изучения поэзии и прозы Лесьмяна, его литературно-критических и философских работ. Книге предшествовали две обширные публикации и ряд статей автора.

Тшнадель считает, что в польской поэзии XX века Лесьмяну принадлежит особое место, стремится отделить Лесьмяна от европейского символизма конца XIX — начала XX века вообще и от польского модернизма в частности². Это особенно интересно, потому что представители различных направлений в польской критике, начиная с С. Бжозовского, говорили об оторванности Лесьмяна от жизни, связывали его с модернизмом, что, впрочем, уживалось с высокой оценкой творчества Лесьмяна (труды О. Орт-

вина, К. Ижиковского). Тшнадель же, акцентировав внимание читателей на проблеме «Лесьмян и его время», провел глубокую грань между поэтом и польским модернизмом.

Нам хотелось бы «взять под защиту» предшественников Тшнаделя, которые связывали творчество Лесьмяна с модернизмом, имея в виду его уход от реальных, конкретных общественных проблем современности.

Черная источник вдохновения в народных сказках и мифах, тяготея к гротеску, Лесьмян создал свой «лесьмяновский» мир фантазий. В уходе в «сказку», в «прапоху» Тшнадель усматривает негативное отношение поэта к настоящему, к современности. Но ведь нужно видеть, что «мотив великого возвращения» к истокам человеческой цивилизации вмешает в себя сложный комплекс лесьмяновского отношения к жизни, искусству, природе, человеку.

Народная поэзия разных стран и художественная практика символистов, фи-

¹ J. Trznadel. Twórczość Leśmiana. Warszawa, 1964, 377 s.

² Тшнадель ставит знак равенства между символизмом и модернизмом.

лософия Бергсона и полная тайн мифология древнего Востока — всё это своеобразно преломилось в поэтическом видении мира Лесьмяна, — в видении, где иррациональное начало соединялось с любовью ко всему живому, меняющемуся, а стремление проникнуть в тайны явлений — с одновременным желанием сохранить «загадку». По-видимому, пути Лесьмяна с символистами пересекались. А если говорить о неприятии действительности, так оно было свойственно художникам-модернистам. И не всегда последние уходили от «грозной современности» в «золотые сны». С нашей точки зрения, расхождение Лесьмяна с символистами, именно с символистами, следует искать в стремлении Лесьмяна к конкретности. Лесьмяновский мир полон загадок, и одновременно он удивительно живой, осязаемый, пластически-конкретный. Это расхождение следует искать в новаторском обращении Лесьмяна с поэтическим словом, которое уходит своими корнями в народно-песенные традиции, в старопольский язык, — обращение, которое предвосхитило ряд экспериментаторских лирических в польской поэзии межвоенного двадцатипятилетия.

Итак, Лесьмян и его время. Лесьмян безусловно был связан с ним, связан через отрицание окружавшей его действительности, но эта «связь» не является, с нашей точки зрения, той глубокой гранью, которая, по мнению Тшнаделя, отделяла поэта от модернизма. Оставалась прочной связью Лесьмяна с философско-эстетическими направлениями его времени, с новейшими тенденциями в искусстве.

Одна из глав книги Тшнаделя посвящена народности Лесьмяна. С нашей точки зрения, это самые яркие страницы книги. Анализируя эту наиболее характерную сторону творчества Лесьмяна на фоне широких европейских культурных традиций, Тшнадель определяет народность поэта как оригинальную художественную и философскую структуру, противопоставляя ее модернистской стилизации под народность. В этом смысле характерно и отрицание действительности — уход в «миф», «сказку», и удивительная уния Лесьмяна с природой, и юмор Лесьмяна как выражение народной мудрости, и поэтичность трагического мироощущения. В сложном комплексе лесьмяновского отношения к жизни, природе, человеку исследователь видит народные истоки.

В плане народности привлекает к себе внимание интерпретация лесьмяновской теории ритма, а именно ее ориентации на коллективного слушателя.

От проблемы народности автор переходит к проблеме гуманизма. Он пытается выяснить различные проявления гума-

низма Лесьмяна. Проблема и понятие гуманизма у Лесьмяна, по определению Тшнаделя, — «предмет художественного внимания, совершенно обособленный и как бы непосредственный» (стр. 328). Тшнадель тем самым противопоставляет поэта художникам, у которых сама атмосфера поэзии гуманистична. Подобное противопоставление представляется неверным. И разве исследователь не опровергает себя анализом лесьмяновской поэмы «Луг» из сборника с одноименным названием? Разве не гуманистическую атмосферу имеет он в виду, возражая критикам, говорившим о «полном безлюдии» поэмы? Соглашаясь с определением Тшнаделя концепции человека в творчестве Лесьмяна, его взглядов на современное общество (противопоставление последнему эпохи Ренессанса, образов людей «убогих», живущих особой жизнью), признавая правомерным противопоставление поэтического видения мира Лесьмяна аристократизму модернистов, — невозможно не заметить и других моментов: тревожной настроенности его ранней интимной лирики, которая пробивается даже сквозь сказки «Луга». Откуда это? От символизма? От его недосказанности и тревожности? Или это предвосхищение будущих гуманистических циклов, в которых общественное звучит в личном «я» поэта? И не является ли это составной частью поэтически-философского взгляда Лесьмяна на мир, который в реальном его виде с самого начала не приемлет поэт, на общество, в котором он постоянно чувствует себя тревожно, даже погружаясь в сказки своих лесных и луговых фантазий? И еще одно. Несомненно, что гуманистическая позиция — это конечный этап творческого пути Лесьмяна. Несомненно и то, что гуманистическая интонация усиливается в его любовной лирике последних лет, которая становится глубже, психологичнее. И все же нам кажется, что психологические нюансы (и их много!) есть и в его ранних эротических стихах. В них уже улавливается сложная гамма чувств, правда, здесь нет еще настроения ущемленности и печали, которым будет окрашено позднее творчество поэта.

В заключение хотелось бы отметить стремление Тшнаделя вскрыть сложность лесьмяновской поэзии. Что же касается проблемы обособленности Лесьмяна от модернизма, то решение ее Тшнаделем показалось нам наиболее уязвимым. Но несмотря на противоречивость и спорность отдельных моментов, книга Тшнаделя представляет собой ценное исследование — оригинальную интерпретацию творчества одного из выдающихся польских поэтов XX века.

Н. А. Богомолова

«Přispěvky k dějinám česko-ruských kulturních styků». Sv. 1. Praha, «Svět sovětu», 1965, 208 s. (Státní knihovna CSSR. Edice Slovanské knihovny)

«Статьи из истории чешско-русских культурных связей»

Славянская библиотека в Праге приступила к выпуску серии сборников статей, посвященных проблемам истории чешско-русских культурных связей. В предисловии Й. Стриадела говорится о том, что в задачи современной библиотеки входит «не только обыкновенная библиотечная и библиографическая обработка библиотечных фондов, в целях сделать их доступными для читателей, но и, по возможности, разыскание и подробная специальная обработка материалов, служащих научной работе в принадлежащих библиотеке отраслях, на основе источников в литературе, которую библиотека годами систематически собирает».

В первом выпуске серии содержится шесть статей, написанных сотрудниками Славянской библиотеки и ее читателями. Они затрагивают широкий круг вопросов истории чешско-русских контактов, главным образом в музыкальной и театральной жизни XIX века. Сборник открывается статьей Я. Прохазки, освещающей некоторые малоизвестные стороны пребывания в Чехии великого русского композитора М. И. Глинки. Тому же автору принадлежит статья об истории постановки в 1871 г. на сцене Временного театра в Праге оперы чешского композитора Э. Мехуры «Мария Потоцкая», созданной по мотивам поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Либретто написал Й. Коларж — неутомимый пропагандист русской культуры в Чехии во второй половине XIX в. Своего рода дополнением к названной статье может служить помещенный в конце сборника «Список русских опер и опер на русские сюжеты, исполнявшихся на чешской

сцене». Чрезвычайно ценно, что составитель списка Я. Прохазка приводит также краткую хронику истории чешско-русских оперных связей с 1745 по 1945 г.

Если статьи и публикации Я. Прохазки раскрывают историю распространения русской культуры в Чешских землях, то остальные материалы касаются деятельности представителей чешской эмиграции в России. В статье М. Постлера «Жизнь и творчество Эдуарда Направника» на основании обширного круга источников рассматриваются важнейшие этапы творческого пути выдающегося чешского композитора, занявшего видное место в истории русской музыкальной культуры. Журналистская деятельность чешского композитора Игнатия Войачека, с 1853 г. переехавшего в Россию и активно участвовавшего как в русских, так и чешских периодических изданиях, составляет содержание статьи М. Бидласа о корреспонденциях Игнатия Войачека из России.

Значительный справочный интерес имеет составленный тем же автором «Список выдающихся чешских музыкантов, живших и работавших в России». К сожалению, составитель не оговорил точные хронологические грани списка, хотя из содержания его можно заключить, что он охватывает период с начала XVIII в. до начала второй мировой войны.

Таково, вкратце, содержание первого выпуска новой серии. Выпуск свидетельствует о том, что богатые книжные фонды Славянской библиотеки содержат интересные материалы по проблемам чешско-русских культурных связей.

А. С. Мыльников

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1966 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Брежнев Л. И. Речь генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева

(на XIII съезде КПЧ 31 мая 1963 г.). — «Правда», 1966, 4 июля.

Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе. — «Правда», 1966, 9 июля.

Единство и братская солидарность (Решение Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР об итогах Совещания в Бухаресте). — «Правда», 1966, 17 июля.

Загладни В. В. Мировое коммунистическое движение в борьбе за единство своих рядов.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, с. 3—19.

Каллаи Д. О коммунистическом движении и международной политике.— «Коммунист», 1966, № 10, с. 101—111.

Комюнике о Совецании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.— «Правда», 1966, 7 июля.

Конструктивная программа (Политбюро ЦК ПОРП и Совет Министров ПНР об итогах Совецания в Бухаресте).— «Правда», 1966, 21 июля.

Конструктивная программа борьбы за обеспечение мира (Печать братских стран о решениях Совецания Политического консультативного комитета).— «Правда», 1966, 11 июля.

Новотный А. Плечом к плечу с Советским Союзом. Выступление А. Новотного на собрании партактива Высочанского района Праги 18 июня 1966 г.— «Правда», 1966, 19 июля.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Антонюк С. М. Діяльність Польскої об'єднаної робітничої партії по створенню матеріально-технічних передумов соціалістичного виробничого кооперування сільського господарства (1950—1960 рр.)— «Наукові праці з історії КПРС», 1966, вип. 7, с. 77—85.

Богомолов О. Актуальные проблемы экономического сотрудничества социалистических стран.— «Мировая экономика и международные отношения», 1955, № 5, с. 15—28.

Бондаренко Е. Л. Некоторые вопросы сближения экономических уровней стран-членов СЭВ. Вестник МГУ, экономика, 1966, № 4, с. 57—67.

Доценко А. Болгаро-советское кооперированное производство (в черной и цветной металлургии).— «Экономика Сов. Украины», 1966, № 5, с. 91—93.

Дудинский И. Топливо-сырьевая проблема СЭВ и пути ее решения.— «Вопросы экономики», 1966, № 4, с. 84—95.

Кононенко Д. К. Развитие форм экономического сотрудничества стран СЭВ.— Вестник МГУ, Экономика, 1966, № 4, с. 68—77.

Корминов Ю. Экономический эффект внутриотраслевой специализации производства стран СЭВ.— «Вопросы экономики», 1966, № 4, с. 73—84.

Ладыгин Б., Шпряев Ю. Вопросы совершенствования экономического сотрудничества стран СЭВ.— «Вопросы экономики», 1966, № 5, с. 81—89.

Народная Республика Болгария (развитие хим. промышленности в 1963—

1964 гг.).— «Хим. промышленность за рубежом», 1966, № 3, с. 11—13.

Никольский А. С. Развитие производства электроэнергии в Народной Республике Болгарии.— «Энергохозяйство за рубежом», 1966, № 3, с. 1—5.

Польская Народная Республика (Развитие химической промышленности в Польше в 1963—64 гг.).— «Хим. промышленность за рубежом», 1966, № 3, с. 18—20.

Развитие народного хозяйства стран-членов СЭВ. Сообщения статистических органов о выполнении народнохозяйственных планов. (Болгария 1965).— «Бюл. экон. информации» (СЭВ), 1966, № 2, с. 42—66.

Развитие народного хозяйства стран-членов СЭВ. Сообщения статистических органов о выполнении народнохозяйственных планов (Польша, 1965 г.)— «Бюл. экон. информации» (СЭВ), 1966, № 2, с. 87—110.

Развитие народного хозяйства стран-членов СЭВ. Сообщения статистических органов о выполнении народнохозяйственных планов (Чехословакия, 1965).— «Бюл. экон. информации» (СЭВ), 1966, № 2, с. 4—11.

3. Партийная жизнь

Всегда с народом (Обзор выступлений И. Ленарта, Я. Доланского, Д. Колдера и др. на XIII съезде КПЧ 3 июня 1966 г.).— «Правда», 1966, 4 июня.

Козуцкий В. К ясной цели (О претворении в жизнь решений XIII съезда компартии Чехословакии).— «Новое время», 1966, № 25, с. 9—11.

Новотный А. Доклад товарища Антонина Новотного (на XIII съезде КПН, 31 мая 1966 г.).— «Правда», 1966, 1 июня.

4. Государственное строительство и право

Гомулка В. На пути социализма и мира (Выступление В. Гомулки 21 июля в Варшаве на торжественной сессии сейма ПНР, посвященной 22 годовщине со дня освобождения).— «Правда», 1966, 23 июля.

Гомулка В. Польша выполняет свои обязательства (Выступление В. Гомулки 16 июля в г. Пулавы о Совецании в Бухаресте).— «Правда», 1966, 17 июля.

Макаров В. В. Об организации работы госарбитражей Народной Республики Болгарии.— «Сов. государство и право», М, 1966, № 7, с. 125—128.

Мартиненко П. Залучення трудящих до управління державою за Конституцією ЦСР.— «Рад. право», 1966, № 6, с. 85—88.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Ист о р и я

Булацкі Р. Слова — зброя (Краткий очерк публіцистической деятельности Веры Хоружей). — «Малая-досць», Мінск, 1966, № 5, с. 124—131.

Виноградов К. Б., Писарев Ю. А. Главные направления внешней политики Австро-Венгрии. — «Вопросы истории», 1966, № 6, с. 86—102.

Горяинов А. Н. Русско-чешские библиографические связи в начале XX века. — Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1966, с. 155—178.

Гошко Ю. Г. До історії сільської общини на Поліссі (XVI—XVII вв.). — «Нар. творчість та етнографія», 1966, № 3, с. 33—39.

Коган Б. М. Советская историография чешского национального Возрождения. — «Вопросы истории», 1966, № 5, с. 151—156.

Манусевич А. Я. Народная Польша в трудах советских историков. — «Вопросы истории», 1966, № 6, с. 147—154.

Мыльников А. С. Из предьстории формирования прогрессивной книги в Чехии. В сб.: «Книга. Исследования и материалы». Вып. 12, М., 1966, с. 219—234.

Овсеичук В. А. Деятельность армянских живописцев во Львове (XV—XVII вв.) — «Истор.-филол. журнал», 1966, № 2, с. 249—262.

Очак И. Д. Югославянские Советы в России в 1918—1921 годах. — «Вопросы истории», 1966, № 6, с. 44—55.

Поглубко К. А. Некоторые новые материалы о связях русских революционеров с Х. Ботевым в начале 70-х годов XIX в. Изв. АН МолдССР, 1966, № 2. Серия обществ. наук, с. 36—51.

Стеблій Ф. Мирон Штолюк — ватажок опришківського руху (Публикація документів). — «Архіви України», 1966, № 3, с. 71—75.

Сьома О. П. Боротьба Комуністичної партії Польщі за єдність робітничого класу, всіх демократичних сил напередодні VII конгресу Комінтерну. — «Наукові праці з історії КППРС», 1966, вип. 7, с. 54—64.

Чернявський Г. И. Діяльність Болгарської комуністичної партії по відбудові революційного професійного руху в 1925—1926 рр. — «Наукові праці з історії КППРС», 1966, вип. 7, с. 86—101.

Чудиновских Э. И. Развитие торговых связей далматинских городов в XIII—XIV вв. — Уч. зап. Пермск. гос. ун-та. 1966, № 143. Истор. науки, с. 118—123.

2. Ку л ь т у р а. Л и т е р а т у р а.
Наука.

Баряктарович М. О новейших движениях населения в Сербии. — «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 129—133.

Блега Й. Рекомендательная библиография в Чехословакии. — «Сов. библиография», 1966, № 2, с. 116—123.

Гро К. Система методологической работы в ЧССР и функции Центрального научно-методического кабинета библиотекосведения Государственной библиотеки ЧССР. В сб.: «Библиотекосведение и библиография за рубежом», вып. 19, М., 1966, с. 3—17.

Зив С. Софийский музыкальный (О Софийском государственном музыкальном театре им. Стефана Македонского). — «Сов. музыка», 1966, № 6, с. 117—120.

Ивенский С. Графика Ярослава Водражки. — «Искусство», 1966, № 5, с. 50—52.

Касвин Г. Школа Болгарии в 1965—1966 учебном году. — «Нар. образование», 1966, № 7, с. 90—95.

Малевич О. Четыре книги о Кареле Чапеке. — «Вопросы литературы», 1966, № 5, с. 207—212.

Никольский Б. Театр клоунов (Об искусстве Вериха и Восковца). — «Неделя», 1966, № 27, с. 14.

Попов Г. М. Роль Болгарской коммунистической партии в развитии художественной литературы (1944—1958 рр.). — «Наукові праці з історії КППРС», 1966, вип. 7, с. 115—132.

Ходунова Е. Варшавские (театральные) впечатления. — «Театр» 1966, № 5, с. 167—171.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1966, № 1

Е. Каменов. Характерные черты немецко-фашистской оккупации в Болгарии в 1941—1944 гг.; Б. Примов. Международное значение Второй болгарской державы в период ее создания и укрепления; Н. Димов. О деятельности БОНСС по сплочению революцион-

ного студенчества на Балканах (1931—1932 гг.); П. Христов. Коренные жители Софии («коренные софийцы»); Р. Стойков. Первое известие об албанцах в исторических источниках; Р. Крыстев. Курдское национально-освободительное движение и курдские национальные организации; А. Разбойников. Мог ли Калоян лишить

Димотик воды, отведя воды Марицы; Е. Богданова. Новые документы о Веле Благоевой в советских архивах.

№ 2

Ц. Николов. Десять лет по пути, начертанном Апрельским пленумом 1956 г.; А. Леонидов. Репарационная политика второго соглашательского правительства и грабительское домогательство международного империализма (1926—1931 гг.); С. Дамянов. Отношение французской дипломатии и обществности к Апрельскому восстанию 1876 г.; И. Филипов. Васил Коларов — представитель рабочих в Пловдивском комитете труда; Б. Благоева. О происхождении царя Самуила; П. Атанасов. Часословец Якова (1566—1966 гг.); А. Маргос. Путевые заметки о болгарских землях армянского путешественника XVII в. Симеона Дбир Лехаци.

«Литературна мисъл», 1966, № 1

С. Каролов. Емилян Стаев; Е. Каранфилов. Трагедия Стефана Цвейга; Р. Ликова. Новые моменты в современной болгарской прозе; Л. Минкова. Любен Каравелов, украинский фольклор и украинская фольклористика; М. Арнаудов. Ларошфуко; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Николаем Хрелковым; В. Смоховска-Петрова. XV съезд польских писателей; Э. Хилшер. Творчество Манфреда Билера; Х. Капитанов. Русские революционеры-демократы — эмигранты в Румынии и их дружба с Христо Ботевым; Е. Константинова. Письма Георгия Райчева к Николаю Лилиеву.

№ 2

100-летие со дня рождения П. Славейкова; Г. Константинов. Мой отец во мне; Л. Стефанов. Некоторые аспекты творческого процесса и психологии Пенчо Славейкова; А. Тодоров. Литературная среда и художественный образ; С. Михайлова. Пенчо Славейков о русских писателях и русской литературе; И. Захариева. Пенчо Славейков — популяризатор русской литературы в журнале «Библиотека „Свети Климент“»; С. Баева. Пенчо Славейков в семейном кругу; Е. Каравелова. Мать Пенчо Славейкова — Ирпа Славейкова; Г. Тулешков. Пенчо Славейков в моих воспоминаниях; П. Попкойчев Витанов. Воспоминания о Пенчо; Н. Вылнарлова. Мои воспоминания; Р. Миланова. В домашнем кругу; Е. Николаева. Воспоминания о поэте; М. Хыршева. Воспоминания о моем двоюродном брате;

Л. Георгиев. Из деятельности К. Крыстева. (К 100-летию со дня рождения); П. Конев. К характеристике болгаро-хорватских литературных и культурных взаимоотношений; К. Мечев. Похвальное слово Григория Цамблака о Кирияне; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Николаем Хрелковым.

«Български език», 1965, № 6

Хр. Пырвев. Язык Неофита Бозвели. (К 180-летию со дня рождения); В. Станков. О значении аориста в современном болгарском литературном языке; Х. Ожеховска. Статистические данные о стилистической специализации суффиксов в литературном болгарском языке; Вл. Георгиев. К вопросу о двойной форме типа «раб» — «роб» в болгарском языке; М. Филипова-Байрова. К вопросу о происхождении слова «сурва» и новогоднего обычая сурваки; Б. Парашкевов. Этимология слова «жандарм» — жандар (ин) — жапдар(ин); П. Петрова, Б. Симеонов. Происхождение названия города Трояна.

1966, № 1

Б. Велчева. К вопросу о поздней глаголице (посовые звуки в первой редакции Охридского апостола); В. Кювлева. Стилистическая функция фразеологических сочетаний в беллетристических произведениях И. Вазова; Г. Ермоленко. Многообразие артикулярных форм имен существительных в possessivном сочетании в современном болгарском языке; М. Младенов. Незвестный тип аканвизма в родонских горах. Т. Тотев. Еще две староболгарские надписи в Преславе; М. Димитрова. О некоторых прилагательных с суффиксом «лив», нехарактерных для современного литературного болгарского языка; И. Иванов. Вторичное ударение в говорах с. Добротино Гоцеделчевского района; И. Дуриданов. К происхождению имени *Перуцица*; Е. Селян. Машинный перевод в Армянской Социалистической Республике.

«Die Welt der Slaven», 1965, № 3—4

А. Мазон. Глаголы совершенного вида настоящего времени; Г. Шеевлов. Окончания с носовыми согласными после небных согласных; Л. Мюллер. Замечания к Слово о полку Игореве; Я. Отрембскп. Вторичные соединения «li», «il», «gu», «ti» в польском языке; Я. Рудницкий. Типология глагольных ударений в украинском языке; Ф. Шольц. Род, залог и лицо в русском языке; Г. Лунт. О потере склопешей в болгарском и македонском язы-

ках; И. Л е к о в. Прочные тенденции в последовательности расположения подлежащего и сказуемого в болгарском языке; М. И в и ч. О происхождении русских предложений типа «(его) завалило снегом»; И. Ш у т ц. Роль приставочных элементов — ка | ко | к — в славянских языках; В. Л е т е н б а у е р. Церковнославянский язык как стилистическое средство в новой русской литературе; И. М а н к е н. К дифференциации вокальной системы в наречиях словенского языка; А. В а й л а н т. Имперфект глаголов типа «отвразити»; В. К у б а ц к и. История и «историзмы» в «Иридионе» Зигмунта Красиньского; Г. К у н с т м а н. «Говорящие имена» польской авангардной драматургии; В. Г е з е м а н. К публицистической полемике Достоевского; К. П о л л а к. Яков Гримм и Вук Караджич. Известные до сих пор рукописные переводы песен; И. В у к о в и ч. Новые принципы исследования сербско-хорватского стихосложения; Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. Старинное Житие в среднеболгарской рукописи 1359 г. (Германов кодекс); Л. С т а н ч е в а - Б р а ш о в а н о в а. Болгария — страна богатых народных музыкальных традиций.

«Kwartalnik historyczny», 1966, № 2

А. С о б у л ь. Описание п е м е р а в общественной истории; Я. Р е й х м а н. Между Варшавой и Стамбулом. Связи участников восстания Костюшко со странами юго-восточной Европы и отклики на восстание за рубежом; Б. Д р у к е р. Польский вопрос в период создания Польского комитета национального освобождения (22 июля — 1 августа 1944); Б. С о б о л е в с к а. «Быт определяет сознание», или основной принцип идеологии личности; К. Г ж и б о в с к и. Человеческая личность — история — марксизм; В. Ч а п л и н ь с к и. Новый синтез истории шляхетской Речи Посполитой; Ю. Б а р д а х. О формировании современного литовского народа; Р. В а п и ь с к и. О политической географии II Речи Посполитой; М. О ж е х о в с к и, Г. З е л и ь с к и. Правильный взгляд на польско-германские отношения в межвоенный период.

«Przegląd historyczny», 1966, № 2

Ю. Т а з б и р о в а. Политическая роль Ивана Одровонжа; М. К о с м а н. Форма международных соглашений Литвы в первой четверти XIII в.; Р. К а р п и ь с к и. Военно-племенная организация и проблема каст в Западном Судане; Е. Х о л ь ц е р. Германия 1924—1929 гг. Политическая стабилизация или период, предшествующий политическому кризису?; А. З а й о н ч о в с к и. Литературные гонимые в Польше во второй половине

XIX столетия; В. Д з е в у л ь с к и. К вопросу о пребывании Бела I венгерского в Польше; Е. Р о с т в о р о в с к и. «Свободный голос» и «Братское предостережение» — два письма, приписываемые королю Станиславу Лещинскому; С. М и г д а л. К оценке Национальной демократии в Верхней Силезии (в связи с книгой К. Ожеховского «Национальная демократия в Верхней Силезии до 1918 года». Вроцлав, 1965).

«Język polski», 1966, № 2

С. Р о с п о н д. Из исследований польской топониматики: Katowice — Kątownice: kąt; А. З а р е м б а. Польские элементы Силезии в свете языковых данных; Я. О т р е м б с к и. Из истории польских выражений: словообразовательные функции наречий-ко п ка — kiej — teraz; словообразовательные функции наречий to и ta; Х. М и ш. Порядок расположения местоимения «się» в современном письменном польском языке; К. Х а н д к е. «Ulica», «uliczka» в польском языке; Е. Д е б о в я н у, С. Г о г о л е в с к и. Обзорные польских говоров на территории Румынии; Я. М а с л о в с к и. О задачах и трудностях полонистов, изучающих естественнонаучные тексты.

«Príspevky k dejinám KSC», 1966, № 1

К. К а п л а н. Заметки к проблеме национализации промышленности в Чехословакии в 1945 г.; Место VII Конгресса в истории международного и чехословацкого рабочего движения; Дискуссия по данной статье: П. Рейман, З. Брадач, Я. Новак, Я. Менцлова, М. Хаек, В. Менцл, Ф. Сватек, Б. Келлер, Ф. Пор, И. Фокорна и др.

«Историјски записи», 1965, № 4

В. С т р у г а р. Создание социалистической Югославии. (Доклад на IV конгрессе историков Югославии); Р. П а й о в и ч. Народно-освободительный фронт Черногории; Н. В у ч к о в и ч. «Будванские анналы» Крсты Ивановича; Г. Б а т о в с к и. Заметка по вопросу: Негош и 1848 г.; В. И о в о в и ч. Библиография национально-освободительной борьбы в Черногории по материалам югославских газет и журналов.

«Jezik», 1966, № 4

М. Ч о р а ц. Диалектизмы в трудах М. Л а л и ч а; Б. П а в л е ш. О союзе «nakon što» и предлоге «nakon»; М. Х р а с т е. О третьем варианте сербско-хорватского литературного языка; Е. В у к о в и я. Где и как мы можем научиться нашему языку?

О ПРЕПОДАВАНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ИСТОРИИ В КРАСНОЯРСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

В течение последних лет на историко-филологическом факультете Красноярского педагогического института преподаются болгарский и чешский языки с целью расширения лингвистического кругозора будущих учителей русского языка. По учебному плану один из этих языков студенты изучают в 1 и 2 семестрах параллельно со старославянским языком. Поэтому фонетические и грамматические явления, лексические элементы изучаются в плане сопоставления западнославянских, южнославянских и восточнославянских языков.

В курсе чешского языка студенты знакомятся с текстами и учат наизусть стихотворения. Изучение текстов из учебника чешского языка, изданного в ГДР, сопровождается прослушиванием прилагаемых к учебнику пластинок с записью этих текстов и показом учебного фильма к тексту «Přaha — hlavní město ČSSR», изготовленного для аппарата ЛЭТИ в фотолаборатории института. В течение учебного года студенты знакомятся с основными особенностями грамматического строя чешского языка (на занятиях используются грамматические таблицы). Читают газеты «Rudé právo», «Mladá fronta», «Učitel'ské noviny», «Literární noviny», приобретают некоторые навыки устной речи, составления писем, организации пионерских сборов. «Совершают путешествия» по Чехословакии, используя энциклопедии и комплект фотографий. Дальнейшие занятия чешским языком студенты продолжают при выполнении курсовых работ. Чешским языком студенты занимаются с большим желанием. На 2 курсе они могут продолжать его изучение факультативно в кружке,

организованном при кафедре. Проходят курс чешского языка и аспиранты кафедры русского языка. С творчеством чешских писателей и поэтов студенты знакомятся подробнее в курсе зарубежной литературы. Кафедра на общественных началах делает переводы с чешского языка и на чешский язык по просьбам общественных организаций и отдельных лиц.

Кафедра испытывает большую трудность в преподавании чешского языка, так как не располагает необходимыми учебниками, имеющими в приложении хрестоматию с образцами текстов из произведений классической чешской литературы. Студентам исторического отделения за последние годы был написан ряд курсовых работ по славяноведческой тематике. На кафедре истории действует спецсеминар по средневековому славянскому городу. Для изучения истории славянских народов в период средневековья привлекаются издания исторических памятников из серий «Литературные памятники», «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Разрабатывается спецкурс по социалистическим преобразованиям в Болгарии.

К сожалению, недостаток документальных материалов, статей и монографий затрудняет более углубленное изучение студентами новейшей истории славянских стран. Поэтому материалы, публикуемые в «Советском славяноведении», помогут преподавателям и студентам в работе над углубленным изучением славянских народов, входящих в могучий социалистический лагерь.

В. Рогова, Л. Шафрова

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

5 мая 1966 г. на заседании лингвистической секции Ученого совета филологического факультета ЛГУ состоялась защита кандидатской диссертации Г. А. Цыхуном (выпускник ЛГУ, в настоящее время работает в Институте языкознания АН БССР в Минске) на

тему «Синтаксис местоименных клiticк в болгарском и македонском литературных языках». В качестве официальных оппонентов выступили проф. С. Б. Бернштейн и доц. В. В. Колесов. Они высоко оценили научный труд молодого исследователя, плодотворно использовавшего в своей

работе достижения и результаты изучения данных вопросов до него и новые принципы исследования.

Диссертация представляет собой синхронно-типологическое описание функционирования кратких форм личных местоимений (местоименных клитик) в двух близкородственных языках, входящих в так называемый балканский языковый союз.

Основные проблемы синтаксиса местоименных клитик (их позиция, удвоение и реприза именного дополнения) рассматриваются в диссертации комплексно, на основе одного типологического критерия. Таким типологическим критерием выступает грамматикализация (а точнее, степень грамматикализации), которая определяется как «двусторонний процесс, включающий в себя возрастание роли грамматического значения, с одной стороны, и абстрагирование от конкретного лексического значения — другой». Диссертанту удалось доказать, что и позиция местоимения во фразе, и его удвоение, и реприза имени находятся в прямой зависимости от степени грамматикализации местоименных клитик. Тем са-

мым были уточнены некоторые законы, открытые ранее (Вакернагеля, Розадовского). Сравнительно-типологическое исследование двух родственных языков дало возможность, хотя бы гипотетически, наметить основные тенденции в развитии местоименных клитик в славянских языках и в диахроническом плане.

Одобрение оппонентов вызвали также тщательно разработанная процедура исследования (и в первую очередь процедура проведения семантического анализа для установления степеней делекспликализации, включающая такие приемы, как замена, подстановка, контекстуальная замена) и решение проблемы установления минимального контекста.

Единодушным было мнение всех выступавших и приславших отзывы на автореферат диссертации в том, что данная работа является серьезным исследованием, выполненным на высоком теоретическом уровне, и заслуживает опубликования.

Ученый совет единогласно решил присвоить Г. А. Цыхуну ученую степень кандидата филологических наук.

Е. А. Захаревич

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

15 июня 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР защищалась В. А. Дьяковым докторская диссертация на тему: «Революционное движение в русской армии и его взаимосвязи с польским освободительным движением 1856—1865 гг.» Представленная к защите рукопись явилась итогом многолетней разработки автором важнейших вопросов темы (автором опубликовано по теме 30 работ общим объемом около 100 печ. листов).

Диссертационная тема включает три важнейших круга вопросов: а) общественно-политическое движение в русской армии, б) отражение польского освободительного движения в военной среде, в) взаимосвязи в указанных рамках между польским освободительным движением и освободительным движением других народов Российской империи. Хронологически она охватывает десятилетие, которое, вслед за В. И. Лениным, специалисты называют эпохой падения крепостного права.

Официальными оппонентами по диссертации выступили акад. М. В. Нечкина, д-ра ист. наук Т. Г. Бескровный, И. И. Костюшко и П. И. Кабанов. В своих выступлениях официальные оппоненты отметили большую научную значимость темы, ее актуальность. В диссертации впервые освещены некоторые узловые вопросы проблемы. Высокую оценку оппоненты дали методике исследования диссертанта. Его работа отличается исключительной научной добросовестностью, умельно ясно и четко проанализировать

огромный и разнообразный фактический материал. Критические замечания, сделанные по диссертации в ходе дискуссии, касались второстепенных частных вопросов. Официальные оппоненты единодушно признали, что работа В. А. Дьякова полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, и является ценным вкладом в историческую науку. Кроме официальных оппонентов в диспуте принял участие д-р ист. наук А. Ф. Смирнов. Ученый совет Института славяноведения АН СССР единодушно присудил В. А. Дьякову ученую степень доктора исторических наук.

Н. П. Митина

15 июня 1966 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Е. Д. Воробьевой на тему «Из истории борьбы трудящихся Чехословакии за союз и дружбу с народами СССР (1925—1927 гг.)».

В диссертации дается краткая характеристика работ чехословацких и советских историков по данной теме, а также обзор исследованных источников. Значительная ее часть посвящена рассмотрению международной обстановки, внутриполитического положения Чехословакии и развития чехословацко-советских отношений в 1925—1927 гг. Большое внимание уделяется освещению поездок рабо-

чих делегаций в Советский Союз и их пропагандистской деятельности по возвращению на родину.

Е. Д. Воробьева подвергла анализу деятельность Общества экономического и культурного сближения с новой Россией, вскрыла его роль в развитии чехословацко-советских дружественных связей.

Организация масс на борьбу против опасности новой антисоветской войны в защиту СССР была одной из важнейших задач КПЧ в 1927 г. Выполнению ее способствовали мероприятия, организованные партией в связи с празднованием X годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В диссертации показана большая работа КПЧ по идеологическому воспитанию масс, по пропаганде достижений в строительстве социализма в СССР, в чем важную роль сыграли делегации, участвовавшие в праздновании юбилея Октября в Советском Союзе. Освещается как КПЧ соединяла организацию борьбы масс в защиту СССР с ознакомлением трудящихся с основами марксистско-ленинской теории, конкретными задачами классовой борьбы рабочего класса и крестьянства.

Исследование получило высокую оценку оппонентов, как официальных — д-ра ист. наук И. Н. Мельниковой, канд. ист. наук А. Х. Клеванского, так и неофициальных — канд. ист. наук Б. М. Руколь.

Ученый совет принял решение о присвоении соискателю ученой степени кандидата исторических наук.

Т. И. Комкова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОСЛЕ 1945 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Весной 1945 г. после освобождения Чехословакии Советской Армией в стране были созданы исключительно благоприятные условия для развития славянской филологии. Исследования в области славянской филологии базировались не только на давних традициях чехословацкой славистики, основателями которой со времен национального Возрождения были И. Добровский и П. Й. Шафарик. Стремясь к более глубокому познанию родственных славянских наций, славянская филология как научная дисциплина заняла свое место в борьбе за национальную и государственную самостоятельность наших народов. Именно поэтому и в период между двумя мировыми войнами, когда правящие буржуазные круги использовали в своих интересах традиционные симпатии чехословацкого народа к славянским странам, изучение славянских языков, литератур и истории заняло прочное место в курсах, которые читались в чехословацких университетах. С этой целью был основан в Праге специальный Славянский институт (1922 г.) и большая Славянская библиотека (1925 г.). Это имело большое значение для развития славянской филологии в нашей стране. Когда в 1929 г. в Праге был созван первый международный съезд славистов, никто не сомневался в том, что чехословацкая филология занимает в этой области науки ведущее положение.

Трудные годы нацистской оккупации катастрофически отразились и на развитии славистики. Лишь поражение нацизма открыло перед ней новые горизонты. Об этом подробно говорилось в Кошицкой программе в апреле 1945 г.:

«Будет усилена славянская ориентация в области культурной политики в соответствии с новым значением, которое приобретает славянство в международной политике вообще и в нашей чехословацкой в особенности. В этом направлении будут переработаны и учебные планы наших школ и произведена переориентация в области культуры в наших научно-исследовательских и художественных институтах». Кошицкая правительственная программа особенно подчеркивала, что «будет не только возрожден, но и перестроен Славянский институт, который превратится в живое культурно-политическое учреждение, поддерживающее тесные связи с соответствующими институтами других славянских народов и государств». Кошицкая программа особенно подчеркивала необходимость всестороннего изучения советской культуры, русского языка, истории, экономики и права СССР.

Таким образом, славянская филология в Чехословакии становилась важным составным элементом культурной революции, совершавшейся у нас под руководством Коммунистической партии, особенно после памятного февраля 1948 г. Во всех университетах — в Праге, Брно, Оломоуце, в Братиславе и Кошицах-Прешове — были вновь созданы или укреплены кафедры славистики, русского языка и литературы. Славянский институт в Праге с филиалом в Брно был превращен в чисто исследовательский центр. В начале пятидесятых годов в Праге была создана высшая школа русского языка и литературы. В тот же период в Праге и Братиславе возник

самостоятельный Чехословацко-советский институт, целью которого было изучение восточнославянских языков, литератур и истории СССР. В 1952 г., когда была основана Чехословацкая академия наук, в ее состав были включены также Славянский институт и Чехословацко-советский институт. Таким образом, изучение славянской филологии получило прочную организационную базу. Чрезвычайно важная задача при этом выпадала на долю вузовских кафедр. Прежде всего было необходимо воспитать новые многочисленные кадры молодых специалистов в области филологии, которые должны были заниматься не только исследовательской деятельностью, но и преподавать русский язык и литературу во всех школах республики. Мы никогда не забудем о той эффективной помощи, которую нам оказали опытные советские педагоги, в особенности Высшей школе русского языка и литературы в Праге. Славянскую филологию, русский язык и литературу, начиная с 1945 г., изучали в Чехословакии тысячи молодых учителей. Многие из них работают ныне в различных сферах общественной жизни: в государственном административном аппарате, в массовых организациях Народного фронта, в издательствах, в редакциях журналов, используются как переводчики.

Наряду с практической педагогической деятельностью в течение последних двадцати лет проводились и научные исследования в области славянской филологии. Если в период господства буржуазии научной работой могли заниматься, главным образом, преподаватели высших учебных заведений, то наше новое общество предоставило возможности наиболее одаренным молодым специалистам заниматься творческой научной деятельностью во вновь основанных исследовательских институтах нынешней Чехословацкой академии наук. Значительно расширились возможности публикации научных исследований в области славянской филологии. Ведущее положение здесь занимает международный журнал «Slavia». В 1966 г. выйдет 35 том этого журнала. Проблемы славистики в ее отношении к византиноведению освещаются в международном журнале «Byzantinoslavica». В 1966 г. выйдет 26 том этого журнала. На протяжении уже одиннадцати лет чехословацких русистов объединяет научный орган «Чехословацкая русистика», а также журнал «Русский язык», имеющий практический уклон. После 1948 г. большую роль в ознакомлении нашего научного мира с достижениями советской науки играли журналы «Советская наука — Языкознание» и «Советская наука — Литература». Сотрудники университетов публикуют научную продукцию в специальных сборниках. Так, Карлов университет в Праге издает

«Acta Universitatis Carolinae», исследования в области славистики публикуются в разделе «Slavica Pragensia». Институт русского языка и литературы при философском факультете Карлова университета, преобразованный из Высшей школы русского языка и литературы, издает «Бюллетень». Подобные научные сборники ежегодно издают философские факультеты университетов в Брно, Оломоуце, Братиславе и Прешове. Большое количество научно-популярных статей из области славянской филологии в течение многих лет публиковал наш старейший славистический орган «Slovanský přehled». Ныне выходит 52 том этого журнала. После реорганизации Чехословацкой академии наук в 1964 г. этот журнал был передан из Славянского института во вновь основанный Институт истории европейских социалистических стран и имеет теперь историческую направленность. Монографии из области славянской филологии публикуются преимущественно издательством Чехословацкой академии наук в Праге и издательством Словацкой академии наук в Братиславе. Целый ряд значительных публикаций из этой области вышел и в других чешских и словацких издательствах.

В коротком обзоре невозможно перечислить все, что проявилось в области славянской филологии в Чехословакии за последние двадцать лет. Поскольку под филологией мы понимаем изучение языков и литератур, следует уделять одинаковое внимание как лингвистическим, так и литературоведческим работам. Сейчас оба эти направления настолько специализированы, что их эволюцию подробно может проследить лишь специалист. Мы оставляем вне поля зрения и исследования по богемистике и словакистике. Само собой разумеется, что в Чехословакии чешский и словацкий языки, чешская и словацкая литература занимают особое положение. Несмотря на то что с международной точки зрения исследование этих научных дисциплин относится к области славянской филологии, в Чехословакии славистикой в узком, собственном смысле слова, считается изучение других славянских народов.

Исследовательская деятельность в этой области развивалась при учете старых традиций чехословацкой славистики, в соответствии с актуальными требованиями нашего нового социалистического общества, широко проводилась активная координация с международной славистикой. В области исследования славянских языков ведущую роль у нас играет акад. Б. Гавранек, который, будучи не только профессором Карлова университета и ректором бывшей Высшей школы русского языка и литературы, но и директором Института чешского языка Чехословацкой академии наук, председателем Чехос-

ловацкого комитета славистов, своей неутомимой инициативной деятельностью оказывает плодотворное влияние на самые различные отрасли славянского языкознания. Широки научные интересы проф. К. Горалка. Из его многочисленных публикаций в области старославянского языка, сравнительного славянского и общего языкознания, поэтики и фольклора международное признание получило «Введение в изучение славянских языков» (1955 г.; изд. 2-е, 1961 г.). Чехословацкие слависты уделяют постоянное внимание изучению старославянского языка и письменности. Под руководством проф. Й. Курца в Чехословацкой академии наук издается монументальный «Словарь старославянского языка». Его издание рассчитано на много лет (в настоящее время подготовлена 11 выпусков). Совместно с Институтом славяноведения АН СССР под общей редакцией советских и чехословацких специалистов готовится небольшой словарь старославянского языка, который выйдет в Москве в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. Новаторское значение имеют исследования Й. Курца о членной форме в славянских языках, где особое внимание уделяется данным старославянского языка. Им же изданы тексты и учебник, а также ряд статей по истории славистики. Он является главным редактором сборника «Исследования по синтаксису старославянского языка» (1963 г.). Интересом к старославянскому языку проникнута деятельность проф. А. Достала, ведущего чехословацкого византолога и главного редактора журнала «Byzantinoslavica». Кроме издания старославянских текстов, он опубликовал монографию «Очерк о видовой системе в старославянском языке» (1954 г.). Другие публикации из этой области и вообще по славянскому языкознанию отражает библиография, публикуемая в «Rocznik slawistyczny» в Кракове.

Из живых славянских языков особенно большое внимание уделяется изучению русского языка. Широкие исследования в этой области у нас начали проводиться после 1945 г., раньше этого у нас не было достаточного количества квалифицированных кадров. Работа велась в двух направлениях: сопоставление русского языка с чешским и словацким и обучение русскому языку в школах. Сравнительному изучению наших родственных языков посвящены коллективный труд «Очерки по сравнительной грамматике русского и чешского языков» (2 вып., 1956 г., 1961 г.), двухтомная монография проф. А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология» (1954 г., 1960 г.) и книга Л. Дюровича «Модальность. Лексико-синтаксическое выражение модальных и оценочных отношений в словацком и русском языках» (1956 г.).

Чисто научный характер имеет также «Грамматика русского языка для чехов» (2 тома, 1960 г.). Выдающимся достижением нашей лексикографии является «Большой русско-чешский словарь», который вышел в шести томах под редакцией профессоров Л. Копецкого, Б. Гавранка и К. Горалка в 1952—1964 гг. Аналогичный «Большой русско-словацкий словарь» выходит под редакцией М. Филкусовой, Б. Кучеровой и В. Лапаровой с 1960 г. в Братиславе. Практическое назначение имеет «Чешско-русский словарь», подготовленный коллективом сотрудников во главе с проф. К. Горалком, Б. Илком и Л. Копецким в 1958 г. В Братиславе проф. А. В. Исаченко совместно с Д. Колларом и Я. Коморовским издали «Словацко-русский переводный словарь» (2 тома, 1950 г., 1957 г.), впоследствии переработанный как «Словацко-русский словарь» (1959 г.; изд. 2-е, 1961 г.).

Большинство названных основных лингвистических работ из области чешской и словацкой русистики является плодом коллективной деятельности работников высшей школы и институтов Чехословацкой и Словацкой академий наук. Кроме того, ряд ученых занимается некоторыми специальными научными проблемами. Сопоставительному изучению русского языка на базе чешского посвящены монографии русистов Пражского университета: доц. В. Грабье «Полупредикативные конструкции и конструкции с потенциальной предикативностью в русском и чешском языках», доц. М. Затовканюка «Безличные предикативы и родственные конструкции преимущественно в русском языке» (1965 г.) и доц. П. Адамца «Место порядка слов в структуре русского простого предложения» (1966 г.). С позиций структурного и сравнительного языкознания написана монография доц. В. Барнета «Эволюция системы действительных причастий в русском языке» (1965 г.). Доцент Р. Мразек (Брно) опубликовал монографию «Синтаксис русского творительного» (1964 г.) и работу об именных неглагольных предложениях в древнерусском языке. Г. Пухлякова (Брно) подготовила к печати работу «О семантике и стилистике слов, идентичных в русском и чешском языке». В Оломоуцком университете доц. Г. Кржишкова написала монографию «Эволюция описательного футурума в славянских языках, особенно в русском» (1960 г.), а также несколько серьезных статей о виде русского глагола. Доцент Р. Зимек (Оломоуц) издал книгу «Проблема связи в русском языке в сравнении с чешским» (1960 г.) кроме того, он занимался трансформационным синтаксисом русского языка (1966 г.). Фонетика и фонология русского языка разрабатывается д-ром Ч. Новачком (1960 г.; изд. 2-е, 1963 г.). Его коллега доц. И. Птачек опубликовал пособие

«Очерк методики обучения русскому языку» (1958 г.). В Братиславе «Фонетику литературного русского языка» издал проф. А. В. Исаченко, доц. Л. Дюрович написал «Парадигматику русского языка» (1964 г.).

Чехословацкая славистика не располагает многочисленными кадрами специалистов в области изучения украинского языка. Исследованием южнокарпатских украинских диалектов восточной Словакии занимался доцент Пражского университета И. Панькевич. После его смерти эту работу продолжили его ученики под руководством Славянского института, ныне — Института языков и литератур Чехословацкой академии наук. Подготавливается украинский диалектный словарь. В рамках изучения украинской этнической прослойки в Чехословакии было завершено полевое обследование, необходимое для описания одного из основных типов украинских диалектов восточной Словакии. Доцент П. Бунганич (Прешов) подготовил к печати обширный «Словацко-украинский словарь». В институте языков и литератур ЧСАН готовится «Украинско-чешский словарь».

Научное изучение остальных славянских языков до сих пор в большинстве случаев ограничивалось чисто практическими, педагогическими задачами: подготовкой учебников и словарей. Прекрасный вузовский учебник «Польский язык» написала д-р И. Шаун (1958 г.). Профессор В. Выдра является автором популярного «Польско-чешского словаря» (1955 г.; изд. 2-е 1958 г.). Из пособий по сербско-хорватскому языку наиболее обстоятельным является «Сборник упражнений по сербско-хорватскому языку» (1963 г.), составленный В. Тогнером. Сотрудники Института языков и литератур ЧСАН собирают материал для обширного «Сербско-хорватско-чешского словаря». Здесь же готовится новый «Польско-чешский словарь». В Славянском институте ЧСАН д-р К. Гора с коллективом подготовил обстоятельный «Болгарско-чешский словарь» (1959 г.).

Общим проблемам славянского языковедения посвящено несколько важных публикаций. По инициативе покойного проф. В. Маха в брненском филиале Института языков и литератур ЧСАН создается этимологический словарь славянских языков. Здесь же следует назвать работу «Основной общеславянский словарный состав» (1964 г.), изданную авторским коллективом под руководством доц. Фр. Конечного. Это исследование рассматривается как подготовка к Общеславянскому лингвистическому атласу, в работе над которым, в соответствии с решением IV съезда славистов в Москве в 1958 г., принимают участие и чехословацкие слависты. Проблемой «Генезис славянской видовой системы» (1958 г.) занимался И. Немец.

Меньшее внимание уделяется в Чехословакии и славянскому литературоведению. На его долю выпадает особенно важная миссия в строительстве социализма в нашей стране. Оно всемерно способствует углублению наших знаний литературы и культуры близких славянских народов, которые вместе с нами строят новое социалистическое общество. В этой области научных исследований было так много, что мы можем здесь назвать лишь наиболее значительные публикации. Общее состояние, в котором находится «Изучение славянских литератур в нашей стране после 1945 г.» я охарактеризовал в «Словацком пригласении» (1960, XLVI, стр. 260—265), более новая и обширная информация содержится в лекции «Наше отношение к славянским литературам с 1945 г.» (см. Сборник лекций, прочитанных в Летней школе славистики, 1965, 17 стр. машинописи).

В своем стремлении подчеркнуть взаимные литературные контакты, существовавшие между нашими народами, чехословацкое литературоведение периода после 1945 г. опиралось на богатые традиции сравнительного изучения литератур. С этой точки зрения особенно примечательны работы акад. И. Горака «Из истории славянских литератур» (1948 г.) и проф. Ф. Вольмана «Славянство в период языкового и литературного Возрождения» (1958 г.) — продолжением этой публикации является книга «Славизмы и антиславизмы 19 в.». Ю. Доланский издал цикл работ о прогрессивных традициях нашего Возрождения под названием «По столам будителей» (1963 г.). Выдающимся достижением является монография проф. К. Крейчи «Героика в поэтике славян» (1964 г.), исследующая в сравнительном плане проблему эволюции жанра. Сравнительный аспект преобладает в многочисленных работах, специально посвященных изучению взаимоотношений отдельных славянских литератур.

Научные интересы чехословацких славистов, естественно, были сосредоточены прежде всего на изучении русской литературы. О достижениях в области изучения русской литературы в первом десятилетии после 1945 г. я подробно писал в статье «За лучшее изучение русской литературы», опубликованной в журнале «Советская наука — Литература» (1965 г. т. IV, стр. 587—596, 721—752). Во вторую половину пятидесятых годов развернуло исследовательскую деятельность молодое поколение чехословацких русистов. Никогда прежде не публиковалось у нас столько оригинальных работ в этой области, как за период с 1945 по 1965 г. Наша общественность придавала особое значение изучению современного литературного творчества в СССР, но и более ранние периоды литературного развития

не выпадали из круга научных интересов. Материал, представляющий большую ценность для изучения чехословацко-русских литературных контактов от древнейших времен по 1914 г., содержится в четырехтомном труде «Россия и мы» (1946 г.) проф. И. Ирасека, а также в научно-популярной книге И. Пфаффа и В. Заводского «Традиции чешско-русских отношений в истории» (1957 г.). О «Слове о полку Игореве» как художественном произведении писал в 1958 г. С. Вольман; Г. Прохазкова опубликовала в 1959 г. главы из истории чехословацких литературных связей в период до конца XVII в. под названием «По следам давней дружбы». Л. Дасницка из Братиславы подготовила к печати монографию «Сагира и пародия в русской литературе XVII в.», доцент Пражского университета С. Матгаузерова в 1961 г. завершила исследование творчества М. Д. Чулкова («Русский источник монологической формы романа»).

С неослабевающим интересом занимались чехословацкие русисты русской классической литературой XIX — начала XX вв. Они принимали активное участие в издании новых переводов русских классиков, сопровождали их оригинальными статьями. Из обширной научной продукции здесь можно привести лишь самые значительные работы. К 150-летней годовщине со дня рождения Пушкина в Праге в 1949 г. был издан сборник «Пушкин у нас»; к этой же дате В. Бегоуек написал книгу о поэте, Р. Бртян опубликовал работу «Пушкин в словацкой литературе»; на ту же тему написана одноименная работа В. Пановой, которая в настоящее время готовится к печати. Не меньшее внимание уделялось творчеству Гоголя. Автором цикла статей «О художественном мастерстве Гоголя», в особенности о сюжете и композиционной структуре «Мертвых душ» и о художественном методе Гоголя (1959 г.), явился Ю. Копаничак. О влиянии Гоголя на становление жанра рассказа в словацкой литературе пишет братиславский ученый Д. Дюришин. Большое количество ценного документального материала содержит книга проф. Я. Станислава «О русско-словацких культурных связях в эпоху Яна Гоголя и Людовита Штура» (1957 г.).

Большое место в работах наших исследователей занимает изучение русского критического реализма. Отношение чешского литературоведения к русскому критическому реализму отражает работа «Четыре встречи с русским реализмом» (1958 г.) — авторы Л. Здражл, И. Таборска, Э. Германова и И. Сватопева. О влиянии русских революционных демократов на чешских радикальных демократов пишет К. Косик во введении к книге «Чешские радикальные демократы» (1953 г.), а также Р. Гребенич-

кова в антологии «Чешские радикальные демократы о литературе» (1954 г.). Обобщающее исследование «Русские революционные демократы» (1964 г.) написал Ю. Доланский, являющийся также автором ряда разделов о чешско-русских литературных связях в книгах «Заветы Юнгманна» (1948 г.), «Масарик и пред-революционная Россия» (1959 г.) и «Мастера русского реализма у нас» (1960 г.). Проблемами русского критического реализма интенсивно занимался проф. Р. Паролек, внесший большой вклад в изучение творчества Белинского и Достоевского — о последнем он написал научно-популярную книгу (изд. 2-е, 1964 г.). Новаторской можно назвать монографию этого же автора «Вилем Мршттик и русская литература» (1964 г.). Раннее творчество Тургенева привлекает постоянное внимание русистов из Оломуца А. Гебаузеровой; В. Влашишова (Брно) подготовила к печати работу о чешских переводах Салтыкова-Щедрина, а ее коллега из Брно Д. Кишцова дала оценку деятельности выдающегося чешского пропагандиста русской литературы Франтишка Таборского как переводчика поэзии Пушкина и Лермонтова.

Огромное влияние, которое имел русский критический реализм на развитие словацкой литературы, привлекало внимание ряда словацких исследователей. Автором большой работы является акад. А. Мраз, проследивший развитие всей русской классической литературы через призму ее отношения к Словакии. Большое количество статей, написанных на эту тему, он опубликовал в книге «О русской литературе и о ее влиянии на словаков» (1955 г.); к пятидесятой годовщине со дня смерти Л. Н. Толстого он подготовил сборник «Толстой и Словакия» (1960 г.). Систематическим изучением русской литературы занимается доц. Ю. Копаничак. Кроме его работ о Гоголе известны также труд «Гуманистический предреализм в русской литературе». В настоящее время он работает над большой антологией «Русская поэзия XIX в.», планируется ее издание в четырех томах. Русист из Братиславы В. Хома занимался проблематикой реализма в литературной критике на рубеже двадцатых и тридцатых годов. Доцент А. Червеняк из Прешова подготовил к печати обстоятельную монографию о «Ваянском и русской прозе». Его коллега из Прешова доц. Ш. Добош занимается систематическим изучением влияния русской классической литературы на культуру восточной Словакии. Он опубликовал в 1965 г. «Библиографию русской литературы в библиотеках Прешова». А. Попович из Братиславы занимался изучением словацко-русских литературных связей в так называемые годы Матицы — Матицы словацкой.

Особенно живой интерес вызывала в

течение всех двадцати лет новая советская литература. С 1945 г. глубокое изучение советской литературы возглавил проф. Б. Матезиус, воспитавший целую школу одаренных учеников и пропагандистов советской литературы. Написанный им «Обзор советской литературы» пользуется такой популярностью, что он переиздавался в 1962 и 1965 гг. Ряд специальных монографий был посвящен творчеству Горького, Маяковского, современных писателей. О Максиме Горьком как «классике социалистической литературы» в 1951 г. написал книгу В. Бегоушек. По случаю пятнадцатой годовщины со дня смерти Горького вышел сборник статей и документов «Наш Горький» (1952 г.). М. Ботура подробно изучил отношение чешских писателей к Горькому в своей монографии, подготовленной к печати. Чрезвычайно живой отклик вызвали две обширные книжные публикации, основанные на исследовании источников: книга проф. М. Дрозды «Борьба ВКП(б) за советскую литературу и отклик на нее у нас в 1917—1925 гг.» (1955 г.) и книга Я. Иши «Чешская поэзия двадцатых годов и поэты Советской России» (1956 г.). Памяти Маяковского был посвящен большой сборник «Наш Маяковский» (1951 г.); к той же теме обратился проф. З. Матгаузер в яркой монографии, под названием «Искусство поэзии: Владимир Маяковский и его эпоха» (1964 г.). Текстологическим изучением романа Н. Островского «Как закалялась сталь» специально занимался Б. Догнал в монографии «Генезис формы» (1964 г.). В дальнейшем в 1966 г. выйдет книга проф. М. Дрозды «Бабель, Леонов, Солженицын» и книга доц. М. Гралы «Советская сатирическая проза: Зощенко, Ильф и Петров, Кольцов». Разностороннее литературное творчество своего учителя Б. Матезиуса проанализировал доц. И. Ф. Франек в книге «Богумил Матезиус» (1963 г.).

Интересные исследования в области советской литературы ведут также и чешские русисты в Моравии. Доцент Брненского университета Я. Бурпан подготовил к печати монографию «Романы Горького», из которой он предварительно опубликовал ряд статей. Его коллега М. Мигулашек занимается исследованием развития советской комедии, с особым акцентом на комедиях Маяковского — об этом он пишет в книге «Пути развития советской комедии» (1962 г.). Творчество Шолохова привлекает внимание молодых русистов Оломоуца. Доцент А. Вацлавик издал на русском языке монографию «О психологическом мастерстве М. Шолохова» (1962 г.), совместно с М. Заградкой он подготовил сборник статей о литературном творчестве Шолохова, отдельную книгу посвятил он И. Бабелю и его искусству психологического

рисунка (1965 г.). О художественном стиле романов К. Федина написал монографию, изданную на русском языке, М. Заградка (1962 г.). Эти авторы опубликовали также статьи о советской литературе.

Большинство упомянутых монографий о русской классической и советской литературе является подготовкой к большому обобщающему труду по истории русской литературы, о взаимных связях русской, чешской и словацкой литературы. Этой же проблематике посвящены сборники научных публикаций «К чехословацко-русским связям в области идеологии на рубеже XIX и XX вв.» (1964 г.), «Великая Октябрьская социалистическая революция в истории и культуре Чехословакии» (1958 г.) и «Чехословацко-советские литературные связи в межвоенный период» (1965 г.). В 1961 г. М. Дрозда опубликовал книгу «Русская советская литература». Кроме того, коллективы молодых русистов, работающие над многолетним трудом «Современная советская литература», опубликовали первый том «Русской прозы» (1963 г.) под руководством М. Дрозды, а также второй том «Русской поэзии» (1964 г.) под редакцией З. Матгаузера. В 1966 г. было сдано в печать ценное литературоведческое пособие «Словарь писателей народов СССР», первоначально изданное в 1964 г. под названием «Небольшой словарь советских русских писателей». Под руководством З. Матгаузера в Институте языков и литературы подготавливается новая двухтомная «История русской литературы XIX и XX вв.». Обзор истории русской литературы, предназначенный для вышедшей в Словакии «Истории мировой литературы», написали Ю. Копаничак и Я. Слимак (1963 г.). Из числа теоретических исследований по русской литературе можно назвать пока лишь монографию Я. Завады «Введение в эстетику русского стиха» (1949 г.).

Наряду с русской литературой большое внимание уделяется у нас также литературе украинской. Интерес к украинской литературе у чехословацких исследователей особенно возрос после 1945 г., однако до сих пор наша работа в этой области является недостаточной. Потребность в кадрах молодых специалистов ощущалась особенно остро, поскольку до сих пор мы не располагали квалифицированными силами в области изучения украинской культуры и литературы. Перед этими специалистами стояли большие задачи, прежде всего практического характера — активное участие в переводах выдающихся произведений классиков украинской литературы и украинских советских писателей на чешский и словацкий языки, написание сопроводительных статей к книжным публикациям. В наших журналах было опубликовано большое количество ста-

тей, посвященных украинской литературе, а также взаимным связям между нашими литературами. После 1945 г. появились несколько самостоятельных монографий о классиках украинской литературы. В 1952 г. М. Неврли издал книгу «Иван Франко, украинский поэтический революционер». В честь столетней годовщины Ивана Франко Словацкая академия наук в Прешове в 1956 г. организовала международную научную конференцию. Ее результатом явился большой сборник статей «Из истории чехословацко-украинских отношений» (1957 г.) под редакцией И. Грозинчика. В том же году М. Молнар и М. Мундякова составили документальную антологию «Отношения Ивана Франко с чехами и словаками». Отмечавшийся дважды юбилей Т. Г. Шевченко вновь привлек необычайное внимание к творчеству крупнейшего поэта украинского народа. В 1961 г. М. Молнар опубликовал монографию «Тарас Шевченко у чехов и словаков». Э. Велшняка и О. Зидлицки составили в 1962 г. исчерпывающий библиографический обзор «Тарас Шевченко в чешской культуре». Научные результаты международной конференции, посвященной памяти Шевченко, были опубликованы в 1965 г. в Шевченковском сборнике под редакцией доц. П. Петруса. Славист Брненского университета М. Кргоун подготовил к печати обширную монографию о поэтическом творчестве Юрия Федьковича, видного поэта украинской Буковины.

В исследованиях об украинской литературе большое количество работ посвящено литературному творчеству украинских писателей Закарпатья и восточной Словакии. Незаурядную активность здесь проявили молодые украинисты философского факультета Университета П. Й. Шафарика в Прешове совместно с коллегами из Государственного университета в Ужгороде. Их исследовательская деятельность имеет чрезвычайную ценность, поскольку в большинстве своем она ориентирована на всестороннее изучение до сих пор не использованных источников и тем самым дает возможность воссоздать более богатую и правдивую картину литературной жизни этой области. Важное значение имеют многочисленные публикации произведений отдельных закарпатских писателей и обширные антологии их поэтического творчества, сопровождаемые обычно литературоведческими статьями и комментариями. Обзор украинской литературы в Чехословакии написал доц. И. Волощук (1957 г.); А. Шлепецник написал учебник «Краткий обзор развития украинской литературы в восточной Словакии» (1959 г.). Доцент Ш. Доболь посвятил отдельную монографию Адольфу Добрянскому (1956 г.), им же написана работа «Творчество Ставровского-Попрadowsа» (1960 г.). Е. Рудловчаква подготовила к

печати обширную публикацию об Олександре В. Духновиче и его прозе (1960 г.). Памяти Духновича была посвящена происходившая в 1965 г. в Прешове научная конференция, результаты которой отражает сборник, изданный в 1966 г. Литературное движение в Закарпатье в середине XIX в. показал доц. Ю. Бача в книге под тем же названием, вышедшей в 1961 г. Доцент А. Шлепецкий в работе, вышедшей в 1964 г., подробно проанализировал наследие закарпатского поэта — гуманиста и просветителя А. И. Павловича. Замечательная деятельность одного из пионеров славистики, уроженца Закарпатья Юрия Ив. Венелина, привлекла внимание историка из Прешова Т. Байцуровой, написавшей о нем документально обоснованную монографию (1966 г.).

Впервые мы приступили также к освещению украинской и белорусской литературы. Заслуга в этом принадлежит молодым пражским ученым. Для «Малого словаря советских писателей», изданного в 1964 г. в рукописном виде, В. Жидлицким был подготовлен опус об «Украинских и белорусских писателях». Тот же автор в сотрудничестве с З. Геншк-Березовской подготовил третий том «Украинской и белорусской литературы» в рамках издания «Современная советская литература». Таким образом наша славистика по крайней мере частично возмещает свой долг по отношению к белорусской литературе, которая была связана с чешской культурой уже со времен Франциска Скарины. Полную историю украинской литературы подготавливает Институт языков и литератур Чехословацкой академии наук. В. Жидлицкий дал основную информацию об украинских и белорусских писателях для «Словаря писателей народов СССР», сданный в этом (1966) году в печать.

Научные исследования проводились у нас и в области остальных славянских литератур, хотя специалистов этого профиля несравненно меньше, чем русистов и украинистов. Новое, некрепне дружеское отношение к социалистическим странам после 1945 г. создавало необходимость в том, чтобы наши специалисты посвятили свои профессиональные знания прежде всего нуждам практики, подготовке к изданию переводов на чешский или словацкий язык произведений литературы братских народов, их популяризации в печати, земциях и т. д. Несмотря на это, и здесь появились ряд значительных научных публикаций.

В изучении польской литературы ведущую роль у нас играет проф. К. Крейчи. Уже в 1946 г. он опубликовал книгу «Бартоломей Папроцкий из Глогола и Папроцкая Воля». В 1953 г. он издал систематическую «Историю польской литературы», впервые использующую достижения марксистско-ленинской исто-

риографии, переведенную вскоре на немецкий язык. Его ученик О. Бартош является автором обширных работ «Социально-революционный характер польской романтической литературной критики» (1951 г.) и «Адольф Черны — поборник чешско-польской взаимности» (1958 г.), до сих пор неопубликованных. В виде отдельной книги вышла его научно-популярная монография об Адаме Мицкевиче (1955 г.), опубликованы его обзоры польской литературы. Исследованием творчества Юлиуша Словацкого занимается доц. Г. Ехова, подготовившая к печати работы «Отклик на творчество Словацкого в период Младопольши» (1962 г.), «Поэтический образ в произведениях Словацкого» (1966 г.) и «Ю. Словацкий в чешской литературе». Славист из Брно М. Куделка издал книгу о жизни и творчестве силезского будителя Л. Я. Шершника (1957 г.), жившего в период национального Возрождения на пограничной чешско-польской территории в Силезии. Доцент Брненского университета И. Кристинек написал монографию «Из истории польско-чешских литературных связей в 1914—1930 гг.» (выйдет в 1966 г.). Детальная характеристика чешско-польских литературных связей в более ранние периоды содержится в очерке, подготовленном брненскими полонистами В. Кпасом, Л. Чупровой и Я. Пеликаном, для фундаментальной публикации «Чехи и поляки в прошлом». Литература польских арпапов явилась предметом исследования пражского историка А. Мештына. Ждут опубликования статья того же автора «Польша и поляки в чешской письменности 16 в.», диссертация И. Бечки «Г. Сенкевич в Чехии и Моравии», а также ряд других работ в области полонистики.

Совершенно новые перспективы открылись после 1945 г. перед исследователями серболужицкой литературы, издавна пользовавшейся симпатией в Чехословакии. Наряду с большим количеством статей, опубликованных в журналах и сборниках специалистами широкого славистического профиля, во главе с Я. Петром, появилась пока лишь одна значительная монография — книга проф. А. Фринты «Лужицкие сербы и их письменность» (1955 г.), в которой на основе анализа богатого материала дается общий обзор серболужицкой литературы.

После 1945 г. с большим воодушевлением наши ученые принялись за изучение литератур народов Югославии. В этой области начали работать молодые сотрудники, которые в первые годы своей деятельности целиком посвятили себя изданию многочисленных переводов произведений югославской литературы. События 1948 г., происшедшие после письма Информбюро, парализовали их даль-

нейшую работу в этой области. Лишь с начала шестидесятих годов положение в этой области изменяется к лучшему. За исключением отдельных статей, опубликованных в журналах, почти все большие исследования монографического характера остались неопубликованными. В 1955 г. в виде брошюры вышла статья О. Вашка «Август Шеноа и чешская литература». Глубоким проникновением в характер югославской литературы характеризовались большие статьи М. Недведовой «Робиния Лучича», Я. Пишты «Комедии Бранислава Нуича», выполненные методом сравнительного анализа статьи В. Мештиновой «Проза Бранислава Нуича в чешских переводах», статьи М. Квапила о Петре Кочиче, о литературе Боснии и Герцеговины в 1878—1914 гг. и об Иване Ковачиче, статьи В. Тогнера о Михаиле Лаличе и о проблеме времени в его романах. Многочисленные статьи были посвящены изучению чехословацко-югославских литературных связей. В. Куделка написал монографию «Ян Коллар и Возрождение югославов в тридцатых и сороковых годах», М. Черна написала работу «Прокоп Хохолошек и славянский юг», Е. Шетликова-Скринарова — «Божена Немцова и ее отношение к словинцам» и т. д. Специалисты высшей школы и Института языков и литератур коллективно трудятся над первой чешской «Историей югославской литературы», которая должна выйти в двух томах.

В течение последних двадцати лет значительно более благоприятные условия существовали у нас для работы в области изучения болгарской литературы. Уже в 1948 г. молодой болгарист доц. З. Урбан издал книгу «Христо Ботев, болгарский писатель и революционер» по случаю столетней годовщины со дня его рождения. Вслед за этим появилась большая монография того же автора «Из истории чешско-болгарских культурных связей» (1957 г.). В Словакии написана несколько более скромная, чем названная только что монография, публикация Ю.-Г. Влчева, болгарина по национальности, но живущего в Словакии, «Из истории словацко-болгарских отношений до освобождения Болгарии в 1878 г.» (1959 г.). Тот же автор написал в 1960 г. до сих пор неопубликованную работу «Болгария в словацкой публицистике и литературе до 1918 г.» В. Бехинова (Прага) в книге «Йозеф Добровский и чешская болгаристика» (1963 г.) пишет о ранних этапах изучения Болгарии и болгарского языка в нашей стране. Плодом сотрудничества чехословацких и болгарских славистов явился сборник статей «Чехословацко-болгарские отношения в зеркале столетия» (1963 г.). Общую «Историю болгарской литературы» готовят совместно Институт языков и литератур Чехословацкой акаде-

мии наук и философский факультет Карлова университета.

Если славистические исследования в области языков и литератур развернулись после 1945 г. широким фронтом, то значительные трудности испытывали мы вследствие недостатка специалистов при изучении славянского фольклора. Преобладающее большинство наших фольклористов в своей исследовательской деятельности обращалось к чешскому и словацкому народному творчеству. Тем не менее и в области изучения славянского фольклора появился ряд значительных работ. Наибольший интерес в этом отношении представляют книги, написанные проф. К. Горалеком «Очерки славянской народной поэзии» (1962 г.), «Славянские сказки» (скрипта, 1964 г.), и «Очерки о сравнительном изучении сказок» (1965 г.), им же опубликованы квалифицированные статьи о стихе народной песни. Пражский славист О. Зилинский в 1965 г. подготовил обширную работу «Старинные народные игры у западных и восточных славян». Доцент Брненского университета Я. Мандат в 1960 г. опубликовал монографию «Народная сказка в русском литературном творчестве допетровской эпохи». Его коллега Я. Полакова-Елинкова из Брно опубликовала статью «Некоторые отзвуки богомилства в древнерусской литературе и устной словесности» (1963 г.) и «Материалы о развитии дуалистических народных сказок у славян» (1965 г.). Изучением украинской народной словесности и в особенности обрядовых народных песен в восточной Сло-

ваки занимается пражская фольклористка Э. Врabcова.

Двадцатилетие, прошедшее после 1945 г., как ни один предшествующий период, ознаменовалось крупными достижениями в области чехословацкой славистики. Славянская филология, языковедение и литературоведение вступили в полосу небывалого расцвета, достойного нашей социалистической эпохи. Славянская филология, игравшая важную роль в период так называемого национального Возрождения, то есть в период формирования буржуазных наций, не менее важную миссию выполняет и ныне, в эпоху социалистической революции, строительства социализма в нашей стране, способствуя более глубокому знакомству с культурой родственных социалистических стран.

Радостные перспективы открываются и для ее дальнейшего развития. Если раньше слависты занимались преимущественно воспитанием новых научных и педагогических кадров, готовили информации о культуре братских народов, то теперь все большее внимание будет уделяться получению и совершенствованию качества научных исследований. Все выше будет подниматься теоретический уровень работы, будет осуществляться постоянная координация с соответствующими научными учреждениями социалистических стран и прежде всего Советского Союза. Все области славянской филологии будут развиваться в постоянном сотрудничестве с прогрессивной наукой всего мира.

Юлиус Доланский

СЛАВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

5—7 мая 1966 г. в Варшаве состоялась научная конференция, посвященная проблемам славянской фольклористики. Она была организована Институтом литературных исследований Польской академии наук при содействии Министерства культуры и искусства. Кроме польских ученых, в ней приняли участие и гости из СССР (В. А. Юзвенко, И. В. Соломевич, В. Е. Гусев), из Болгарии (П. Динев), ГДР (П. Недо), Чехословакии (Я. Ех, Л. Поурова, В. Гашпарикова), Югославии (М. Матичетов).

Первый день работы конференции целиком заполнили доклады польских ученых: Ю. Кшижановского (Варшава) — «Состояние и нужды польской фольклористики»; С. Хернаса (Вроцлав) — «Проблематика исследований польской народной песни XVI—XVIII вв.»; Р. Войцеховского (Варшава) — «Польская народная песня в сборниках и обработках XIX и XX вв.»; Е. Капелузь (Варшава) — «Изучение сказок и преданий в Польше»; С. Свирко (Варшава) — «Полевые исследования современного

польского фольклора»; Ч. Калужного (Варшава) — «Фольклор в культурно-просветительной работе»; М. Знамеровской-Прюфферовой (Торунь) — «Из области рыбацкого фольклора»; И. Лигензы (Ополе) — «Преобразования в современном народном творчестве». К этим докладам по своему содержанию примыкал и доклад Р. Гурского (Варшава) — «Изучение польской фольклористики», прочитанный в последний день работы конференции.

В выступлениях польских коллег и в дискуссии по их докладам обсуждались принципы изучения отдельных фольклорных жанров (песенных и прозаических) и критерии жанровой классификации, проблемы современного фольклора славянских народов, выяснение его сущности и судеб (эти вопросы остро поставил в дискуссии Я. Ех), вопросы историографии, выяснение места и роли крупнейших ученых прошлого в истории польской фольклористики (что обусловлено практической работой польских фольклористов по созданию истории отечественной науки

Второй день конференции был отведен для докладов гостей. Они рассказали об изучении фольклора тех славянских народов, которые представляли. Советские представители познакомили присутствующих с современным состоянием белорусской, украинской и русской фольклористики, а также со славистической проблематикой в работах фольклористов нашей страны.

Третий день конференции был посвящен, в основном, проблемам фольклорной текстологии. Ю. Кшижановский изложил основные теоретические принципы современной польской текстологии. А. Обрембска-Яблоньская (Варшава) рассказала о текстологических трудностях при издании белорусских песен, собранных М. Федеровским. Й. Буршта (Познань) раскрыл огромное значение издания фольклорно-этнографического наследия О. Кольберга (свыше 70 томов), в частности новых, впервые публикуемых материалов по польскому, белорусскому, украинскому и литовскому фольклору. Секретарь редакции журнала «Literatura ludowa» С. Свирко проинформировал аудиторию о подготовке фундаментального издания польских пословиц и поговорок. Доклады и сообщения польских коллег вызвали оживленную дискуссию, которая обнаружила много важных и нерешенных еще проблем, возникающих при переиздании классических собраний фольклора, а также при подготовке новых антологий и сводов. Были отмечены большие достижения польских фольклористов, этнографов и лингвистов в области издания национального фольклора.

На конференции развернулась общая дискуссия о месте фольклористики среди других общественных наук, в частности о взаимоотношениях между фольклористикой и литературоведением, этнографией, языковедением. Ряд польских ученых — А. Кутшеба-Пойнарова, М. Знамеровская, К. Завистович и др. — критиковали восприятие фольклористики как литературоведческой дисциплины и горячо высказались за укрепление связей

фольклористики с этнографией. Й. Лигенза в своем выступлении высказал мнение, что фольклористика в равной мере принадлежит и литературоведению, и этнографии. Присутствовавшие на конференции польские музыковеды отметили, что фольклористика все еще недостаточно учитывает необходимость музыковедческих исследований. Принявшие участие в дискуссии Я. Ех и М. Матичетов доказывали практическую важность определения места фольклористики среди других наук и отстаивали идею автономии фольклористики как науки. О том же говорили и советские представители, подчеркивая плодотворность комплексного изучения фольклора. В результате большинство участников дискуссии сошлось на том, что фольклористика сформировалась как вполне самостоятельная наука и что необходимо повсеместное создание комплексных фольклорных коллективов. Конференция высказала рекомендацию о создании специального института в Польше.

Была организована поездка участников конференции в один из интереснейших в этнографическом отношении районов страны — в Курпье, где в с. Копидзидло состоялся большой концерт местной художественной самодеятельности, программа которого была целиком фольклорной. Участники конференции познакомились также с некоторыми сторонами быта, культуры и производственной деятельностью местного населения (художественное ремесло).

Все материалы конференции будут опубликованы в специальном выпуске журнала «Literatura ludowa». Сожаление участников конференции вызвало лишь отсутствие в ее программе докладов по музыкальному и хореографическому фольклору. Хочется надеяться, что последующие аналогичные славистические конференции фольклористов (участники единодушно высказались за периодичность созыва таких конференций в разных славянских странах) будут носить комплексный характер.

В. Е. Гусев

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОРАБИСТОВ

С 16 по 20 мая 1966 г. в ГДР проходила международная конференция, посвященная вопросам серболужицкого языковедения. Она была организована Институтом славяноведения Германской академии наук в Берлине (директор института акад. Г. Бильфельдт) при участии Института лужицкого народоведения в Бауцене (ответственный за организацию конференции — директор института д-р П. Новотный) и Лужицкого института при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге (ответственный — д-р Г. Шустер-Шевц). Обязанности председателя

конференции выполнял акад. Г. Бильфельдт, ответственного секретаря — сотрудник Института славяноведения в Берлине д-р Р. Леч.

Конференция сорабистов стала большим событием в научной жизни ГДР. Она вызвала интерес у специалистов не только по серболужицкому языковедению, но и по сравнительно-историческому языковедению, у специалистов по славянским литературам и фольклору.

Конференция привлекла большую группу ученых из разных стран. В ней приняли участие все сорабисты-языковеды

ГДР. Самыми большими были делегации ученых из Чехословакии и Польши. Из Советского Союза на конференцию прибыли проф. д-р филол. наук С. Б. Бернштейн, канд. филол. наук В. А. Дыбо, канд. филол. наук М. И. Ермакова (Институт славяноведения АН СССР) и канд. филол. наук К. К. Трофимович (Львовский государственный университет). В работе конференции приняли участие также ученые ФРГ, Англии и США.

Большой интерес к конференции и активное участие в ней многих исследователей объясняются тем, что это была первая международная конференция, где специально обсуждались вопросы серболужицкого языкознания. Следует отметить, что в современном немецком языкознании сорабистика составляет одну из важнейших областей, в которой можно выделить три главных направления: 1) диалектология (работы по диалектологии сосредоточены главным образом в Институте лужицкого народоведения в Бауцене); 2) топонимики и серболужицкий этимологический словарь (Лужицкий институт в Лейпциге); 3) история языка, издание памятников, исторический словарь (Институт славяноведения Германской академии наук в Берлине).

Исходя из того, что сорабистика является одной из важнейших областей славистики, организаторы конференции ограничили ее задачи чисто научной разработкой некоторых вопросов серболужицкого языкознания и оставили в стороне практические вопросы (организация преподавания серболужицких языков и т. п.), которые занимали большое место на конференции 1960 г. Но и в этих пределах задачи конференции были определены очень широко: обсуждение должно было охватить все вопросы серболужицкого языкознания, включая и такие, как взаимодействие серболужицких языков с другими западославянскими языками.

Такая постановка темы конференции гарантировала участие в ней большого круга специалистов-сорабистов и исследователей широкого профиля, но в то же время не благоприятствовала детальному обсуждению докладов (намечалось заслушивать до 12 докладов в день).

Конференция открылась в торжественной обстановке в конференц-зале Германской академии наук. Гостей приветствовал акад. Г. Бильфельдт, рассказавший о целях конференции и ее организации. Взволнованно прозвучала приветственная речь председателя серболужицкой культурной организации «Домовина» Курта Кренца. От имени советских славистов конференцию приветствовал проф. С. Б. Бернштейн. Затем началась рабочая часть конференции.

Первые два дня заседаний (17—18 мая) проходили в Берлине, последний день

конференции (20 мая) — в Бауцене, в Доме сербской культуры, где участников конференции встречал и приветствовал д-р П. Новотный.

В тематическом разнообразии докладов можно выделить следующие основные проблемы, поставленные на конференции: 1) взаимодействие серболужицких и западославянских языков; 2) проблемы билингвизма; 3) вопросы акцентологии; 4) создание этимологического словаря; 5) диалектологические вопросы; 6) вопросы серболужицкой морфологии и синтаксиса.

Первым был заслушан доклад проф. д-ра Д. Брозовича (Задар) о генетических связях серболужицких диалектов. Докладчик поставил под сомнение точку зрения тех исследователей, которые рассматривают верхне- и нижнелужицкий язык как один язык. Аргументацию сторонников этой точки зрения проф. Брозович признал не убедительной, считая данную проблему выходящей за пределы лингвистики. Интересным был доклад доц. д-ра Э. Эйхлера (Лейпцигский университет) о членении древнелужицкой языковой территории в свете данных топонимики. В докладе на богатейшем материале, извлеченном автором из исторических документов, убедительно обосновано мнение о членении древнелужицкой территории на северо-восточную и юго-западную области.

Доклад доц. д-ра Г. Таборской (Варшава) был посвящен вопросу о древнейшем диалектном членении северо-западной части славянской территории. Определяя место серболужицких языков среди славянских языков, автор стремился обосновать свою точку зрения на возможность включения серболужицких языков в лехитскую группу. Следует отметить, что аргументация докладчика не всегда была убедительной.

Одним из наиболее интересных докладов на первом заседании был доклад д-ра М. Грухмановой (Познань) о лужицко-великопольских связях.

Второе заседание первого дня конференции открылось докладом В. А. Дыбо о некоторых неясных вопросах отражения праславянских акцентно-intonационных и количественных отношений в верхнелужицком языке. Это был единственный на конференции доклад по акцентологии. Он вызвал большой интерес. В прерывках по нему выступили д-р Г. Шустер-Шевц (Лейпциг), д-р Ф. Мареш (Прага), д-р З. Топольнская (Варшава).

Доклад З. Топольнской о хронологии заместительного продления в западославянских языках основной своей идеей был близок докладу Г. Таборской: в области заместительного продления нижне- и верхнелужицкие языки дают то же, что и лехитская группа языков.

В следующей группе докладов освещались вопросы лужицко-немецкого дву-

язычия. Д-р М. Радловский (Краков) в своем докладе остановился на языковой ситуации в Лужице и на конкретных примерах проникновения немецкого языка в серболужицкие. В докладе д-ра Ф. Михалка (ГДР) были приведены обширные статистические данные, полученные в результате наблюдений автора над разными формами двуязычия.

На второй день конференции развернулась интересная дискуссия по докладу о лужицком этимологическом словаре, зачитанному д-ром Г. Шустером-Шевцом. Автор представил слушателям подготовленные им некоторые пробные статьи на различные части речи, где приведены различные значения слов, детально охарактеризовано развитие семантической структуры слова, указаны географические зоны распространения, широко использованы данные памятников. В связи с докладом д-ра Г. Шустера-Шевца дискутировался вопрос об объеме и содержании этимологического словаря отдельных славянских языков, о специфических задачах частных этимологических словарей. В прениях выступили проф. С. Б. Бернштейн и проф. Ст. Урбанчик. С. Б. Бернштейн отметил новаторский характер словаря д-ра Г. Шустера-Шевца и указал на некоторые ошибки в его компаративистской части.

На этом же заседании с интересным докладом выступил доц. д-р Ф. Конечный (Брно), который остановился на особенностях лексической структуры серболужицких языков, на вопросе о соотношении лексических структур славянских языков, о механизме заимствований.

Большая группа докладов на последующих заседаниях конференции была посвящена вопросам морфологии и синтаксиса серболужицких языков. В последний день конференции в Бауцене были зачитаны два доклада о категории двойственного числа в серболужицких языках (д-р Р. Енч и канд. филол. наук М. И. Ермакова) и об особенностях серболужицкого склонения (д-р Ф. Мареш

и канд. филол. наук К. К. Трофимович); о категории прошедшего времени в серболужицких языках в сравнении с польским (д-р К. Кошмидер); о влиянии немецкого языка в области серболужицкой глагольной системы (д-р Р. Леч); о специфических чертах серболужицкого сложного предложения (доц. д-р Я. Бауэр, Брно).

Большой интерес вызвал доклад д-ра Г. Фаске (Бауцен) о серболужицком лингвистическом атласе и его проблематике. Автор отметил, что задачей атласа является определение границ диалектов, а также границ распространения слов и явлений. В докладе были определены три типа территории, на которой распространены серболужицкие языки: два основных и переходный пояс. С основными положениями доклада, касающимися границ диалектов, согласился в прениях д-р Р. Леч. Выступившие по докладу Г. Фаске проф. д-р С. Утешены, проф. С. Б. Бернштейн, проф. Д. Брозович поздравили лужицких языковедов с выходом в свет первого тома атласа.

Организаторы конференции дали возможность гостям познакомиться с Лужицей. Один из дней пребывания в ГДР участники конференции провели в районе Люббенау, на Шпревальде. Артисты драматического театра в Бауцене специально для участников конференции дали спектакль на верхнелужицком языке. В честь гостей 20 мая организаторами конференции был дан прием в Доме лужицкой культуры. Ансамбль лужицкой песни и танца познакомил участников конференции с различными сохранившимися типами национальной одежды лужичан, лужицкими песнями.

Необходимо отметить, что конференция была прекрасно организована. Обсуждения проходили в дружественной обстановке. Конференция, которая подвела итог работам по серболужицкому языкознанию и определила задачи на будущее, имеет большое научное значение.

М. И. Ермакова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1966 г.

Передовые

Событие мирового значения № 3

Статьи

Алпатов М. А. Историческая концепция Юрия Крижанича	№ 3
Богуславский М. И. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в Польше (1934—1935 гг.)	№ 2
Бэлла И. Вклад польского народа в культуру человечества (К тысячелетию Польского государства)	№ 6
Даскалова Е. Александр Блок и болгарская литература	№ 2
Демина Е. И. Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка	№ 4
Достьян И. А. К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в.	№ 6
Дьяков В. А. Революционное движение в русской армии и польское освободительное движение 1856—1865 гг.	№ 3
Жыховский М. Тысячелетие Польши (Избранные проблемы — Польша — католическая церковь — Ватикан — Германия)	№ 5
Ильина Г. Я. Основные тенденции развития хорватской литературы в межвоенный период (1918—1941)	№ 1
Калнынь Л. Э. К характеристике нижнелужицких звуковых диалектных различий	№ 6
Кацнельсон Д. В. Польские песни о героях восстания 1863 года	№ 6
Копыленко М. М. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности	№ 1
Королук В. Д. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма (Обзор основной проблематики исследования)	№ 4
Кузьмин М. Н. Повышение образовательного уровня масс в процессе строительства социализма в Чехословакии	№ 3
Львова Е. П. Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия	№ 5
Мигульский К. И. Основные черты ликвидации эксплуататорских классов в социалистических странах Европы	№ 4
Нещименко Г. П. Явление ассиметрии у существительных со значением лица в чешском языке	№ 2
Никольский С. В. О жанровой структуре романа К. Чапека «Война с саламандрами»	№ 6
Ольшанский П. К деятельности Веры Хоружей в Западной Белоруссии в 1924—1925 годах	№ 1
Попова Т. В. К характеристике взаимодействия между системами вокализма и консонантизма (на материале болгарских диалектов)	№ 5
Сладек З., Шванкмайер М. Буржуазная историография о чехословацко-советских отношениях	№ 1
Цивьян Т. В. О возможности применения ареально-типологических методов для исследования балканского языкового союза (к построению лингвистического атласа балканского языкового союза)	№ 3
Цыбенко Е. З. О сравнительном изучении творчества Пруса	№ 2
Чемпалов И. Н. Усиление позиций германского капитала в Болгарии в 30-е годы XX в.	№ 1

Сообщения и публикации

- А га п к и па Т. П. Неопубликованное письмо Бедрижа Вацлавека . . . № 4
- Б е г у н о в Ю. К. Отражение «Беседы» Козмы Болгарского в «Молении Даниила Заточника» . . . № 5
- В е н е д и к т о в Г. К. Об одной книге эпохи болгарского Возрождения . . . № 2
- В е р е щ а г и н Е. М. К характеристике билингвизма эпохи Кирилла и Мефодия . . . № 2
- Г л и н к и н П. У истоков женского движения в Польше . . . № 2
- Г о л ь б е р г М. Я. Заметки Франко на полях книги Марковича . . . № 5
- Д в о й ч е н к о - М а р к о в а Е. М. К истории русско-американских научных связей второй половины XVIII в. № 2
- Ж у к о в с к а я Л. П. Вопросы Н. П. Румянцева к Вуку Караджичу и ответы на них № 5
- И л ю ш и н А. А. «Атреев пир» в «Божественной комедии» (в соотношении со славянскими сюжетами и переводами Данте) № 4
- К и с е л е в И. Н. О творческих связях советских и чехословацких ученых в области общественных наук № 5
- К о л я д а Г. И. Из истории южно-восточнославянских книгопечатных связей в XVI—XVII вв. № 4
- К о п ы с т я н с к а я Н. Ф., Г о ш о в с к и й В. Л. Как возникла первая книга Ивана Ольбрахта о Закарпатье «Земля без имени» № 3
- К у з ь м и н А. И., М и р о н о в С. А. Письма Ф. Миклошича к М. Н. Погодину № 6
- М а к о в а Е. С. Состояние загребской торговли в середине XVI в. по данным таможенных записей городской коммуны № 4
- М и л л е р И. С. Русский военный комитет в Варшаве и ЦК «Земли и Воли» № 6
- М о р д у х о в и ч Л. М. Неопубликованный трактат Юрия Крижанича № 2
- Н е д з е л ь с к и й Ф. В. К вопросу об изучении научного наследия Р. И. Бошковича № 5
- О ч а к И. Д. Неизвестное письмо Филипа Филиповича № 1
- П о д г у р е ч н ы й Ю. Польский крестьянин под мечом прусского закупа № 1
- П о п И. И. Ремилитаризация Рейнской зоны и чехословацко-венгерские отношения № 6
- П о с п е л о в Е. М. Некоторые картографические вопросы лингвистической географии № 1
- Р ы т ч и к Ю. «Франческа ди Римини» Яна Неруды № 4
- С в и р и д а И. Из истории культурного строительства Народной Польши (Изобразительное искусство) № 1
- С м и р н о в Ю. И. Следы эпической поэзии на Буковине № 3
- Ш т а к е л ь б е р г Ю. И. Из истории восстания 1863 г. № 5

Критика и библиография

- А з б е л е в С. Н., В и л и н б а х о в В. Б. Журнал польских фольклористов № 4
- Б а ч и н с к и й А. Д., Д ы х а н М. Д. Книга по истории русско-болгарских связей № 5
- Б е л я е в а Ю. Д. Илия Колев. Българо-сръбски литературни взаимоотношения през XIX век (до освобождението) № 1
- Б е р н ш т е й н С. Б. К. Мирчев, X. Кодов. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. № 1
- Б е р н ш т е й н С. Б. «Филологические труды» в честь академика В. Дорощевского № 3
- Б и б л и о г р а ф и я (Составители: М. Р. Тульчинский, П. А. Калоева, Г. И. Павленко) № 1—6
- Б и р м а н М. А. Полезное пособие по истории рабочего движения в Сербии № 3
- Б о г о м о л о в а Н. А. О книге Я. Тшнаделя «Творчество Б. Лесьмяна» № 6
- Б у л а т о в а Р. В. Новое издание Новосадского университета № 6
- Б э л з а И. Выдающиеся достижения славянской дантологии № 2
- В е н е д и к т о в Г. К. Обзор работ сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР (1963—1965 гг.) № 3
- В и н о г р а д о в а А. Новая книга о словацком крестьянстве № 1
- Г е л о в К. Две книги о современной болгарской литературе № 1
- Г р и ш и н а Р. П. Б. Григоров. Вторая конференция на БКП № 4
- Г р о с с м а н Ю. М. Исследование о повинностях королевских крестьян № 5
- Д о б р у с к и н М. Никола Филчев. Интеллектуция в Народной Республике Болгарии № 2
- З а в о л ж с к и й С. Г., Л у к и н Л. И. Вопросы совершенствования управления народным хозяйством в работах чехословацких и польских экономистов № 2

- З л у к о С. Н., Хошигсман Я. С. Критика экономических концепций чешского реформизма № 1
- З у д и н о в Ю. Ф. «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны» № 5
- И. К. «Przemiany społeczne w Polsce Ludowej» № 5
- И л ю ш и н А. А. «Критический реализм в литературах западных и южных славян» № 6
- И л ь и н а Г. Я. «Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća» № 6
- К а г а н о в И. Я. Вопросы славянского книговедения на страницах сборников «Книга» № 5
- К а л е н и ч е н к о П. «Интернационалисты в боях за власть Советов» № 3
- К а л л о ш А. В. Новая литература по истории югославского театра № 1
- К а л о е в а И. «Грађа за историју библиотеке Матице српске» № 2
- К а р а с е в В. Г. Г. М. Славии. Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.) № 4
- К и ш к и п Л. С. Вилем Мршттик в борьбе за чешское реалистическое искусство № 1
- К и ш к и н Л. С. «Výbor z české literatury husitské doby» № 4
- К и ш к и н Л. С. Новое серийное научное издание № 3
- К л е п и к о в а Г. П. W. Budziszewska. Słowniańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej № 6
- К о п а ш е в а М. J. Hroziencik, F. Gondor. Neboli sme sami (O pomoci SSSR Slovenskemu národnému povstaniu) № 2
- К о п а ш е в а М. Чехословацкая историческая литература 1965 г. об антифашистском движении Сопротивления народов Чехословакии № 3
- К о с т ь у ш к о И. И. А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России № 6
- Л а п т е в а Л. П. Труды чехословацких историков по экономической истории Чехословакии позднего средневековья. 1962—1965 гг. № 2
- Л. К. Jan Mišianik. Antológia staršej slovenskej literatúry № 2
- Л. К. Josef Polák. Americká cesta Josefa Václava Sládka № 5
- Л о з и н с к и й И. Н. На пути от критико-публицистической информации к аналитическому исследованию № 3
- Л ь в о в А. С. «Изборник 1076 года» № 6
- Л ь в о в а Е. Книга по истории болгарской эстетической мысли № 1
- М а н у с е в и ч А. Я. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус № 1
- М а р ь и н а В. В. Некоторые вопросы социалистической перестройки деревни в работах чехословацких историков № 5
- М о т о р н ы й В. А., Г о р д и е н к о В. Я. Монография по истории общественной мысли в Галичине № 1
- М у р а ш к о Г. П. V. Mencl. Na cestě k jednotě (Komunistická strana Československá v letech 1921—1923) № 2
- М ы л ь н и к о в А. С. «Přispěvky k dějinám česko-ruských kulturních styků» № 6
- М ы л ь н и к о в А. С. «Slovník českých spisovatelů» № 4
- М ы л ь н и к о в А. С. «Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech» № 5
- П а з а р о в В. Д. Источники по славяно-румынским связям № 4
- Н е м и р о в с к и й Е. Л. Новые труды по истории славянского первопечатания № 1
- О я т е в а Е. И. Maria Norska-Gulkowa. Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skórzanych z Ostrowka w Opolu z X—XIII w. № 6
- П е р ц и г е р И. «Дорога в огне» № 2
- П о п к о в Б. С. L. Przemski. Niespokojne życie № 6
- П о п о в а Т. Стойко Стойков. Българските народни говори № 1
- Р а з у м о в с к а я Л. Jan Małeckí. Studia nad rynkiem regionalnym Krakowa w XVI wieku № 3
- С а в и ц к и й В. Д. Не только «о чем», но и «как» № 5
- С е м и н И. «Записки об освободительной войне в Югославии» № 2
- С е н к е в и ч И. Греческое освободительное движение и славянские народы в конце XVIII — начале XIX в. № 3
- С и д е л ь н и к о в С. И. Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х — начале 70-х годов XIX в. в исторической литературе Народной Республики Болгарии № 2
- С м и р н о в Ю. И. На пути научного поиска № 4
- С о л о в ь е в а А. П. «Realismus a modernost. Proměny v česke proze 19 století» № 5

Софронова Л. А. Славянская музыкальная культура в общих работах советских музыковедов	№ 2'
Струкова К. Л. Хр. Христов. Аграрные отношения в Македония през XIX в. и начало на XX в.	№ 3.
Супрун А. Е. Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии	№ 2
Тптова Л. Книги о деятелях современного чешского театра	№ 3.
Тулчинский М. Р. Экономика стран социализма в 1964 г.	№ 5.
Улащик Н. Н. «Восстание 1863 г. Материалы и документы»	№ 4
Шерлаимова С. Новое исследование по истории чешской поэзии	№ 1
Шерлаимова С. Издания трудов чехословацких критиков-марксистов	№ 4
Шимонич Зденка. Документы и материалы по истории Народно-освободительной войны и революции в Югославии	№ 4.
Шлёнова Н. А. «Dějiny KSC	№ 3

Научная жизнь

В. П. В институте истории АН СССР	№ 5.
Воздвиженская Т. А. Собрание, посвященное дню болгарской культуры и славянской письменности	№ 5
Г. В. На филологическом факультете МГУ	№ 2
Гольцекер Ю. П. Славистика в Самаркандском университете им. А. Навои	№ 6
Гуревич Ф. Д. Польско-советский симпозиум, посвященный балто-славянским отношениям	№ 4.
Гусев В. В., Москаленко А. Е., Софронова Н. Т. Третья межвузовская конференция историков-славистов в Воронеже	№ 4
Захаревич Е. А. На филологическом факультете Ленинградского университета	№ 6
Зеленин В. В. Научная сессия в Одессе	№ 2
Зуева Н., Шатохина Е. 90-летие Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии	№ 5
И. В. Защита дипломных работ на кафедре истории западных и южных славян МГУ	№ 1
Левшин Б. В. Постоянная выставка в Архиве АН СССР, посвященная академику М. Н. Тихомирову	№ 5.
Манусевич А. Я. Второе координационное совещание историков социалистических стран	№ 2
Марков Д. Ф. В международном комитете славистов	№ 2
Мартыненко А. К. Изучение истории зарубежных славянских стран в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко	№ 2
Матвиас И. Г. Конференция по украинской диалектологии	№ 1
Меньшова Н. М., Самодурова З. Г. В секторе византиноведения Института истории АН СССР	№ 1
Мокиенко В. М. На филологическом факультете ЛГУ	№ 4
Назаров В. Д. В институте экономики мировой социалистической системы	№ 2
Наумов Е. П. Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы	№ 1
Николаев Ю. Работа куйбышевских славистов	№ 2
Попова Т. В., Львов А. С. В комиссиях Международного комитета славистов	№ 5
Путилов Б. Н. В секторе народного творчества Института русской литературы АН СССР	№ 1
Решения IX заседания Международного комитета славистов 21—24 IX 1965 г.	№ 2
Рогова В., Шаферова Л. О преподавании славянских языков и истории в Красноярском педагогическом институте	№ 6
С. Н. Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене	№ 1
Сухарев В. В., Чернявский Г. И. Исследование истории славянских стран харьковскими славистами	№ 2
Тематика VI Международного съезда славистов	№ 2
Третьяков П. Н. Конгресс археологов-славистов в Варшаве	№ 3
Фрицлендер Г. Симпозиум по истории польского и русского романа	№ 4

В] Институте славяноведения АН СССР

Глинский В. Симпозиум по проблеме «Дранг нах Остен»	№ 5
Доронина Р. Лекция профессора Р. Лалича	№ 3
Защита диссертаций	1,2,4,5,6

К. И. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Ю. Мархлевского	№ 5
М. Т. К национальному празднику Югославии — Дню Республики	№ 2
Наумов Е. А. Заседание, посвященное памяти П. А. Ровинского	№ 4
Ю. Б. Встреча с чехословацкими учеными	№ 5

Научная жизнь за рубежом

Бобрнк Н. П. Международный семинар славистов в Югославии	№ 2
Бошков Ж. Матица сербская в Новом Саде	№ 2
Грау К. Изучение истории германо-славянских отношений в ГДР	№ 4
Гусев В. Е. Славистическая конференция фольклористов	№ 6
Доланский Ю. Славянская филология в Чехословакии после 1945 г. и перспективы ее развития	№ 6
Дуткевич Ю. Теоретические вопросы исторической науки в трудах польских ученых	№ 5
Ермакова М. И. Международная конференция сорабистов	№ 6
Иванович Н. Институт истории рабочего движения в Сербии	№ 2
Л. В. Новый журнал по балканистике	№ 1
Лоссовский П. Сектор истории СССР и Центральной Европы Института истории Польской академии наук	№ 1
Матула В. Пятый съезд словацких историков	№ 1
Менцель Т. Исторический центр в Люблине	№ 3
Неврли М. Институт мировой литературы и языков Словацкой академии наук в Братиславе (Проблемы и перспективы)	№ 1
Новый славистический журнал	№ 3
Ольшанский Я. К столетию со дня рождения Ю. Мархлевского	№ 5
Петрус П. О научно-исследовательской работе литературоведов на Философском факультете университета им. П. Й. Шафарика в Кошицах	№ 4
Р. П. Продолжение старых, но хороших традиций	№ 3
Стрекалова З. Н. О работе Международных славистических курсов в Польше в 1965 г.	№ 2
Титова Л. IX Летняя школа славистов в Праге	№ 1
Туджман Ф. О работе Института истории рабочего движения Хорватии	№ 4
Урбан З. Изучение славянских литератур в чешских научных учреждениях	№ 3

Некрологи

Николай Калининвич Гудзвй	№ 3
-------------------------------------	-----

CONTENTS

<i>Igor Belza</i> . The contribution of the Polish people to the culture of mankind (Towards the Millenium of the Polish state). <i>I. S. Dostyan</i> . On the problem of the Anglo-Russian rivalry in the Serbian principedom in the 30-ies of the XIX century. <i>S. V. Nikolsky</i> . On the genre structure of K. Čapek's «The War with the Salamanders». <i>D. B. Katznelson</i> . The Polish songs about the heroes of the 1863 uprising. <i>L. E. Kalnyn</i> . Towards the characteristics of the Lower Sorbian dialectal sound differences	3
--	---

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

<i>I. I. Pop</i> . The remilitarization of the Rhine Zone and the Czechoslovak-Hungarian relations. <i>I. S. Miller</i> . The Russian military committee in Warsaw and the CC of the «Land and Freedom». <i>A. I. Kuzmin</i> , <i>S. A. Mironov</i> . F. Miklošič's letters to M. P. Pogodin	56
--	----

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review-articles

<i>I. I. Kostiuško</i> . A. Ya. Manusevitch. Polish internationalists in struggle for the victory of the Soviet power in Russia. <i>B. S. Popkov</i> . L. Przemski. Niespokojne życie. <i>A. A. Ilyushin</i> . «Critical realism in the literatures of the Western and Southern Slavs». <i>G. Ya. Ilyina</i> . «Panorama hrvatske kniževnosti XX stoljeća». <i>G. P. Klepikova</i> . W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. <i>A. S. Lvov</i> . «The Izbornik of 1076». <i>E. I. Oyateva</i> . Maria Norska-Gulkowa. Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skórzanych z Ostrowska w Opolu z X—XIII w.	74
--	----

Book notes

<i>R. A. Bulatova</i> . A new publication by the Novi Sad University. <i>N. A. Bogomolova</i> . On the book by J. Trznadel «The Work of B. Lesmian». <i>A. S. Mylnikov</i> . «Příspěvky k dějinám česko-ruských kulturních styků».	89
--	----

Bibliography

The principal articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples published in the Soviet periodicals in 1966 (continued). The contents of foreign periodicals	92
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. Rogova</i> , <i>L. Šafařova</i> . On the teaching of Slavic languages and history in the Krasnoyarsk Pedagogical Institute. <i>E. A. Zakharevitch</i> . At the Philological Department of the Leningrad University. <i>N. P. Mitina</i> , <i>T. I. Komkova</i> . The defence of dissertation theses	97
---	----

Scientific life abroad

<i>Julius Dolánský</i> (Tchekhoslovakia). Slavonic philology in Tchekhoslovakia after 1945 and the perspectives of its development. <i>V. E. Gusev</i> . A Conference of Slavist folklorists. <i>M. I. Ermakova</i> . An International Conference of the Sorbologists.	98
--	----

The Index of the articles and materials published in the magazine in 1966	111
---	-----

Технический редактор Т. А. Михайлова

Т. 43858	Подписано к печати 8/X—1966 г. Тираж 1025 экз.	Зак. 120
	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ Печ. л. 10,15 Бум. л. 3 ³ / ₄ Уч.-изд. листов 12,2	

Цена 1 руб.

151
Б. ДОРОГОМИЛОВСКАЯ
Д. 31 УВ. 186
ТОЛСТОМУ И. И.
3 1.12 С С Г А В

Индекс
70891

**Принимается подписка
на журналы издательства «Наука»
на 1967 год
журналы по общественным наукам**

Название журнала	Номеров в год	Подписная цена	
		годовая	полу- годовая
Вестник древней истории	4	9—60	4—80
История СССР	6	7—20	3—60
Народы Азии и Африки История, экономика и культура	6	9—60	4—30
Новая и новейшая история	6	6—00	3—00
Советская археология	4	10—00	5—00
Советское славяноведение	6	6—00	3—00
Советская этнография	6	10—80	5—40
Советское государство и право	12	8—40	4—20
Экономика и математические методы	6	7—50	3—75

Подробные сведения о журналах издательства «Наука» публикуются в каталогах «Академкнига».

Подписка принимается во всех пунктах «Союзпечати», отделениях связи, почтамтах, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и организациях.